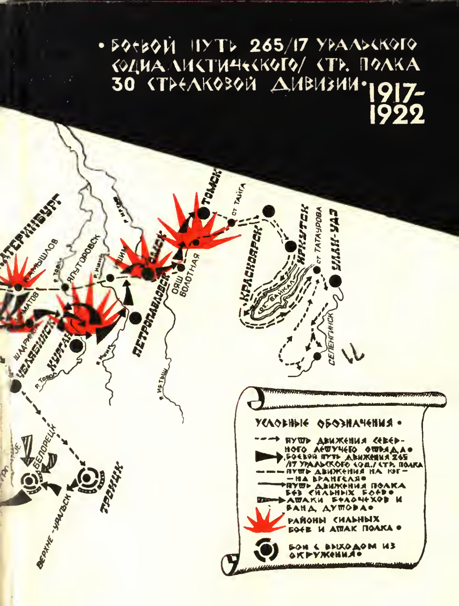
по приказу революции
П. ПОПОВ,
Ю. БУРАНОВ,
И. ШАКИНКО
по приказу революции

РИГА
ПЕТРОГРАД
ВОЛОГДА
МОСКВА
ЯРОСЛАВЛЬ
ВЯТКА
ГЛАЗОВ
ПЕРМЬ
КУНГУР
БИЛИМБАЙ
ДЕБЕСЫ
ПАВЛОВСК
ВАЛАМАЗ
с. СЕЛТЫ
ЧЕРНОВСКОЕ
ОСА
ТЮЙНО-ОЗЕРСКОЕ
КР. ЯР
КАТАЙСК
ИГЛИНО
ТЕМИР-БАЕВО
АРХАНГЕЛЬСКИЙ
УФА
ЗИЛИМ
БОГОЯВЛЕНСКИЙ
ПОЛТАВА
ДНЕПРОПЕТРОВСК
ЗАПОРОЖЬЕ
с. ВЕСЕЛОЕ
НОВ. АЛЕКСЕЕВКА
ГЕНИЧЕСК
ГУЛЯЙ ПОЛЕ
ВАСИЛЬЕВКА
РАЙОН БОРЬБЫ С БАНДАМИ МАХНО И ДРУГИМИ 1921 г.
АНДРЕЕВКА
МЕЛИТОПОЛЬ
БЕРДЯНСК
ДЖАНКОЙ
ЕВПАТОРИЯ
СИМФЕРОПОЛЬ
ФЕОДОСИЯ
КЕРЧЬ



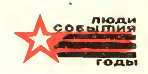
• БОЕВОЙ ПУТЬ 265/17 УРАЛЬСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО/ СТР. ПОЛКА 30 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ • 1917-1922
АТЕРИНБУРГ
АМЫШЛОВ
МАТОВ
ЯЛУТОРОВСК
р. Тобол
р. Ишим
ИШИМ
ОМСК
ТОМСК
ст ТАЙГА
ОЯШ
БОЛОТНАЯ
ПЕТРОПАВЛОВСК
КУРГАН
ЧЕЛЯБИНСК
ШАДРИНСК
р. Иртыш
КРАСНОЯРСК
ИРКУТСК
оз. БАЙКАЛ
ст ТАТАУРОВА
УЛАН-УДЭ
СЕЛЕНГИНСК
БЕЛОРЕЦК
ТРОИЦК
ВЕРХНЕ-УРАЛЬСК
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ •
ПУТЬ ДВИЖЕНИЯ СЕВЕРНОГО ЛЕТУЧЕГО ОТРЯДА •
БОЕВОЙ ПУТЬ ДВИЖЕНИЯ 265/17 УРАЛЬСКОГО СОЦ./СТР. ПОЛКА
ПУТЬ ДВИЖЕНИЯ НА ЮГ — НА ВРАНГЕЛЯ •
ПУТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОЛКА БЕЗ СИЛЬНЫХ БОЕВ •
АТАКИ БЕЛОЧЕХОВ И БАНД ДУТОВА •
РАЙОНЫ СИЛЬНЫХ БОЕВ И АТАК ПОЛКА •
БОИ С ВЫХОДОМ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ •

Дорогой Серёжа!
Поздравляем тебя
с днём Советской Армии.
Девочки „49" отделения
и Нина

23/II – 70 год.

п.
ю.
и.

П. ПОПОВ,
Ю. БУРАНОВ,
И. ШАКИНКО



ПО ПРИКАЗУ РЕВОЛЮЦИИ

Средне-Уральское Книжное Издательство,
Свердловск, 1970

ОТ АВТОРОВ

Эта книга воссоздает некоторые, по мнению авторов, наиболее яркие эпизоды из многотрудной боевой жизни 17-го Уральского полка. Книга выходит вторым изданием. В нем учтены замечания и предложения, сделанные ветеранами гражданской войны.

Еще в годы первой мировой войны полк начал созревать для будущих классовых боев. Как один из самых надежных революционных отрядов, он в конце 1917 года был послан В. И. Лениным на Южный Урал для борьбы с дутовскими бандами. Летом 1918 года, вместе с партизанской армией, руководимой В. К. Блюхером, полк совершил беспримерный рейд по тылам врага.

Сражаясь в рядах 3-й армии Восточного фронта, полк участвовал в освобождении Урала и Сибири от колчаковцев и интервентов, а затем громил Врангеля и Махно на юге страны.

Книга написана на основе литературных публикаций, архивных документов и воспоминаний участников гражданской войны.

Один из авторов книги — П. П. Попов — некоторое время был бойцом полка, служил в разведке.

Авторы выражают сердечную благодарность членам Военно-научного общества при Свердловском окружном Доме офицеров А. М. Свирину и Д. Ф. Комарову, Л. А. Дудину, А. В. Вшивкову, директору Свердловского областного краеведческого музея А. Д. Бальчугову, военному журналисту Д. Г. Алексееву, участникам гражданской войны А .И. Медведеву, М. Д. Голубых, П. Г. Бурдину, И. И. Карпухину, В. Г. Курьянову, А. А. Кинзерских, учителю П. Ф. Кузнецову, П. Е. Бояршинову, Я. М. Суворову, П. Г. Горюнову, Н. Ф. Минееву, Ф. С. Шишканову, Н. И. Набокову, Н. С. Кулялину, А. И. Ковалеву, К. Т. Загорскому, Г. К. Челпанову, Д. И. Попову, С. А. Чащихину, В. Н. Фоминых, П. П. Анисимову, К. Д. Елькину, М. П. Аликину, сотрудникам Троицкого краеведческого музея, музея имени Н. Д. Томина, Кунгурского музея, следопытам Лобановской средней школы и многим другим товарищам за помощь, которая ими была оказана.

Авторы будут весьма признательны всем, кто выскажет свои замечания и пожелания по поводу второго издания этой книги.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:
А. М. СВИРИН — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННО-НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПРИ СВЕРДЛОВСКОМ ОКРУЖНОМ ДОМЕ ОФИЦЕРОВ, Л. А. ДУДИН, А. В. ВШИВКОВ — ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА.

I. Революцией мобилизованный

Петроград утопал в темноте. Не хватало электричества. Почти единственным зданием в городе, где ночами не гасли огни, был Смольный. Вот уже ровно месяц он не засыпал и не утихал ни на минуту. Рожденный революцией Совет Народных Комиссаров руководил отсюда новой Россией — огромной страной, расколотой беспощадной классовой борьбой на два непримиримых лагеря.

Старая Россия умирала. Перед молодой Советской властью вставали сложные проблемы. Нужно было защитить революцию от тянувшихся к ней враждебных рук. Нужно было согреть замерзавшие города. Нужно было накормить голодавших рабочих. А вокруг бушевало море контрреволюционных мятежей. Причем главную ставку контрреволюция делала на верхушку казачества — старую опору русского самодержавия. Генерал Каледин поднимал донских казаков, полковник Дутов — уральских.

Старого атамана Дутова недаром называли «лисой». Этот человек с хитрыми монгольскими глазами был опасным врагом Советской власти. Ярый монархист, он начал борьбу с Советами задолго до победы Октябрьского восстания. Еще летом 1917 года Дутов возглавил в Петрограде «Совет союза казачьих войск», создавая почву для корниловского мятежа. Разгром корниловщины не охладил его. В сентябре 1917 года Дутов начал сколачивать контрреволюционное казачье войско в Оренбургском крае. С помощью кадетов он создает так назы-

ваемый «Комитет спасения Родины и революции». Центром дутовского мятежа стал Оренбург.

В ночь на 15 ноября 1917 года отряд дутовцев ворвался в здание Караван-Сарая, где проходило заседание Совета рабочих и солдатских депутатов под председательством С. М. Цвиллинга. Члены Совета (около ста человек) были зверски избиты и брошены в тюрьму.

Вскоре дутовцы захватили власть в Троицке и Верхнеуральске. Белоказачья плеть повисла над Южным Уралом...

26 ноября 1917 года в Смольном решались тысячи неотложных дел. И трижды в этот день здесь шел разговор о восстании Дутова. Первый раз — в кабинете у председателя Совнаркома В. И. Ленина. Группа уральцев вышла оттуда с запиской в руках:

> «В штаб (Подвойскому или Антонову).
>
> Податели—товарищи железнодорожники из Оренбурга. Требуется *экстренная* военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить *практически* поскорее, а мне черкнуть, как решите.
>
> *Ленин.*»

Второй раз — вечером, когда город уже погрузился во тьму, в кабинете у командующего Петроградским военным округом Антонова-Овсеенко. Вопрос решался с участием представителей 17-го Сибирского полка: председателя полкового большевистского комитета Петра Ильина, командира полка Владимира Шубина, комиссара полка Ивана Сугакова, председателя полкового солдатского комитета Мартынова, его заместителя Станислава Глинского, командиров батальона Николая Гвоздиковского и Ивана Карпухина.

И в третий раз — снова в кабинете В. И. Ленина, уже где-то около полуночи. Вместе с Антоновым-Овсеенко в кабинет пригласили и делегацию 17-го Сибирского. Кро-

ме них, в совещании приняли участие еще двое: один — в штатском, с худощавым лицом интеллигента, другой — в форме русского матроса. Это были народные комиссары по военным и морским делам — Подвойский и Дыбенко.

Пригласив всех сесть, Владимир Ильич сразу же приступил к делу. Он подробно обрисовал обстановку на Южном Урале, изложил очередные задачи органов Советской власти на местах. Затем стал задавать вопросы представителям 17-го Сибирского полка. Его интересовало все: хорошо ли одеты солдаты, как питаются, какое у них настроение, как вооружен полк, сколько боеприпасов, как работают большевистские и солдатские комитеты.

На заседании было решено объединить 17-й Сибирский стрелковый полк с моряками, создав мобильную боевую группу. Группе было присвоено наименование «Первый Северный летучий отряд».

Тепло попрощавшись с Владимиром Ильичем, делегаты заспешили на вокзал.

Несмотря на поздний час, на вокзале никто не спал. Солдаты-сибиряки с нетерпением ждали возвращения делегатов из Смольного. Ждали в полной боевой готовности. И лишь появились на перроне знакомые фигуры, солдаты ринулись навстречу. Председатель полкового большевистского комитета Петр Ильин взобрался на крышу теплушки и доложил:

— Товарищи солдаты и офицеры! Час тому назад с нами беседовал Ленин. Революция в опасности. Она нуждается в нашей помощи. Вместе с балтийскими моряками полк посылают на Урал против Дутова.

Ильин вынул из кармана листок, развернул его и стал читать:

«Обращение Совета Народных Комиссаров ко всему населению.

Руководящий состав группы моряков Северного летучего отряда, посланного В. И. Лениным на борьбу с бандами атамана Дутова. В центре — командир отряда мичман С. Д. Павлов

...Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания... В Оренбурге Дутов арестовал Исполнительный и Военно-революционный комитеты, разоружил солдат и пытается овладеть Челябинском, чтобы отрезать сибирский хлеб, направляемый на фронт и в города...

Рабочие, солдаты, крестьяне, революция в опасности! Нужно народное дело довести до конца. Нужно смести прочь преступных врагов народа. Нужно, чтобы контрре-

волюционные заговорщики — казачьи генералы и их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа. Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа...»

— Это уже о нас, товарищи, — прервал чтение Ильин. — Именно нам революция поручила разгромить ее врагов. Владимир Ильич Ленин посылает нас против белого атамана.

— Даешь Урал! Смерть Дутову! — пронеслось по рядам...

На следующий день на вокзале появились матросы. На их бескозырках сверкали имена кораблей: «Андрей Первозванный», «Петропавловск», «Гангут», «Полтава», «Громобой» и другие.

С матросами пришел молодой мичман — только что утвержденный командир Северного летучего отряда — Сергей Дмитриевич Павлов.

Во время войны Павлов служил рядовым в 17-м Сибирском полку. Там и получил большевистское крещение — вел революционную пропаганду среди солдат. В начале 1917 года попал в Петроград, а в мае вступил в РСДРП (б). Был участником всех крупных народных демонстраций в Петрограде летом и осенью 1917 года. В дни подготовки к вооруженному восстанию сблизился с балтийскими матросами. По рекомендации Антонова-Овсеенко был избран командиром отряда моряков, вместе с которыми штурмовал Зимний Дворец, бил под Гатчиной войска Керенского и Краснова, ликвидировал императорскую ставку в Могилеве. За отличное выполнение заданий Владимир Ильич Ленин неоднократно благодарил Павлова и его отважных матросов.

Сейчас Павлов во главе Северного летучего отряда отправлялся на Южный Урал.

2. На переломе

Родина 17-го Сибирского полка — Забайкалье. В 1899 году в глухих приграничных бурятских деревушках нес гарнизонную службу 17-й Восточно-Сибирский батальон. В 1900 году батальон был использован царским правительством для охраны станций на КВЖД [1]. Будучи развернутым в полк, он участвовал во многих крупных сражениях русско-японской войны 1904—1905 годов.

Жизнь 17-го Сибирского перед первой мировой войной — это жизнь обычного российского стрелкового полка, несущего службу в захолустных, далеких от культурных центров гарнизонах. Размещался он в поселке Березовка, недалеко от города Верхнеудинска (сейчас — Улан-Удэ). В самом городе несла гарнизонную службу лишь одна рота полка. Лето солдаты проводили обычно в лагерях. Суровая природа Забайкалья была им привычна. Отличные стрелки, прирожденные следопыты, люди, как правило, исключительно выносливые, солдаты-сибиряки показали себя прекрасными бойцами еще в русско-японскую войну. Вместе с тем это были люди свободолюбивые, умевшие постоять за себя.

Что касается офицеров, то службу в этом далеком, затерявшемся в тайге полку они расценивали, и часто не без оснований, как ссылку или наказание. В свободное от службы время они пили, играли в карты, часто ссорились между собой и с гражданскими чиновниками.

Озлобленные серой и монотонной службой, офицеры вымещали свое недовольство прежде всего на подчиненных. В полку нередки были случаи самоубийств — как пассивный протест против издевательств. Правда, иногда офицеры получали отпор, но тогда дело для солдат кон-

[1] Китайско-Восточная железная дорога.

чалось трагически: военный суд не знал пощады. Многие из протестовавших попали в штрафные батальоны, некоторые были расстреляны.

После поражения первой русской революции большевики продолжали напряженную работу среди солдатских масс. В полку в эти годы служил большевик Петр Федин, имевший связь с читинской организацией РСДРП. Однако вскоре его арестовали и осудили на пять лет тюрьмы; работу продолжали его ученики. В марте 1907 года в Березовке была создана организация РСДРП, в нее входило 19 человек, частью из солдат первого батальона 17-го Сибирского полка. Организация именовалась «Забайкальское отделение Всероссийского военного союза Верхне-Удинского гарнизона». В принятом уставе организации отмечалось, что союз ставит своей целью «всеми зависящими от него средствами способствовать победе народа над узурпаторами власти». Организация готовила вооруженное восстание, вела революционную пропаганду среди солдат гарнизона. Однако вскоре она была разгромлена. Приговором иркутского военно-окружного суда от 21—22 февраля 1908 года организаторов союза М. Платонова, Н. Полянского, И. Симонова, Н. Голикова, А. Черных, В. Тютюгина осудили на восемь лет каторжных работ каждого. Семь человек получили по четыре года каторжных работ, двух приговорили к ссылке. Но брожение в полку продолжалось. Отголоски его доходили вплоть до первой мировой войны.

30 июля 1914 года 17-й Сибирский стрелковый полк, входивший в 5-ю Сибирскую дивизию 2-го армейского Сибирского корпуса, отбыл со станции Березовка на запад. Больше месяца шли эшелоны по бескрайним просторам России. 13 сентября полк прибыл на станцию Черемша, под городом Молодечно, и влился в состав 2-й армии Северо-Западного фронта.

Вместе с другими полками 17-й Сибирский участвовал во многих боевых операциях, которые проводила русская армия в Польше в 1914 и 1915 годах. За боевые заслуги он был награжден почетным Георгиевским знаменем и считался одним из лучших среди сибирских воинских частей.

В июне 1915 года 17-й Сибирский был переведен на Северный фронт, под Ригу, где вместе со своей дивизией вошел в состав 5-й, а позднее 12-й армии.

К тому времени многие солдаты полка, как и солдаты других частей, вполне убедились в грабительском характере войны. Не последнюю роль в этом прозрении сыграла большевистская антивоенная агитация. В 1915 году по мобилизации запаса в полк прибыли два унтер-офицера: Дмитрий Федин, тот, что был арестован в полку в 1907 году, и Петр Загоруйко, прежде служивший в полку в 1910—1911 годах. Оба они были опытными подпольщиками. Д. Федин возглавил молодую большевистскую организацию, уже имевшуюся в полку, установил связи с Ригой. Росту революционных настроений в 12-й армии способствовала агитация, которую успешно проводили большевики Петроградского комитета РСДРП (б) и социал-демократы Латышского края. Осенью 1916 года Верховный главнокомандующий М. В. Алексеев предупреждал своих генералов: «7-й Сибирский корпус представляется неблагонадежным в боевом и политическом отношении». Именно большевики подготовили в полку те события декабря 1916 года, о которых вскоре заговорила вся армия, узнал весь Северный фронт.

★

Шагах в тридцати от передовой линии окопов, в секрете, скрытые густым кустарником, лежат трое солдат. Курить нельзя, разговаривать тоже, но солдаты, сблизив

головы, все же говорят. Говорят о плохой пище, о недостатке боевых припасов, о грубости офицеров.

— Терпеть больше нет никаких возможностей, — шепчет один.

— Да уж куда дальше: лапти надевать заставляют,— отвечает другой.

— А их благородия? Что творят, ироды! Намеднись в соседней роте поручик на Мишку, свояка моего, замахнулся, а тот — за винтовку. Ну, поручик охлынул, делает вид, что не заметил.

— Забыли, видно, про Гришку Вылегжанина.

— А что такое?

— Расстреляли парня. Стоял Гришка в карауле и, не знаю уж, какую промашку сделал, только ротный Подчалкин привязался и ну его всяко поносить. Тот сначала ничего, стоит, терпит. Тогда поручик совсем разошелся, выхватил шашку и плашмя хвать Гришку по руке. Ну и...

— Что? Что дальше-то?

— А ничего, только сделал Вылегжанин короткий боевой выпад и заколол штыком поручика. Ну и, понятно, расстреляли парня.

Солдаты немного помолчали.

— А ведь сегодня ночью — в наступление; халаты, говорят, уже привезли, — вновь начал тот, что рассказывал про свояка Мишку.

— Ночью еще ничего, ночью — не днем.

— А днем и не пошли бы.

— Это как понять?

— А так вот и понимай: днем идти — все равно всех положат.

— И не пойдешь — тоже положат, как Гришку.

— Один конец,— вдруг безнадежно сказал солдат, до этого молчавший.— Только я точно знаю: не пойду,

Яков Маркович Суворов, бывший выборный командир 17-го Сибирского стрелкового полка, участник рейда Блюхера.

ребята, днем в наступление.

— Приказ-то не про день, а про ночь был.

— А возьмут да и сменят приказ.

— Поживем — увидим,— закончил третий и вдруг насторожился. — Тише, ребята, смена идет.

...В это время командир 4-й роты 1-го батальона Яков Суворов явно не находил себе места. Крупными шагами он мерял просторный офицерский блиндаж. Только что ему принесли приказ об отмене ночного наступления. В новом приказе говорилось, что в связи с изменением обстановки 17-му полку предстоит сделать ответственную атаку не в ночь на 23 декабря, а днем — 22-го.

Поручик Суворов хорошо знал своих солдат. Он прошел с ними длинный боевой путь, никогда не обижал их, как это делали другие. Солдаты любили его за прямоту и честность, умелое и грамотное командование в бою. Знал хорошо Суворов и настроение солдат, догадывался, что в его роте нелегально ведется политическая работа.

Приказ об атаке на открытом месте, днем, когда солдатам нужно будет идти «в лоб» на хорошо укрепленные позиции врага, выводил Суворова из себя. Но что он мог сделать? И Суворов пришел к такому же неутешительному выводу, что и солдаты его роты, лежащие в секрете.

В ночь на 22 декабря солдаты полка узнали, что наступление перенесено с ночи на день. Однако никто из них не шумел, не возмущался. Насторожившиеся было офицеры успокоились: казалось, все было в порядке. А между тем особая, не видимая постороннему глазу связь работала на полную мощь. По полку летел негласный солдатский приказ, посланный чьей-то сильной волей: днем в наступление не идти, офицерам не подчиняться!

Утром 22 декабря, пока в роте раздавали белые халаты, Суворов забежал к себе в блиндаж, чтобы немного отдохнуть. Прошлой ночью он так и не уснул, а в бой нужно идти со свежими силами. Но только прилег, в дверь сунулся вестовой:

— Ваше благородие, рота понесла сдавать халаты!

— Как сдавать? Куда сдавать?

Выскочил наружу и увидел только хвост роты, огибавшей лесок, что вел прямо в тыл. Бросился догонять роту, крича на ходу:

— Стой! Стой!

Сгоряча дважды хлопнул из пистолета в воздух. Тотчас же от роты донеслись два винтовочных выстрела. «В меня»,— безразлично подумал Суворов, но не остановился. Наконец, догнал колонну.

— Да стойте же, ребята!

Рота остановилась. Построил, внимательно всмотрелся в лица, молча привел солдат в землянку. И тут разговор пошел откровенный и прямой.

Солдаты заявили, что в наступление не пойдут.

— Почему? — спросил Суворов.

— Очень холодно, а люди одеты плохо, они и до немца-то не дойдут, все перемерзнут.

Что ж, такие случаи бывали. Суворов отлично помнил, как с этими же солдатами зимой пятнадцатого года проходил он мимо замерзших рот Ростовского полка. Люди лежали на снегу целыми рядами — погибли не от пуль, а от мороза.

— Смотрите, ребята, отвечать придется, это раз, а во-вторых, чтобы соседние роты вас шкурниками не назвали, — заявил Суворов.

— А у нас политические требования, — крикнул кто-то из глубины землянки.

— Соседние роты тоже не пойдут, — уверенно добавил другой.

Покинув землянку, Суворов позвонил к соседям. Там была такая же картина. Невидимая связь сработала. Весь первый батальон, побросав халаты, не пошел в бой. Многие офицеры, боясь расправы, бежали из полка. Это уже походило на восстание.

Весь день 22 декабря волнение в расположении частей 17-го полка не затихало. На позицию один за другим зачастило высокое начальство. Вначале пожаловал командир полка Бороздин. После посещения 1-го батальона он в тот же день доносил командиру корпуса:

«...Пропаганда пустила глубокие корни, и настроение стрелков такое, что этот батальон совершенно не пригоден к бою».

Как ни убеждал полковник солдат пойти в наступление, как ни просил, его «разъяснения и доводы успеха не имели». Полковник арестовал трех солдат, по его мнению, «зачинщиков», и отправил их в Олайское лесничество, где развернул работу скорый на расправу полевой суд.

На следующий день, 23 декабря, полковник сумел все же кое-что сделать. Он уговорил 3-ю роту идти в наступление, оторвал ее от батальона, выяснил у «раскаявшихся», что основные «зачинщики» находятся во 2-й и 1-й ротах. Одновременно с полковником «работу» в полку проводил священник.

В тот же день в 3-й роте был арестован солдат Михаил Александров. По донесению Бороздина, он агитировал не подчиняться начальству. То, что он был из соседнего 18-го Сибирского полка, заставляло предполагать, что большевистская организация, руководившая восставшими солдатами, была не только в 17-м полку.

Поздно вечером 23 декабря Бороздину вновь пришлось побывать в расположении мятежных рот: он сопровождал командира корпуса генерал-лейтенанта Гандурина. Тот приказал построить 1, 2 и 4-ю роты в каре.

Молча и хмуро смотрел генерал на темный квадрат озлобленных солдат. Но вот лицо его побагровело, и он крикнул:

— Вы что это, подлецы, задумали? Изменники! Бунтовать?

Солдаты заволновались, придвинулись ближе. Замолчав, генерал испуганно попятился. А из толпы в лицо ему неслись гневные слова:

— Сам подлец!

— Не здесь измену ищешь!

— Ищи ее в царском доме!

— Долой войну!

— Ну ладно, поговорим с вами по-иному! — бормотал Гандурин, уходя.

Докладывать обо всем этом в штаб армии Гандурин не стал: стыдно. Этим же вечером Бороздин в своем очередном донесении описал происшедшее как «беседу» командира корпуса с солдатами, в ходе которой, «несмот-

ря на все доводы» командира корпуса, «стрелки единогласно заявили, что в наступление не пойдут». Сбежав от солдат, взбешенный их поведением, Гандурин набросился на офицеров.

На другой день мятежный полк был отведен в тыл и окружен казаками и офицерами из армейского резерва. 27 декабря 1-му батальону было приказано сдать оружие. Разоруженных солдат загнали в землянки под усиленную охрану. После этого началось «дознание», которое полковой комитет позднее охарактеризовал как «ужасное и небывалое в русской армии». Генерал-майор Хильченко сам допрашивал арестованных. Этот палач в генеральской форме «брал солдат за горло, душил их, а потом бросал и переходил к другому».

Виновными признали 24 человека. Их судили военно-полевым судом. В полку сменили многих офицеров, отстранили от командования полком даже Бороздина.

В ночь на 1 января 1917 года в Олайском лесничестве 24 стрелка-сибиряка из 1-го батальона были расстреляны царскими палачами. Весь батальон был выведен из состава полка и объявлен штрафным.

★

Наступил февраль.

По извилисто-путаным ходам сообщений, минуя теплые, в четыре наката, офицерские блиндажи, от солдата к солдату, от роты к роте неслась ошеломляющая, не сразу доходящая до сознания весть: «Царя в Питере сбросили! Отцарствовался!»

Сибиряки ликовали, стреляли в воздух, бросали шапки, целовались.

Немцы, озадаченные неожиданным шумом, вдруг ударили по русским окопам беспорядочным артиллерийским

огнем. Но на них не обращали внимания: радость глушила все, даже взрывы снарядов.

— Пусть потешатся, теперь недолго — отвоевались,— говорили солдаты.

Однако радость их была преждевременной. Созданный 18 марта полковой комитет захватили эсеры и меньшевики. Они повели упорную, хорошо продуманную агитацию: воевать до конца, иначе погибнет Россия. Солдатам было нелегко разобраться во всем этом. Однако они помнили и знали одно: так, как было, больше не будет. Невозможно забыть расстрел 24 товарищей.

18 марта в протокол полкового солдатского комитета было занесено слово «требуем». Первое, на чем настаивали солдаты, это возвратить в полк штрафной батальон. Не забыли и о погибших. На заседаниях 28 марта, 12 апреля, 6 и 11 мая комитет принимает решения о достойных похоронах расстрелянных, об изыскании средств для увековечения их памяти и о наказании убийц.

17 мая 1917 года тихие улицы одного из пригородов Риги огласились звуками траурного марша. На плечах входивших в город солдат плыли, покачиваясь, обитые кумачом 24 гроба. К колонне солдат примыкали все новые и новые группы горожан. Постепенно траурное шествие превратилось в революционную демонстрацию всего города.

Над братской могилой звучали торжественные слова клятвы:

— Мы никогда не забудем о погибших. Это жертвы не только самодержавия, но и развязанной им войны. Мы, большевики, призываем: долой войну!

Настороженно и зло слушали эти слова офицеры, что пришли на похороны. Большинство из них крайне неприязненно встретили демократические веяния в армии. Недаром в полку долго существовали параллельно

два комитета: офицерский, образованный 25 марта, и солдатский. Только 8 июня по требованию солдат офицеры распустили свой комитет и послали представителей в общий, объединенный. Но и после роспуска комитета офицеры полка не оставили мысли о создании своей отдельной, автономной организации. 15 июня на своем собрании они постановили организовать в полку «дружину храбрых и порядка». Однако и она после того, как полковой комитет стал большевистским, была распущена.

В июне, когда в полк вновь были возвращены солдаты 1-го батальона, в комитет вошли большевики: Мартынов, Ильин и другие. Ильин одновременно возглавил и партийную организацию полка, в которую входили Н. В. Баранов, С. М. Глинский и ряд других. Была установлена связь с коммунистами других частей 12-й армии. После того как полк в июне был переведен в Ригу для несения гарнизонной службы, установили более тесную связь и с Рижским комитетом РСДРП(б).

Сочувственно относились к большевикам и некоторые офицеры полка: А. П. Кононов, Н. П. Гвоздиковский, Я. М. Суворов, И. И. Карпухин и другие.

9 июня из 538-го полка в 17-й Сибирский был переведен прапорщик Н. Я. Жук. Революционно настроенный офицер открыто повел агитацию среди солдат против продолжения войны. 20 июня Жук выступил на полковом митинге и заявил, что он «в наступление не пойдет». После этого реакционно настроенные офицеры выдали прапорщика, и он был расстрелян корниловцами.

Солдаты 17-го Сибирского полка, как и многих других воинских частей, все решительнее освобождались от оборонческих настроений. Особенно крутой перелом в

их сознании наступил после июльских событий в Петрограде.

...Бесконечно тянется заседание полкового комитета. Собрались уже второй раз, а к единому мнению так и не пришли. Утром приняли резолюцию: «Выступить для смены своих товарищей, но лишь совместно с корпусом». А теперь дело клонится к тому, чтобы отменить это постановление. А все эти двое — Ильин и Мартынов. Вчера переизбрали солдатский комитет, в результате: Мартынов — председатель, Ильин — секретарь. Утром Ильина не было — уходил в дивизию. Днем вернулся, и вот комитет заседает снова. Сейчас Ильин докладывает, что на дивизионном собрании за выступление проголосовало 43 человека, против — 34. Товарищи в дивизионном комитете колеблются.

Сам Ильин — против выступления.

— А что, если и нам послать своих делегатов в Питер,— предложил кто-то.

Предложение было поддержано. Несмотря на протесты командира полка Бангерского, постановили, отменяя свою утреннюю резолюцию: послать в столицу трех человек.

Через день, 10 июля, делегаты везли в Петроград следующий наказ полка:

«Мы требуем передачи всей власти в руки Совета солдатских и рабочих депутатов...»

★

Оплывшая свеча, прилепленная к железной крышке ящика, догорала. Света ее едва хватало, чтобы вырвать из темноты угол промерзшей теплушки товарного вагона. Навалившись грудью на ребро большого сундука,

Ильин торопливо дописывал последние строчки протокола. Вот он, наконец, закончен, осталось расписаться, и можно ложиться спать. Ночь на исходе. Утром 25 ноября поезд прибудет в Петроград. Там его давно ждут.

Да, там ждут революционный 17-й Сибирский стрелковый полк.

Ильин удовлетворенно улыбнулся и глянул на лежащие перед ним документы. Вот она — пухлая, потрепанная канцелярская книга протоколов полкового комитета. Все хранит она в себе. За сухими торопливыми строчками стоит сложный и долгий путь, которым шел полк в последние месяцы. Путь этот привел в конце концов на рельсы, что несут его сейчас в столицу, на помощь социалистической революции, на помощь Ленину.

Вот 20-я страница книги. Нет, это не его рука, не его почерк: «29 июня... Все роты и команды в своих резолюциях определенно высказываются, что до последней капли крови будут защищать свободную Россию и пойдут в наступление...» Ниже — четкая резолюция командира полка Бангерского.

«Голос сердца никогда не обманет. Горжусь командовать таким полком».

— Подожди, полковник, гордиться, рано восхищаешься.

Ильин листает страницы. 7 июля. Перевыборы президиума комитета. Выбрали его, Ильина, и Мартынова. 10 июля. Посылка делегатов в столицу, комитет еще колеблется. Полковник Бангерский по-прежнему верен себе, он даже поучает комитетчиков, недовольный тем, что они выходят на самостоятельную дорогу.

А вот протокол от 31 июля. Бангерский совсем теряет свою былую уверенность. Еще бы, он жалуется, что в полку «продолжаются отказы исполнять приказы и распоряжения».

Прошел еще месяц. Революциоиный дух полка еще более окреп. Речь идет уже ие о том, повииоваться или иет офицерам. Солдаты требуют, чтобы отдали под суд комаидира их дивизин Милодаиовича.

Следующая запись:

«28 августа 1917 года. Председатель — Мартыиов, секретарь — Ильин. Порядок дия:

1. О текущем момеите в связи с отступлеиием.

Постановили:

«Мы до глубииы души возмущеиы яростиыми контратаками коитрреволюциоииых элемеитов против революциоиного порядка...»

Петр **Ильин** — командир батальона, председатель парторганизации большевиков 17-го Сибирского полка

И далее: требование отмеиы смертиой казни, ареста «всех заклятых врагов иарода», протест против «программы геиерала Корнилова, изложеиной им иа Московском совещаиии», против иаступления реакции иа солдатские оргаиизации. Последиие, заявляют солдаты, мы всегда готовы защищать... хотя бы и с оружием в руках».

30 августа комитет приветствует арест Кориилова и выражает иадежду, что смертиая казиь, введеиная геиералом иа фронте, будет примеиеиа к нему самому.

8 сеитября слово «требуем» виовь веичает протокол комитета. Солдаты требуют «опубликоваиия тайиых договоров, заключеииых между иашими искоииыми врагами: русскими, аиглийскими и фраицузскими капиталистами», ибо «пусть же солдат узиает, за что ои проливает

4 года свою кровь». Солдаты настаивают на «немедленной бесплатной передаче земель помещиков в наши руки в лице земельных комитетов».

Новая страница. Протокол о том, как батюшку за ненадобностью из полка выгнали. А как обосновали: «...никакого участия в жизни солдат не принимает», а получает 6 тысяч рублей в год и пользуется двумя казенными лошадьми. А раз теперь служб в полку нет, делать ему нечего, и потому попа «из полка устранить».

И последняя. 22 ноября 1917 года. Комитет «...приветствует Петроградский гарнизон и Балтийский флот совместно с рабочими, как первых вступивших в борьбу за народное право против контрреволюционных сил, и поддерживает Военно-Революционный Комитет до восстановления Советского правительства. Нет возврата коалиционному правительству, защитникам буржуазии. Оно померло».

Ильин захлопнул книгу. В узкой щели под потолком робко просвечивал рассвет. Наступало утро 25 ноября 1917 года. Эшелоны 17-го Сибирского приближались к Петрограду.

3. Против Дутова

Поздний вечер 27 ноября 1917 года. Петроградское небо сыплет тяжелым мокрым снегом. Свет одиноких вокзальных фонарей с трудом пробивается сквозь мутную стену хлопьев. На перроне, однако, шумно и людно. Солдаты грузятся в вагоны. Последний удар станционного колокола — и первый эшелон Северного летучего отряда двинулся на восток.

Медленно ползет поезд по встревоженной России. Мерно раскачиваются на ходу теплушки. Усталые солда-

ты спят. Не смыкают глаз лишь часовые. Не спят и в среднем вагоне эшелона, где разместился штаб 17-го Сибирского. Свеча скупо освещает стол, за которым сидят командир полка Шубин, председатель полкового большевистского комитета Ильин, комиссар Сугаков, члены штаба отряда Ермолович, Карпухин, Гвоздиковский, Суворов, Кононов... Разговор идет о задании Смольного.

— Будет неверным,— говорит Ильин,— если мы поймем свою задачу только с военной точки зрения. Конечно, более всего сил придется потратить на борьбу с врагами Советской власти. Но мы должны помнить, что наш отряд — не только карающий меч революции. Каждый из нас должен быть и агитатором, и организатором новой власти. И бойцы отряда в глазах населения — это посланцы большевистской партии, посланцы Ленина.

До самого рассвета не спали в штабном вагоне. Еще и еще раз обдумывали задание Ленина, приказ революции...

В конце ноября первый эшелон Северного летучего отряда прибыл в Вологду.

Сотни воинских эшелонов видели в те годы на железнодорожных станциях. Сначала на запад шли поезда, набитые будущими жертвами ненасытной войны. Одни провожали их напыщенными патриотическими речами, другие — слезами и печальными вздохами. Потом начался отлив на восток. Появились эшелоны с голодными и оборванными солдатами, бежавшими с фронта. Измученные и озлобленные бессмысленной войной, они торопились домой, к земле, к семьям, силой требуя паровозов у испуганных и задерганных начальников станций.

И вот трудовая Вологда встречала совершенно новый, невиданный эшелон — боевой эшелон революционных солдат.

Шумно высыпали солдаты на перрон. Толпы рабочих радостно приветствовали посланцев в серых шинелях. Вместе с местными красногвардейцами солдаты несколько дней очищали город от контрреволюционных элементов, разоружали офицеров, реквизировали склады продовольствия у спекулянтов и богатеев [1].

Политические страсти в Вологде разгорались с новой силой. Рабочие требовали перевыборов Совета, так как авторитет старого его состава уронили засевшие там меньшевики и эсеры. Это они провалили месяц назад, 27 октября, большевистскую резолюцию о признании Совета Народных Комиссаров. Это они требовали создания «коалиционно-демократической» власти. Подняла голову контрреволюция, начав травлю большевиков. В этой обстановке присутствие и поддержка посланцев революционного Петрограда были для рабочих Вологды крайне ценны и своевременны.

Вскоре в Вологду прибыл и эшелон с моряками Сергея Павлова. Пропустив моряков вперед, полк снова двинулся в путь.

Перед Вяткой эшелоны Северного летучего отряда были задержаны. Долго препирались с начальником станции, но тот упорно твердил свое:

— Пропускать не велено!

Из путаных объяснений железнодорожника моряки поняли только одно: в Вятке творится что-то неладное. Лишь под угрозой оружия эшелонам освободили дорогу.

Вот наконец и Вятка. Город, с его бесчисленными колокольнями церквей и монастырей, засыпанный снегом, казался подозрительно притихшим. Когда командиры спустились на полупустынный перрон, к ним подошла

[1] Из личных рассказов члена штаба 1-го Северного летучего отряда Н. В. Баранова.

группа людей. Плечистый человек в военном полушубке отрекомендовался:

— Комиссар Лупарев.

И, шагая вместе с Павловым по перрону, стал рассказывать:

— Я тут тоже недавно. Приехал неделю назад по заданию Петроградского военно-революционного комитета на должность губернского комиссара. Обстановка в городе трудная. Контра все еще держится. Местное земство в октябре создало свой «Верховный совет по управлению губернией». Провозгласило «Вятскую распублику». Совет Народных Комиссаров признать отказались. Верховодит тут бывший комиссар Временного правительства эсер Саламатов. В первый же день разгромил большевистский комитет и всех его членов взял под арест. Правда, вскоре пришлось выпустить. А Вятский Совет вначале растерялся. Лишь потом стал силы набирать. Перед моим приездом решительно заявил, что берет власть в свои руки. Вооружили рабочих. 106-й полк стал на нашу сторону. Заняли телеграф, телефон, дом губернатора, электростанцию, водокачку. Тогда чиновники решили задушить нас саботажем. Хитро сделали: жалованье служащим выдали за месяц вперед, приказали на работу не выходить. С электростанции и водокачки машины увезли и сломали. Город остался без воды, в темноте.

— Членов этого самого «Верховного совета» арестовали? — перебил Павлов.

— Часть взяли, остальным удалось скрыться. И главарь их — Саламатов — куда-то исчез. Попритихли, ушли в подполье, но работу свою ведут. Нащупать пока не удалось.

— Какими силами располагаете?

— 106-й полк да балтийских моряков небольшой отряд во главе с Дрилевским. Тоже недавно из Петрогра-

да прибыли. Рабочих здесь мало. Заводов крупных нет, все больше мелкие мастерские. Городской Совет сидит без единой копейки. Обложили местных богачей, да они добровольно ничего не дают, а тряхнуть покрепче пока силенок не хватает.

И, помолчав, добавил:

— Вы нам здорово помочь можете.

Ночью в городе начались красные облавы. Нужно было разорвать нити враждебного заговора. Один за другим уходили с вокзала отряды матросов...

Группе Виктора Курьянова приказали «прощупать» гостиницы.

Курьянов ведет своих матросов через привокзальные трущобы. Город утопает во мраке. Звонко хрустит снег, злой декабрьский мороз забирается под легкие бушлаты.

— Кажется, здесь.

Слабый свет фонарика вырвал из темноты вывеску: «Гостиница». Курьянов постучал. В ответ — ни звука. Наконец послышались шаги. Сонный швейцар долго и испуганно расспрашивал из-за двери: кто такие и зачем? Мандаты его не убедили, пришлось пригрозить оружием.

Оставив у входа несколько человек, Курьянов с остальными начал осмотр меблированных комнат. Какой только накипи не скопилось в них: мятущиеся интеллигенты, воспринявшие революцию как кровавый ураган, который разрушил привычную для них Россию, загулявшие купцы, махнувшие рукой на все свои торговые дела, спекулянты, спешащие нажиться на голоде и горе народном, и, наконец, офицеры: одни из них просто растерялись от неожиданных событий и не понимали, на какой стороне баррикад они должны находиться, другие уже прочно стали на сторону врагов Советской власти...

Несколько дней наводили бойцы Северного летучего

отряда революционный порядок в Вятке: изолировали открытых врагов, реквизировали на складах продовольствие, вылавливали на рынках спекулянтов.

Однажды на станцию пришел эшелон с забайкальскими казаками, возвращавшимися в Сибирь. В городе запахло погромами: верховодили в эшелоне есаулы, казаки были хорошо вооружены. Прошел слух, что они намерены задержаться на Урале, у атамана Дутова.

Павлов приказал немедленно отцепить паровоз, отогнать его на соседний разъезд, полностью блокировать перрон. Эшелон взяли в кольцо, выкатили на платформу пулеметы. Делегация, направленная к казакам, предложила сдать оружие революционному отряду. В ответ послышалось:

— Нашли дураков!

— Винтовочки и нам не лишние, пригодятся.

— Кто теперь по Расее без оружия ходит? Голых-то нас всякий обидит.

Тогда к казакам обратился Павлов:

— Добром просим: сдайте оружие! Нам нужны ваши винтовки: мы выполняем задание Ленина. А с оружием мы вас все равно не выпустим, без паровоза никуда не уедете. Так что давайте меняться: вы нам — оружие, мы вам — паровоз. По-другому никак не получается.

Павлов многозначительно посмотрел на пулеметы, направленные на эшелон, и твердым голосом закончил:

— Даю на размышление полчаса. Не сдадите — пеняйте на себя.

Через несколько минут к Павлову подошла группа казаков:

— Забирайте! Пусть будет по-вашему.

Так Северный летучий отряд пополнился новым комплектом пулеметов, винтовок, гранат и патронов.

Пропустив эшелон казаков вперед, стали собираться в дорогу матросы и солдаты.

Ранним морозным утром 6 декабря передовой эшелон Северного летучего отряда прибыл на станцию Пермь-II. Город еще спал, утопая в темноте. И все-таки, несмотря на столь ранний час, на привокзальной площади было многолюдно: для встречи отряда здесь собрались рабочие и красногвардейцы Мотовилихи, завода Леснера, железнодорожных мастерских. Вместе с ними колонны моряков и солдат-сибиряков двинулись в центр города, где начался митинг. Посланцев революционного Петрограда приветствовали руководители пермских большевиков Борчанинов, Решетников. После них выступил председатель Екатеринбургского Совета П. М. Быков, выехавший навстречу отряду.

Как и везде, в Перми шла острая классовая борьба. И Северный летучий отряд опять включился в нее. К утру 7 декабря на железнодорожной станции и в городе был наведен революционный порядок.

А вечером началось совместное заседание Пермского Совета и городского комитета большевиков, на котором присутствовали и руководители отряда. Обращаясь к последним, председатель мотовилихинского пушечного завода сказал:

— Рабочие нашего завода хотят внести свой вклад в разгром контрреволюции на Урале. Мы просим петроградских товарищей принять от нас три мортирные пушки и снаряды к ним. Пусть они помогут вам беспощадно громить врагов трудового Урала.

За Пермью начались метели. Железнодорожное полотно сразу же обросло сугробами. Пришлось пустить впереди два снегоочистителя, вслед за ними медленно потянулись эшелоны.

Небольшую остановку сделали в Кунгуре. На днях

здесь был контрреволюционный мятеж, а после него начался саботаж чиновников учреждений. Своих сил у Кунгурского Совета было маловато, поэтому Главный штаб отряда выделил кунгурцам роту солдат и взвод пулеметчиков, а также задержал на сутки в городе резервные силы отряда во главе с командиром роты А. П. Кононовым.

Декабрьские метели продолжали свирепствовать. Но, несмотря на плохую погоду, Северный летучий отряд выступил на Екатеринбург.

Екатеринбург встречал торжественно. Посланцев Петрограда здесь ждали давно. Уже несколько дней на городских заборах висели воззвания, обращенные к местным гарнизонам:

ТОВАРИЩИ СОЛДАТЫ!

> Реакция вновь подняла голову... Кадеты вместе с Калединым, Дутовым и Корниловым организовали поход против народной власти. Все товарищи солдаты, матросы и рабочие Петрограда объявили борьбу контрреволюции и не сегодня-завтра через Екатеринбург проезжает Петроградский отряд товарищей матросов и солдат в Челябинск для открытой борьбы с Дутовым.
>
> Исполнительный комитет обращается ко всем товарищам солдатам Екатеринбурга быть готовыми для встречи этого отряда на вокзале в Екатеринбурге. По первому же зову Совета все товарищи солдаты, свободные от нарядов, должны поротно собраться на площади у вокзала при винтовках и оркестрах музыки.
>
> Да здравствует боевой революционный отряд солдат и матросов!

Уже за несколько часов до подхода первых эшелонов станция Екатеринбург-I была полна народу. На перроне выстроились красногвардейские отряды П. Д. Хохрякова и части екатеринбургского гарнизона. Подошли члены городского Совета. Гремел оркестр, развевались Красные знамена.

После митинга командиров Северного летучего отряда проводили к зданию, предназначенному для Главного штаба отряда. Не успели петроградцы как следует разместиться, как прибыли гости: делегаты большевистской конференции, проходившей в Екатеринбурге. Среди них были и представители подпольных большевистских организаций из Троицка, Верхнеуральска, Оренбурга и других городов, находившихся под властью Дутова.

Совещание открыл председатель центрального комитета совета отряда Сергей Мартынов. Командующий отрядом С. Д. Павлов подробно рассказал о целях и задачах отряда. От екатеринбуржцев выступил Иван Михайлович Малышев, который познакомил с обстановкой в городе.

После ноябрьского кризиса Советская власть в Екатеринбурге прочно становится на ноги. Но политическая атмосфера продолжала оставаться накаленной. В город сбежались с запада контрреволюционеры всех мастей, да и «свои», местные, никак не хотят утихомириться. В некоторых полках гарнизона все еще орудуют эсеры и анархисты, а кое-где даже кадеты.

По тайному приказу бюро горнопромышленников Урала бастуют чиновники Горного управления. Банки не работают. Многие магазины закрылись. У остальных с раннего утра выстраиваются длинные очереди. Не хватает хлеба, обуви, мыла...

Железнодорожная станция забита неотправленными поездами: викжельцы создали пробку, сознательно за-

держивая некоторые грузы. Все запасные тупики забиты составами. На воинской платформе стоят три эшелона с вооруженными уссурийскими казаками. Настроение их крайне подозрительно. Вокзал и даже подземные входы и выходы забиты пассажирами, некоторые из них не могут уехать месяцами...

Проанализировав обстановку, тут же на совещании, приняли решение:

Разгрузить железнодорожный узел и установить над ним контроль.

Проверить все население города и окрестностей и выявить все контрреволюционные элементы.

В течение трех дней силами отряда и местных большевиков провести в городе митинги и лекции, обратиться с воззваниями к населению, рабочим, интеллигенции и офицерам, не связанным с местным гарнизоном.

В местном гарнизоне провести перевыборы полковых комитетов и командного состава...

Работы хватило всем. Днем и ночью Главный штаб гудел, как улей. Беспрерывно хлопали двери. Штаб отряда стал и Главным штабом не только города, но и края. Здесь получали задания, докладывали о их выполнении.

Павлову и его помощникам часто приходилось сидеть в штабе до рассвета — обычно с докладами приходили после полуночи:

— Задержано в гостиницах, номерах и на квартирах много офицеров и генералов. Изъято оружие, печати, штампы, бланки. В гостинице Артамонова арестовано пять офицеров из Москвы. Вооружены. Документы подписаны командующим Московского военного округа. Едут в Тобольск. В этой же гостинице арестовано еще семь подозрительных. Среди них несколько священно-

служителей. Швейцар сообщил, что у него спрашивали, как лучше добраться до Тобольска [1].

Вернулся отряд с вокзала:

— В зале первого класса обнаружили группу крупных чиновников из Петрограда, купцов, фабрикантов, двух банкиров, редактора газеты «Русское ведомство»...

На станционных путях обнаружено много вагонов муки, зерна, крупы, овса, рыбы, а также вагоны с промышленным сырьем: металлом, кожей, шерстью...

Тут же принималось решение: согласовать с Петроградом, составить маршруты и с охраной направить на фронт, в Петроград и Москву.

У спекулянтов, купцов и заводчиков города изъяли припрятанную муку, крупу, масло, сахар, копчености, консервы — 10 тысяч пудов, а также мануфактуру, сукно, обувь, одежду...

Решили: передать для снабжения жителей Екатеринбурга. Изъято при разоружении казачьих эшелонов и при облавах: 6900 винтовок, 2 млн. патронов, 46 пулеметов, 8 орудий... Решили: передать Екатеринбургскому штабу Красной гвардии. Железнодорожники сообщили: со станции Шаля вышли три эшелона с оренбургскими казаками.

Решили: отправить два отряда солдат и матросов для разоружения на перегонах.

Тревожные вести приходили из Тобольска: контрреволюционные элементы ведут себя все наглее, город заполнен приезжими офицерами, попами и другими монархическими элементами. Результаты облавы по Екатерин-

[1] На Урале в это время уже было известно, что в Тобольске готовится заговор с целью освобождения бывшего царя Николая II, которого контрреволюция хотела использовать в борьбе против Советской власти.

бургу тоже говорили, что Тобольск превращается в контрреволюционный центр.

Посоветовавшись с екатеринбургскими большевиками, штаб отряда решил направить для усиления охраны бывшего царя часть моряков.

Уже утром 11 декабря со станции Екатеринбург-I уезжал в Тюмень (а затем в Тобольск) морской отряд комиссара Яна Занкус. Прощание было недолгим. На летучем митинге, устроенном на перроне, командующий С. Д. Павлов сказал несколько напутственных слов.

Ночами в Екатеринбурге было неспокойно: участились грабежи и убийства. Вот уже несколько недель на обывателей наводила страх банда Ваньки Каина. Хорошо вооруженные бандиты действовали дерзко и жестоко. Местным красногвардейцам пока не удавалось напасть на их след. Чувствовалось, что уголовную банду направляет чья-то опытная рука. В опасные для нее моменты банда исчезала из города, и тогда приходили плохие вести из окрестных селений: бандиты громили местные Советы, зверски расправлялись с небольшими красногвардейскими отрядами.

По просьбе городского Совета в борьбу с бандитизмом включился и Северный летучий отряд.

Однажды вечером член Центрального Совета отряда И. И. Карпухин возвращался с группой кавалеристов из казарм на вокзал. Возле речки Мельковки он увидел подводу с бочкой вина. А вокруг — толпу матросов и солдат из отряда, которых поили вином неизвестные люди. Забрав подводу с бочкой и арестовав подозрительных, Карпухин доставил их на вокзал и передал в вагон-гауптвахту отряда. Как показал допрос, некоторые из арестованных были связаны с бандой Ваньки Каина. От них-то и узнали о штаб-квартире бандитского главаря и его шайки.

Вечером четыре отряда солдат и матросов вышли в город. В три часа ночи бандиты, в том числе и сам Ванька Каин, были «накрыты» на трех штаб-квартирах.

Утром в местной газете появилось сообщение о ликвидации банды.

Один за другим стали возвращаться разведчики, посланные по железнодорожным веткам на Южный Урал.

Разведчик, вернувшийся из Уфалея и Кыштыма, сообщил: на железнодорожных станциях замечены группы вооруженных казаков.

Второй прибыл из Челябинска: власть в городе снова в руках Совета, но вокруг города кольцо дутовских банд.

Вести из Троицка были еще тревожнее: весь уезд заполнен отрядами белых казаков, а сам Троицк превращен в военный лагерь дутовцев. Сюда прибыл помощник войскового атамана Дутова полковник Половников, который назначен командующим Троицко-Челябинского фронта.

Находясь в Екатеринбурге, Северный летучий отряд тщательно готовился к боям с Дутовым. При помощи городских рабочих был оборудован самодельный «бронепоезд». Он состоял из восьми товарных вагонов с двойными стенками, между которыми насыпали песок. Окна теплушек были использованы как амбразуры для пулеметов. Впереди «бронепоезда» прицепили платформу, на которой установили бронеавтомобиль, отобранный у казаков.

В ночь на 18 декабря Северный летучий отряд выехал из Екатеринбурга, «следуя эшелон за эшелоном, имея общую связь между собой».

20 декабря эшелоны отряда подходили к Челябинску. Город в это время был островом, вокруг которого бушевало море белоказачьих мятежей. Чтобы общими силами

обрушиться на контрреволюционное выступление атамана Дутова, сюда и подтягивались красные отряды.

По заданию В. В. Куйбышева еще в ноябре прибыл из Самары отряд В. К. Блюхера в 500 человек с артиллерией. Подошли красногвардейские отряды из разных городов Урала. «Наиболее организованной военной силой, — отмечал в своих воспоминаниях В. К. Блюхер, — был Северный экспедиционный отряд».

Внешне это было очень пестрое войско: матросы в лихо сдвинутых бескозырках, солдаты 17-го Сибирского полка в серых шинелях со споротыми погонами, кавалеристы в казачьих папахах, артиллеристы с коллекцией разнообразных орудий, пулеметные команды и даже броневик, вооруженный горными пушками. По прибытии в Челябинск отряд насчитывал более 4 тысяч бойцов.

В первый же день Павлов был на заседании ревкома. Вел заседание Василий Константинович Блюхер — председатель военно-революционного комитета и начальник штаба всех революционных отрядов, собравшихся в городе. Коротко и точно он охарактеризовал обстановку:

— Положение, товарищи, серьезное, — говорил Блюхер. — Оренбург в руках Дутова. Средняя Азия отрезана от Центра. Провоза продовольствия оттуда нет. Фактически дутовские отряды держат в своих руках почти всю Оренбургскую губернию. Они уже мечтают о том, чтобы сомкнуться с атаманами донского уральского и сибирского казачества. Чтобы помешать им сделать это, Кобозев, назначенный чрезвычайным комиссаром Оренбургской и Тургайской губерний, наступает со своими отрядами на Оренбург из района Бузулука. Наша задача — ударить по казакам с севера.

Командиры склонились над картой.

— Прежде всего, — продолжал Блюхер, — нужно выбить их из Троицка. Здесь свил свое гнездо окружной

атаман Токарев. Это крепкий орешек, но разгрызть его надо во что бы то ни стало. По нашим данным, в одном только Троицке не меньше двух тысяч казаков. Штаб решил послать туда отряд Павлова.

...22 декабря 1917 года солдаты и моряки Северного летучего вновь грузились в вагоны.

Уже на шестой версте от Челябинска, на разъезде Шершни, произошла встреча с казаками. После беглой перестрелки они скрылись.

Первый крупный бой отряд принял у станции Полетаево. Несколько часов свистели по заснеженной степи пули, вздрагивал от орудийных выстрелов морозный воздух. Не выдержав, белоказаки отступили к Еманжелинской, решив дать здесь решающий бой. Сюда они подтянули главные силы из Троицка. Однако сломить атаки матросов и солдат они не смогли. При отступлении казаки выворотили рельсы, испортили на станции водокачку, увезли с собой телеграфные и телефонные аппараты.

Несколько дней бойцы приводили в порядок станцию, ремонтировали пути. Они беседовали с местными жителями, рассказывали о революции в Питере, о Ленине. Приходилось сталкиваться с самыми нелепыми слухами о большевиках.

Однажды из соседней станицы пришла на станцию целая делегация казаков. Заявившись в штаб, казаки начали осторожно расспрашивать, зачем прибыли и чего хотят матросы и солдаты.

— Дутов супротив вашей власти пошел, это понятно. А как Советская власть с нашим братом, простыми казаками, поступать будет? Говорят, что большевики землю всю отберут и заставят нас батрачить на рабочих, несправедливо это!

Долго рассказывали моряки и солдаты о том, что такое подлинная Советская власть. И постепенно таяло не-

доверие в глазах у казаков. Возглавлявший делегацию старик в конце беседы заявил:

— Большевиками-то, какими их рисовало казачье начальство, являются они сами, казачьи офицеры, а не те, кто пришел на станцию.

Так вместе с оружием сражалось за Советскую власть и большевистское слово.

Наконец отряд двинулся дальше, медленно, черепашьим шагом. Бесконечные остановки, розыски вывороченных рельсов — все это чрезвычайно замедляло продвижение. По нескольку раз в день налетали на эшелоны казачьи разъезды и, обстреляв, снова исчезали в снежной мгле.

24 декабря отряд занял станцию Нижне-Увельскую. Отсюда рукой подать до Троицка.

Троицк раскинулся в глубокой степной долине. Его огибает полукольцом река Уй, сливаясь у Золотой сопки с рекой Увелькой. На уйском берегу, напротив города — полуразрушенные здания Менового двора. Когда-то здесь были шумные ярмарки. Сюда сходились караванные дороги из Сибири и Средней Азии. Сам Троицк издавна славился своей белой мукой, овечьим маслом, шерстью и кожами. В городе с десяток мельниц, около двадцати кустарных маслобоек, два пивоваренных завода. Не так давно появилось овчинно-шубное производство купца Яушева да мыловаренный завод Дюзеева.

Самое крупное пролетарское ядро в Троицке — рабочие железнодорожных мастерских. Именно в мастерских родился первый отряд Красной гвардии. Но победить в городе Советская власть сразу не смогла. Атаман Токарев, опираясь на крупные казачьи отряды, ввел здесь военное положение и установил свою диктатуру. Троицкий Совет фактически власти не имел. Так город

стал одним из крупнейших контрреволюционных гнезд на Урале.

Целый день 25 декабря шли бои в окрестностях Троицка. Почти все солдаты и матросы Северного летучего, покинув эшелоны, приняли участие в этих боях. К ночи отряд, поддержанный восставшими троицкими рабочими, ворвался в город. Белоказаки, боясь окружения, бежали. Те, кто не успел, пытались проскользнуть мимо красногвардейских пикетов, переодевшись в татарские и киргизские женские платья. Этот маскарад вдоволь насмешил бойцов.

В ночь на 26 декабря троицкие большевики и члены ревкома собрались на экстренное заседание. Сергей Павлов рассказал о задании, которое получил Северный летучий отряд от В. И. Ленина, о том большом значении, которое придавал вождь борьбе с дутовскими бандами.

На следующий день избрали новый состав Троицкого Совета из пяти человек. Председателем его стал старый большевик Я. М. Аппельбаум. В Совет вошел и представитель 17-го Сибирского полка, командир батальона, большевик Александр Павлович Кононов. В члены Совета были избраны также А. Д. Дмитриев, П. П. Бородин и И. П. Малышев.

После занятия Троицка в руках отряда оказались элеватор, хлебные склады, холодильник с большим запасом мяса и много другого продовольствия. Помня о голоде в Центре, отряд в первые же дни сформировал несколько эшелонов с хлебом и отправил их в Москву и Петроград.

Утром 27 декабря Павлову удалось связаться с Петроградом. К аппарату подошел Антонов-Овсеенко. Павлов доложил о разгроме белоказаков и освобождении Троицка.

А назавтра в штаб отряда пришла тревожная телеграмма с Оренбургского фронта. В ней сообщалось, что отряд Кобозева потерпел поражение под Оренбургом и просил срочно выслать подкрепление.

Обсудив положение, штаб Северного летучего решил оставить в Троицке 17-й Сибирский полк, а матросам и красногвардейским отрядам во главе с Павловым выступить на помощь Кобозеву. 31 декабря отряд Павлова покинул Троицк.

Прибыв в Бузулук, Северный летучий возглавил наступление на Оренбург. Павлов был назначен командующим войсками Оренбургского фронта.

Стояли сильные морозы. В степи бушевали бураны. Дутовцы разрушили железную дорогу к станции. Однако, ломая сопротивление казачьих войск, отряды матросов и красногвардейцев 18 января 1918 года выбили их из Оренбурга. В тот же день Павлов доложил Совету Народных Комиссаров о разгроме дутовщины. 23 января в радиограмме председателя Совнаркома В. И. Ленина «Всем, всем, всем!» сообщалось:

«Оренбург занят советскими войсками. Дутов с горстью приверженцев скрылся. Властью на месте объявлен Оренбургский Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казацких депутатов».

Покончив с Дутовым, матросы Северного летучего отряда во главе с Павловым в феврале 1918 года вернулись в Петроград.

4. В Троицке

17-й Сибирский полк остался в Троицке. 22 января прошли новые выборы командного состава. Командиром полка избрали бывшего поручика Якова Марко-

Александр Павлович Кононов, командир 17-го Уральского 265-го стрелкового полка

вича Суворова, а его помощником — Владимира Ермоловича.

Боевые схватки кончились, но дел у полка хватало. Он был нужен не только как военная, но и как политическая сила. Его бойцы и командиры, прошедшие сквозь революционные бури, стали опорой Советской власти в этом степном уральском городке, густо окруженном казачьими станицами. Очень нужны были молодому, еще не окрепшему Троицкому Совету опытные помощники. И такие помощники нашлись.

Оказалось, что прапорщик Александр Павлович Кононов служил до войны в городе Бердичеве в русско-французском банке и даже получил в свое время аттестат бухгалтера. Его и назначили комиссаром финансов Троицкого Совета и как опытного большевика-организатора избрали членом городского комитета РСДРП(б).

Военным комиссаром города назначили бывшего председателя солдатского полкового комитета Станислава Глинского. Сын польского революционера, сосланного в Сибирь, он еще юношей в 1912 году вступил в большевистскую партию, пройдя затем суровую шко-

лу революционной борьбы. Глинский был избран также в состав городского комитета партии.

Командир 3-го батальона Иван Карпухин, служивший в 17-м Сибирском полку с 1913 года, стал председателем коллегии по формированию Красной Армии в Троицком уезде.

Какую бы задачу ни решали троицкие большевики, они всегда находили помощь друзей из 17-го Сибирского полка. Почти во всех станицах уезда побывали солдаты-сибиряки, помогая создавать там органы Советской власти. Причем приходилось не только разъяснять, подсказывать, но и принимать зачастую бой с бродившими еще по станицам дутовскими бандами.

После январского разгрома дутовцы притихли. Но злобу на Советскую власть не оставили. Они лишь выжидали своего часа. Дутовцы постоянно бродили около Троицка. Не солидно ему, заместителю окружного атамана, правой руке Дутова, околачиваться в каких-то там станицах, в то время как в Троицке хозяйничает бедняцкий Совет. Но что поделаешь? Близок локоть, а не укусишь.

Бельмом на глазу был для дутовцев 17-й Сибирский полк. Если бы не он, давно бы дутовцы попытались «выкурить» из Троицка большевиков. Выжить надо этих сибирских солдат. Если не хватает силенок, надо взять хитростью. Все они — люди, у всех — человеческие слабости. Устали солдаты от войны. Многие годами оторваны от родного дома. Давно ждут не дождутся их жены и дети...

И вот почти каждую ночь в солдатских казармах стали появляться листовки. Речь в них шла о «солдатских страданиях». А в конце — «ласковая» просьба: не мешайте, мол, нам устраивать нашу казачью жизнь

по-своему. Бросайте оружие и возвращайтесь в свои родные места.

Но как ни исстрадалось солдатское сердце по дому, по семье, на хитроумную приманку оно не попалось. Тогда атаманы перешли к угрозам. Я. М. Суворов вспоминает:

«Во второй половине января 1918 года белоказачья головка прибегает к явному шантажу. Однажды в штаб полка явились два казака и вручили мне ультиматум от дутовцев. Мне предлагали распустить полк. В этом случае дутовцы гарантировали свободный пропуск солдат и офицеров до станции Полетаево. «Если откажетесь,— грозился полковник,— Троицк будет окружен, а полк вместе с офицерами уничтожен».

Меня ультиматум не удивил и не испугал. Но я на всякий случай решил проверить настроение солдат. Размножил текст ультиматума и разослал ротам и командам с предложением немедленно обсудить и свое решение в виде резолюции прислать в штаб полка.

И вот какие ответы дали солдаты. 3-я рота сказала: «Если атаману Дутову не хочется пролития крови, то пускай сам повесится на первой попавшейся осине». Пулеметная команда заявила коротко и ясно: «Умрем на кольтах, но оружия не выдадим». Других решений я не ожидал. Настроение полка было надежное, боевое.

В марте Дутов снова дал о себе знать. После разгрома под Оренбургом он сбежал с несколькими сотнями казаков в Верхнеуральск. Словно загнанный зверь, пробирался он по ночам от станицы к станице, осматриваясь и замышляя новые налеты. Наконец остановился в Верхнеуральске: знал, что зажиточные казаки поддержат своего наказного атамана. Потихоньку стал накапливать силы. Дутовские агитаторы разъезжали по

станицам, набирали атаману новое войско. Упрямых казаков, не желавших вступить в белые отряды, шантажировали, угрожая лишить казацкого звания и земельных наделов. Станицы раскалывались на враждебные лагери.

Дутов стал постепенно наглеть. Выставил в окрестностях Верхнеуральска свои заставы, задерживая всех едущих и идущих в город. Захватил почту и телеграф. Разгромил Совет. Тюремный централ был переполнен арестованными. Отряды белоказаков уже бродили по станицам, разгоняли Советы, непокорных пороли, а особо упрямых расстреливали.

Под Троицком тоже стало неспокойно. Здесь свирепствовали конные сотни Дутова, нагоняя страх на местных жителей. Налетят на станицу, перевешают большевиков — и исчезнут в бескрайней степи.

Белоказачье кольцо вокруг Троицка сжималось. Отряды Дутова разрушили железную дорогу, прервав сообщение с Челябинском. До города доходили слухи, что дутовцы готовятся к штурму.

По решению Троицкого Совета 17-й Сибирский полк с отрядами местных красногвардейцев занял позиции за городом. Первая попытка белоказаков ворваться в Троицк была отбита.

Утром 8 марта разведка донесла, что несколько сот казаков сосредоточилось в деревне Солодянка. По замеченному там оживлению можно было ожидать оттуда нового наступления.

Красные командиры собрались на передовой. Некоторые предлагали немедленно ударить по Солодянке, не дав казакам опомниться. Но вот слово взял Петр Ильин.

— Наше оружие — не только винтовки и пулеметы, но и большевистское слово. В дутовском стане много

заблудших. Прибились не туда. Нужно показать им правильный путь и этим избежать лишнего кровопролития.

— Не дадут атаманы разводить там агитацию...

— Ты их словом, а они тебя шашкой...

— На нашей стороне — сила правды, и эту силу мы должны использовать при каждом удобном случае. Я прошу направить меня парламентером для переговоров с казаками.

Командиры скрепя сердце согласились. Ильин умчался к Солодянке. Наткнувшись на казачий разъезд, он сообщил, что хочет говорить с казаками от имени Троицкого Совета. Его проводили к штабу. На площадь стали собираться казаки. Всем было любопытно послушать. что скажет большевистский агитатор. Ильин снял шапку и заговорил.

— Я обращаюсь к вам, товарищи казаки, с единственной просьбой: обдумайте свое положение, подумайте, на что вы идете и что готовите себе в будущем. Вас одурманил сладкими речами атаман Дутов — ярый враг революции. Братья-казаки, вас обманывают. Вас натравливают на остальной народ. Вам говорят, будто Советы — ваши враги, будто они хотят отнять у вас вашу казацкую волю. Не верьте этому. Вам лгут. Советская власть готова прийти к вам на помощь. Я призываю вас, казаки, присоединиться к новому народному порядку и создать ваши собственные Советы казацких депутатов. Этим Советам должна принадлежать на местах вся власть, не атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового народа. Рассудите сами: дурно это или хорошо. Вам лгут, будто Советская власть хочет отнять ваши земли. Она никогда не трогала и не тронет земли казаков-тружеников. А земли казаков-помещиков Советская власть намерена забрать и пере-

дать в ваши собственные руки. Выбирайте же, казаки, за кого вам встать: за Дутовых или за Советскую власть...

— Да что его слушать! Бей большевистского агитатора! — неожиданно выкрикнул бородач в есаульских погонах.

— Не тронь! Пусть говорит! — запротестовали другие.

Но к Ильину уже подскочили два казачьих офицера. Сабельный удар заставил его пошатнуться. Среди казаков начался шум, несколько казаков-фронтовиков бросились на помощь к Ильину. На площади началась драка. Офицеры клинками стали рубить и колоть Ильина...

Прошло уже несколько томительных часов, а Ильин в расположении полка все не появлялся. Ждать дальше было бессмысленно, и Суворов дал приказ артиллеристам открыть по Солодянке беглый огонь. Полк поднялся в атаку. Тревога за своего большевистского руководителя придавала бойцам какую-то отчаянную решимость. Белоказаки не выдержали и в беспорядке покинули Солодянку. Часть их сдалась в плен, выкинув белый флаг.

Ильина нигде не было. И только на следующий день его труп нашли на кладбище. На теле погибшего насчитали шестнадцать рубленых и колотых ран. Похоронили Ильина в Троицке.

...В конце марта зима как-то сразу сдала: почернели степные дороги, с крыш повисли острые сосульки. Вместе с весной в Троицк пришли новые тревожные вести: дутовские атаманы все плотнее окружают город, обложив его со всех сторон. Уже несколько дней Троицкий Совет не может связаться с Челябинском: белоказаки спилили телеграфные столбы, взорвали мосты. Вскоре

Артиллеристы Троицкой батареи

дутовцы предприняли ряд атак. Однако все их попытки ворваться в Троицк окончились неудачно: атаки были отбиты артиллерией и пулеметами. Солдаты 17-го Сибирского полка держались стойко. На помощь им уже спешили красногвардейцы Челябинска, Перми, Екатеринбурга.

...25 марта, на рассвете, красногвардейский отряд Александра Чеверева прошел степью и бесшумно вошел в спящий Верхнеуральск. В течение ночи он совершил пятидесятикилометровый переход.

Город был занят без боя, так как, боясь окружения и ударов местных рабочих отрядов, Дутов еще накануне покинул город и ускакал в станицу Краснинскую.

На другой день атаман приказал во что бы то ни стало вернуть город. Между тем на помощь Чевереву подошел отряд Михаила Кадомцева. Пять раз бросал Дутов свои сотни в атаки, и пять раз они откатывались назад. Обозвав всех трусами, Дутов сам повел казаков в шестую атаку. Ударив по красногвардейцам с фланга, дутовцы ворвались в город. Однако на помощь красногвардейцам уже спешили рабочие и казачья беднота. Выброшенный вновь из города, Дутов возвратился в Краснинскую.

Газета «Уральская жизнь» сообщала:

«Изгнанный из Верхнеуральска, Дутов сгруппировал вокруг себя свежие силы и вновь перешел в наступление. Операции против белогвардейцев ведутся на два фронта: со стороны Челябинска и Троицка и со стороны Белорецких заводов по направлению Верхнеуральска...

По донесению от 26 марта, дутовские отряды приближались к Троицку, в 8 верстах от которого взорвали мост. Местное зажиточное казачество помогает Дутову, силы которого все увеличиваются. Близ Троицка, в Клястицком поселке, собрался отряд в 300 кавалеристов и 500 пехотинцев при 20 офицерах. Они предъявили ультиматум Троицку...»

Взять город, однако, не удалось. Банды Дутова продолжали кружиться вокруг Троицка.

Между тем к Троицку приближались дружины екатеринбургских рабочих. Проделав двухсоткилометровый марш по весенней распутице, утром 28 марта дружинники подошли к Черной речке, что в двенадцати верстах от Троицка. Здесь их ждала вражеская засада.

Затрещали пулеметы, вылетела из-за леса казачья лава. Бой шел целый день. Белоказаки дрались жестоко. И все-таки к вечеру с большими потерями отошли в степь.

Екатеринбуржцы вошли в Троицк. Вскоре прибыл сюда из Челябинска со своими отрядами Василий Константинович Блюхер. Улицы запрудили пестро одетые красногвардейцы. Город повеселел, оживился. Спало напряжение с защитников.

2 апреля командиры 17-го Сибирского полка, вновь прибывших отрядов и члены Совета собрались на совещание. Обсуждая план дальнейшей борьбы с Дутовым, подсчитывались силы. Один за другим высказывали свое мнение командиры. Выступил и председатель Троицкого Совета Аппельбаум. Рассказал о защите города солдатами 17-го Сибирского полка, похвалил их за стойкость и мужество.

Мнение было единым: с дутовцами надо кончать. И хватит отрядам сражаться на свой страх и риск. Создали «Штаб войск, действующих против Дутова». Командующим избрали В. К. Блюхера. Кроме него, в штаб вошли командир екатеринбургских дружин Циркунов, Суворов (от 17-го Сибирского полка) и Яунзем.

На следующий день созвали митинг. Просторная площадь была до отказа забита людьми в солдатских шинелях, полушубках и ватных куртках. Первым выступил В. К. Блюхер, за ним — комиссары екатеринбургских дружин И. М. Малышев и Н. Г. Толмачев. Красногвардейский митинг принял резолюцию: не бросать оружия до полного разгрома врага.

9 апреля В. К. Блюхер двинул свои отряды из Троицка. Под Верхнеуральском в это время дутовцев крепко били отряды Ивана Каширина и Александра Чеверева. В середине апреля казаки были окружены. Атаман тер-

пел поражение за поражением. Пьяный, он носился от станицы к станице, то упрашивая, то угрожая казакам, не желавшим пополнять белые банды. Но это помогало плохо. Даже многие зажиточные казаки перестали верить Дутову. Да и посевная была уже не за горами. Красногвардейское кольцо вокруг белоказаков все сжималось. Спасаясь от неминуемого разгрома, не считаясь с потерями, Дутов прорвал под Магнитной окружение и с небольшой кучкой казаков ушел в Тургайские степи.

5. Второе рождение полка

Революционная Россия строила свои вооруженные силы. По приказу Реввоенсовета в марте 1918 года были расформированы последние полки старой армии. Создавалась армия нового типа, с новыми целями и задачами.

В Троицке одновременно работали комиссия по демобилизации солдат 17-го Сибирского полка и коллегия по формированию Троицкой Красной Армии. Последнюю возглавил бывший командир батальона 17-го Сибирского Иван Карпухин. Велик был соблазн для солдат: шутка ли — демобилизация? О ней мечтали давно. Правда, пока Троицку угрожали враги Советской власти, солдаты отгоняли от себя думы о доме. Но вот город отстояли, прогнали дутовцев в степи,— и опять вспомнились родные сибирские деревни.

Не просто было в таких условиях создать новое воинское формирование. Ведь борьба еще далеко не закончилась. 4 апреля 1918 года Троицкий Совет решил обратиться к солдатам 17-го Сибирского полка с воззванием. В нем говорилось:

«Исполнительный комитет выносит свою благодар-

ность 17-му Сибирскому полку, как верному защитнику Советской власти, который в самую трудную минуту Совета на Урале оставался стойким на своем революционном посту и который кровью своих товарищей запечатлел свою верность пролетарской революции и Совету Народных Комиссаров...

Исполнительный комитет предлагает 17-му Сибирскому стрелковому полку остаться в городе Троицке и до создания боевой единицы находиться в распоряжении Совета».

...Главная площадь Троицка до отказа забита солдатами-фронтовиками. Третий час идет митинг. Третий час идет борьба мнений. Вот на трибуне худой высокий солдат:

— Я так думаю, братцы: всему свое время. Навоевались вдоволь. В империалистическую кровушки напроливали... Революцию отвоевали... Дутову всыпали... С немцами замирились... Пора и по домам...

— Верна!

— Навоевались!

— Теперь пущай другие воюют.

Гул сочувствия прошел по площади.

— Вот я и говорю. Истосковались мы по детишкам и женам нашим. Поди, и не узнают теперь — столько лет дома не были. Заслужили мы спокойную жизнь.

— Стойте, стойте, товарищи! — расталкивая толпу, к трибуне пробирался другой оратор.— Дайте мне сказать. Спокойной жизни, значит, желаем? А кто ее не желает? Но давайте прикинем: разбредемся мы по домам, а контра тем временем погубит Советскую власть. Что тогда будет? А не будет спокойной жизни. Устали мы, это верно, но рано нам по домам. Враг не разбит до конца. Революция еще нуждается в нашей защите. И мы будем предателями революции, если оставим ее

беззащитной. Нельзя бросать винтовки. Без Красной Армии не жить Советской власти.

Долго еще гудел на площади митинг. Часть солдат после все же разъехалась по домам. Но более шестисот демобилизованных солдат и офицеров 17-го Сибирского добровольно перешли служить в Красную Армию. Они составили костяк новой революционной воинской части, получившей название 17-го Уральского социалистического стрелкового полка.

Одна за другой присоединялись к сибирским солдатам уральские боевые дружины: Троицкая под командой Ларина, железнодорожная, руководимая Летягиным, Кустанайская во главе с Ещенко, будущим командиром роты. Несколько дружин создали крестьяне-бедняки. Самыми крупными из них были дружина из села Николаевского и дружина Балмасова из Демарино.

В новый красный полк вошел также интернациональный батальон, состоявший из бывших военнопленных венгров.

История этого батальона такова.

Лагерь военнопленных венгров размещался на окраине Троицка в зданиях бывшего Менового двора. Русская революция не сразу проникла за его колючую проволоку. В России свергли царя, потом — Временное правительство, но часовой по-прежнему ходил вдоль лагерного забора.

Приход в Троицк Северного летучего отряда взбудоражил военнопленных. Среди них не оказалось равнодушных к Советской власти. Здесь были ее друзья и ее враги. И друзья сразу же протянули революции руку помощи. В один из последних декабрьских дней 1917 года в штаб 17-го Сибирского полка пришла группа военнопленных. Венгры заявили о своем желании защищать русскую революцию. Их зачислили в полк.

Лагерь военнопленных раскололся на две враждующие группы. Если бывшие рабочие Будапешта, Берлина, Бухареста приняли русскую революцию как свою собственную, то реакционное офицерство оставалось на службе у своих правительств и требовало, чтобы военнопленные не вмешивались в политические распри русских. И не только требовало, но и пыталось расправиться с «изменниками родины».

Когда вторая группа венгров, следуя примеру своих товарищей, захотела выйти из лагеря, чтобы тоже поступить в красный полк, дорогу им преградили офицеры и кучка их сторонников. Началась жестокая драка. Несколько часов продолжался кулачный бой...

Однажды солдаты-сибиряки, проходя утром возле Менового двора, нашли в придорожной канаве трех избитых и связанных военнопленных. Это были венгерские социал-демократы, над которыми учинили «темную» их офицеры за то, что они вели в лагере революционную агитацию.

И все же, несмотря на угрозы, шантаж и жестокие расправы, в Троицкую Красную Армию записалось несколько сотен пленных. Из них-то и был сформирован интернациональный батальон 17-го Уральского полка.

Так родился второй на Урале регулярный полк Красной Армии (первенцем считают 1-й Уральский стрелковый полк, сформированный в марте 1918 года в Екатеринбурге).

Благодаря тому, что основу 17-го Уральского полка составили солдаты, прошедшие большую фронтовую школу, сквозь огонь революции, новые пополнения уральских рабочих и крестьян смогли в рядах полка быстро стать настоящими бойцами революционной Красной Армии.

6. В кольце мятежей

К середине 1918 года новая серьезная опасность нависла над молодой Советской Республикой. Подкупленные и обманутые своими вожаками, подняли антисоветский мятеж части белочешского корпуса. В конце мая — начале июня по всей Сибирской железнодорожной магистрали вспыхнули костры их контрреволюционных выступлений.

Центром белочешского восстания на Урале стал Челябинск — город, являвшийся воротами из Европейской России в Сибирь и перекрестком важнейших транспортных линий Урала. Здесь скопилось несколько эшелонов белочешских войск, насчитывавших около 8 тысяч солдат.

Началось с того, что 14 мая 1918 года в Челябинске секретное совещание представителей английской и французской военных миссий, белочешского командования, подпольного белогвардейского главного штаба и Самарского комитета учредительного собрания разработало конкретный план вооруженного выступления частей белочешского корпуса против органов Советской власти.

Для начала восстания был использован конфликт между солдатами чешского караула и Челябинским Советом. В ночь на 27 мая отряд легионеров, перейдя вброд реку Миасс, напал на казармы челябинского гарнизона. Сонные красноармейцы, не успев оказать сопротивления, были обезоружены. Очистив военные склады, белочехи захватили несколько тысяч винтовок, пулеметы, пушки. Затем мятежники заняли здание Совета, телеграф, железнодорожную станцию, оцепили крупные предприятия города.

Несколько дней в Челябинске свирепствовал белый

террор. Власть в городе перешла в руки «Комитета спасения родины и революции», созданного верхушкой офицерства и казачества при поддержке белочешского командования. Челябинск превратился в новый центр контрреволюции на Урале. Отсюда многотысячные отряды белочехов стали наносить удары по линиям железных дорог на Златоуст, Екатеринбург, Курган и Троицк.

Жители и вооруженные части Троицка взволнованно прислушивались к событиям. С каждым днем вести были все тревожнее. Челябинск взывал о помощи. Аппельбаум собрал экстренное заседание Совета:

— Положение, товарищи, серьезнее, чем нам казалось. Ждать, пока белочехи подойдут к Троицку,— преступление. Предлагаю послать на помощь Челябинску все наши силы. Вторая задача — создание новых отрядов для борьбы с мятежниками.

Вооруженные силы Троицка к тому времени состояли из бывших солдат 17-го Сибирского полка, отряда интернационалистов, коммунистической роты и рабочих дружин. Командиром Троицкого отряда был назначен Иван Карпухин.

Немедля отряд выступил в поход. Однако дойти до Челябинска не удалось.

Утром 6 июня при поддержке артиллерии отряд пошел в наступление на позиции белочехов. Бой, то разгораясь, то затихая, шел целый день. Но силы были неравны. К вечеру белочехи, контратаковав, опрокинули правый фланг Троицкого отряда. Над красными нависла очень серьезная угроза. Положение спасла лишь батарея Павла Крахмалева. Оставшись без прикрытия пехоты, артиллеристы не растерялись. Снаряд за снарядом посылали они в наступающего противника. Контратака белочехов захлебнулась, и они с большими потерями вернулись на исходные рубежи.

После боя отряд отступил на станцию Еманжелинскую. Несколько дней ни он, ни противник не предпринимали никаких активных действий, прощупывая друг друга разведкой. Белочехи подтягивали свежие резервы. Через несколько дней отряд вернулся в Троицк.

Город спешно готовился к обороне. Троицким большевикам А. Н. Иванову, Я. В. Аппельбауму, В. М. Свешникову, С. М. Глинскому, А. П. Кононову почти не приходилось спать. А тут еще меньшевики и эсеры вставляют палки в колеса. Каждый день митингуют, призывая не вступать в борьбу с легионерами, не обострять конфликта. Кое-кто поддакивает им.

6 июня большевики собрали чрезвычайный съезд Советов Троицкого уезда. Съезд призвал казаков двух сроков на службу в Красную Армию и объявил добровольную запись бывших фронтовиков.

7 июня в Троицке был сформирован «Штаб войск, действующих против мятежного движения чехословаков и примкнувших к ним других контрреволюционных банд». Командующим всеми троицкими отрядами, вместо раненного под Полетаево Н. И. Карпухина, назначили Ивана Сугакова. В своем первом приказе новый командующий указал на необходимость соблюдения железной революционной дисциплины. Особое внимание было обращено на бережное расходование боеприпасов. В шестом параграфе приказа говорилось:

«Всем командирам дружин и начальникам команд вменяется в обязанность строго следить за расходом боевых припасов, как-то: снарядов, патронов и ручных гранат, учитывать все боевые запасы, и без командиров отделений, взводных и командиров дружин ни один красноармеец не должен открывать огня. Вести огонь только по открытой цели противника, но не более как на 1500 шагов.

За неисполнение, самовольную растрату и утерю боевых запасов будут предаваться военно-революционному полевому суду».

10 июня, учитывая угрожающее положение, вся власть в городе и уезде была передана в руки Высшего военного совета. В его состав вошли председатель Центрального исполкома Совета рабочих, армейских, казачьих, крестьянских и мусульманских депутатов Троицкого уезда А. Н. Иванов, председатель уездного Совета В. М. Свешников, председатель городского Совета Я. В. Аппельбаум и военный комиссар города С. М. Глинский.

Принимались экстренные меры по накоплению сил. Казачья секция Совета во главе с Н. Д. Томиным сформировала красный казачий полк, которому было присвоено имя 1-го Революционного Оренбургского социалистического полка имени Степана Разина. Командиром полка стал Александр Ермолаевич Карташов — казак из Тарутинской станицы.

Высший военный совет обложил наиболее богатую часть населения контрибуцией на сумму в 500 тысяч рублей и мобилизовал ее на рытье окопов. Троицк опоясали ряды окопов с площадками для пулеметов.

Первым занял позиции за городом 17-й Уральский полк. Что касается полка имени Степана Разина, то его пока оставили в резерве, и он ограничивался лишь посылкой конных разъездов.

...День прошел в настороженном выжидании.

Утром 13 июня на железнодорожной колее появился блиндированный поезд из американских товарных вагонов, защищенных тюками шерсти и мешками земли. За ним двигались эшелоны с пехотой. Открыв пулеметный огонь, поезд приближался к позициям интернационального батальона. Вот пехота уже высыпала из ва-

гонов, развернулась в цепи. Интернационалисты и подоспевшая коммунистическая рота ответили огнем из винтовок и пулеметов. Их поддержала Троицкая батарея, расположенная за вокзалом. Редели цепи врага, но снаряды красных не доставали до блиндированного поезда. Он же, заняв выгодную позицию, обстреливал из орудий почти всю оборону города. Восемь часов продолжался бой. Враг сильнее. Замолкали один за другим пулеметы защитников города.

Командир батареи Крахмалев видел со своего наблюдательного пункта, как белочехи упорно приближались к нему. Еще несколько минут — и батарея окажется в руках врага. Крахмалев оглянулся: сзади, метров за триста, начинался переулок — там можно укрыть орудия.

— Откатить орудия! — скомандовал он помощникам. Но сам отойти не успел. Отступавшие связисты услышали последние слова Крахмалева:

— Прощайте, товарищи! Держитесь!

Под яростным огнем противника подать лошадей к орудиям было невозможно. Тогда артиллеристы, привязав канаты к лафетам, руками втянули в укрытие одно орудие за другим. Батарея снова вступила в бой *.

Главной угрозой для города оставался белочешский бронепоезд, не дававший красным подняться в контратаку. И тогда...

Летягин — командир отряда, охранявшего вокзал,— неожиданно увидел идущего по путям человека. Присмотревшись, узнал в нем машиниста Мотова.

— Тебе что, жить надоело? — крикнул Летягин. — Прыгай в окоп!

* Легендарный рейд. Государственное издательство политической литературы. М., 1959, стр. 41—48.

А. Г. Мотов, бывший машинист Троицкого депо, разбивший паровозом бронепоезд белочехов

Мотов махнул рукой в сторону депо — дело, мол, есть — и прибавил шаг. В депо он крикнул одному из машинистов:

— Выводи паровоз!

— Зачем? Ведь у них бронепоезд. В два счета накроют. Кто отвечать будет?

— Выводи живей! Я отвечу. Во имя революции отвечу. Понимаешь?

Мотов открыл ворота, вскочил в будку паровоза и дал полный вперед. Проезжая мимо вокзала, он услышал крик Летягина:

— Прыгай! Прыгай!

Мотов прыгнул. Товарищи подхватили его.

Паровоз бешено мчался навстречу бронепоезду. Через минуту раздался сильный взрыв... В воздух поднялось облако пара и пыли. Пушки замолчали. Среди белых произошло замешательство. Воспользовавшись этим, кавалеристы полка имени Степана Разина и пехотинцы 17-го Уральского пошли в контратаку. Враг был отброшен. Белоказаки отошли в степь, а белочешские легионеры погрузились на эшелоны и отступили к станции Нижне-Увельской. Многие в Троицке понимали, что бой 13 июня был лишь началом большой войны, одним из звеньев долгой цепи сражений.

Председатель Троицкого Совета Я. В. Аппельбаум телеграфировал в Екатеринбург Н. И. Подвойскому, приехавшему на Урал с группой работников Высшей военной инспекции:

«В Троицке создалось крайне тяжелое положение... Здесь крайне необходим Блюхер, хорошо знакомый с местностью и уже руководивший подавлением казачьего мятежа. Содействуйте приезду из Оренбурга Блюхера, Гвоздиковского и Суворова. Силы наши небольшие и припасы ничтожные. С минуты на минуту ждем падения».

Я. В. Аппельбаум беспокоился недаром: над городом нависла беда, командующий же Троицким гарнизоном Сугаков плохо справлялся со своими обязанностями, не понимал опасности положения. Работа в отрядах велась слабо, дисциплина хромала.

А между тем 17 июня к станции Нижне-Увельской белочехи подтянули три эшелона пехоты с артиллерией. К ним присоединились отряды дутовских казаков. В Троицке об этом не знали. Разведка донесла, что в окрестностях противника не обнаружено, все спокойно. Часть гарнизона была распущена по домам...

Теплая летняя ночь сошла на город. После дневного зноя в домах было душно. Солдаты и дружинники спали во дворах, на крылечках и прямо на улицах. Задремали и сторожевые посты.

Враг обрушился на позиции 17-го Уральского полка внезапно. Заспанные красноармейцы суматошно хватались за оружие, но было уже поздно. Ничего не смогли изменить и подоспевшие кавалеристы-разинцы. Противник был многочисленней и лучше вооружен. Красные, неся значительные потери, отошли в город.

Дутовцы окружили «Пассаж» купца Яушева, где помещался военный склад 17-го Уральского полка. Зда-

ние охранял взвод венгров из интернационального батальона. На попытку захватить «Пассаж» горстка храбрецов ответила дружным залпом. Белогвардейцы повторяли атаку за атакой, но всякий раз откатывались назад.

— Сдавайтесь! Вы окружены! — кричали обозленные дутовцы.

Интернационалисты продолжали сражаться. После каждого штурма их оставалось все меньше и меньше, Последний венгр, расстреляв патроны, выбросился с третьего этажа прямо на штыки врага...

Когда наступила утренняя заря, Троицкий отряд покинул город.

★

Небольшая группа отряда под командованием И. И. Карпухина отходила вдоль железной дороги на Кустанай. Основная же часть, в составе двух тысяч бойцов, 6 орудий и 21 пулемета, решила прорываться к Верхнеуральску. Молча шли бойцы по пыльному тракту. Не было слышно ни песен, ни шуток.

По всему Уралу разметала буря гражданской войны вооруженные группы людей, втянутых в водоворот политических событий. Все перемешалось, все сдвинулось на уральской земле. Даже бывалые фронтовики, и те затруднялись сказать: где фронт, где тыл, где свой, а где враг. Может быть, здесь — за опушкой, а может быть, за сотни километров.

Нужны были люди, способные разобраться во всем этом клубке побед и поражений, причин и следствий, способные вдохнуть бодрость и веру в растерявшиеся от первых неудач красные отряды. И такие люди нашлись Это были воспитанники великой ленинской партии, люди железной воли и нерушимых идейных убеждений.

20 июня в поселке Бородиновка командиры отряда устроили совещание. Проходило оно долго и бурно. Горечь поражения прорвалась, наконец, наружу. Особо тяжелая вина за прошедшее ложилась на Сугакова, виновного в плохой организации обороны и преступной беспечности. С поста командующего он был снят. На его место назначили Николая Дмитриевича Томина — казака Усть-Уйской станицы.

Томин был человеком удивительной честности и редкого бесстрашия. Почти всю первую мировую войну он провел на фронте. Там он проникся большевистскими идеями революции, был избран председателем казачьего комитета Оренбургской дивизии. В конце 1917 года, во время следования дивизии с румынского фронта в Москву, казаков пытались склонить на свою сторону белогвардейские генералы. Томин выгнал из вагона делегацию Каледина, вышвырнул посланца Петлюры, пришедшего к нему с мешком золота. Прибыв в начале 1918 года в Москву, дивизия заявила, что поступает в распоряжение Советского правительства.

В январе же 1918 года Томин появился в Троицке, приведя с собой два революционно настроенных казачьих полка. Здесь он сразу завоевал популярность у местного казачества и был избран от 12-го Оренбургского полка в состав городского Совета. В марте исполком Совета назначил его начальником штаба охраны Троицка. Позднее в протоколе ВЦИК от 30 сентября 1918 года о Томине будет записано: «Это был первый казак, который стал на Урале под знамя Советской власти, стал вооружать казацкие советские части и оказал огромную, неоценимую услугу делу революции».

В Троицке состоялось его первое знакомство с В. К. Блюхером, который уже тогда оценил его как та-

Николай Дмитриевич **Томин**, командир Троицкого партизанского отряда, командир 89-й бригады 30-й дивизии. Погиб в бою с басмачами в 1924 году

лантливого организатора и командира. Когда в июле 1918 года В. К. Блюхер встретил троичан в Белорецке, он отметил, что «уже одно то обстоятельство, что во главе Троицкого отряда стоял Томин, служило для меня гарантией, что эти части будут боеспособны и дисциплинированны».

Командиром 17-го Уральского полка назначили А. П. Кононова, командовавшего до этого батальоном. Солдаты-сибиряки знали его еще со времени первой мировой войны. Жители Троицка познакомились с ним в дни его работы в Троицком Совете. Это был храбрый солдат, умелый руководитель.

Новый командир начал энергично приводить полк в порядок. Бойцов разделили на три батальона — по три роты в каждом. Из остатков кавалерийского эскадрона собрали конную разведку. Создали две пулеметные команды: одну из «максимов» — во главе с Н. Набоковым, другую из «кольтов» — во главе с М. П. Бородиным.

Через несколько дней подошли к Верхнеуральску. Город встретил троичан приветливо. На большом митинге с речью выступил командир местного отряда Иван Каширин, любимец казачьей бедноты. Троичане прибыли как раз кстати: вокруг города было неспокойно. Бе-

лочешский мятеж оживил контрреволюционное казачество. По соседним станицам уже хозяйничали крупные отряды белых.

24 июня командиры Троицкого и Верхнеуральского отрядов собрались на совместное совещание. Закончилось оно поздно вечером. Утром А. П. Кононов знакомил полк с новым приказом главнокомандующего:

«Всем начальникам отдельных частей и отрядов, командирам батальонов, батарей, рот, сотен, боевикам и красноармейцам объявляю, что я собранием начальников частей Троицкого отряда и Верхнеуральским штабом избран главнокомандующим всеми силами Троицкого и Верхнеуральского уездов с данным мне полномочием самому сконструировать главный штаб, а потому в состав штаба мною назначаются: начальником штаба — Н. Енборисов, его помощником — С. Гаврилов, помощником главнокомандующего — Н. Баранов, адъютантом штаба — Новиков, его помощником — Г. Чунин и комиссаром особых поручений — Ф. Яковлев.

Командующим Миасским фронтом назначается Н. Леонов с правом самому избрать себе штаб по его усмотрению.

Начальником Троицких отрядов утверждается Н. Томин, командиры отдельных частей — по его усмотрению.

Командиром артиллерийского дивизиона отрядов назначается Е. Ершов, который должен находиться до особого распоряжения при батарее Троицкого отряда.

Главный военный штаб временно находится в г. Верхнеуральске, куда и направлять все донесения.

Время слов прошло, все командующие и начальники частей, приказывайте, и тот, кому дорога свобода, обязан исполнять все приказания; никаких личных счетов, никаких ссор и недоразумений между товарищами

[из] командного состава и товарищами красноармейцами не допускаю.

Выбирайте, товарищи, любое: или власть трудового народа, или жандарма с палкой; или дело делать, или играть в жмурки.

Я принял ответственный пост перед революцией и во имя спасения ее требую точного, без оговорок, исполнения моего приказания.

Товарищи красноармейцы! Вперед на защиту трудового класса!

Поганая буржуазия наступила на горло трудовому народу Российской республики, стараясь задушить свободу и права трудящихся.

Во мне нет сомнения, что, благодаря идейным борцам за свободу — красноармейцам, — власть останется в руках трудового народа. Не бойтесь, товарищи, смерти: лучше умереть славной смертью за народное дело, чем попасть в кабалу к кровопийцам-богачам... губернаторам, жандармам и с палкой в руке их превосходительствам и их благородиям.

Довольно, побаловались, поиздевались над нами. Мощные духом, с верой в победу, с железной товарищеской дисциплиной, мы выступаем против врагов и предателей трудового народа. Пощады никакой, «борьба не на живот, а на смерть» Смело вперед!

Главнокомандующий И. Каширин».

— В штаб Троицкого отряда,— добавил Кононов, окончив чтение,— вошли: от нашего полка — Глинский, от разинцев — Виктор Русяев. Его вы знаете.

— Прямо-таки настоящая армия получилась,— полушутя, полусерьезно переговаривались бойцы. И они были у истоков истины: в тревогах и боях рождалась легендарная армия уральских партизан.

★

Белоказацкие атаманы между тем плотным кольцом окружали Верхнеуральск и Белорецк.

По приказу Ивана Каширина Троицкий отряд начал наступление на станицу Кидыш. Шли по степной дороге под жарким летним солнцем. Перед закатом подошли к станице Петропавловской и расположились на ночлег. До Кидыша оставалось версты три. На рассвете бойцов разбудили выстрелы. Вместе с зарей разгорелся бой. Первый батальон 17-го Уральского полка и сотня кавалеристов-разинцев, тесня противника, ворвались в Кидыш. Артиллерийский снаряд угодил в один из домов и поджег его. Пожар перекинулся на другие постройки, станица запылала.

В это время два других батальона полка с двумя сотнями разинцев завязали бой под станцией Сухтелинской. В оперативной сводке штаба Уральского корпуса белых сообщалось, что красные «значительными силами... повели наступление на поселок Сухтелинский. Бой продолжался весь день. Противник довел свои силы до 2000 человек при 8 пулеметах и 5 орудиях... атаманом отряда Анненковым отбито 8 атак, и лишь ночью, опасаясь быть отрезанным, отряд оставил поселок Сухтелинский».

Так с боями Троицкий отряд почти вплотную подошел к Троицку, но взять его не смог: кончились боеприпасы. Пришлось вернуться обратно в Верхнеуральск.

Целый день 5 июля в штабе Ивана Каширина заседал Военный совет. В совещании приняли участие верхнеуральские большевики. Положение было не из легких: белогвардейцы стягивали к городу крупные силы, против которых Троицкому и Верхнеуральскому отрядам не выстоять. Решили оставить город без боя и идти к Белорецку на соединение с другими отрядами.

На следующий день по всему Верхнеуральску прошли митинги. Выступая на одном из них, И. Д. Каширин заявил:

«Принятое нами решение очень сложное и рискованное... Нам нужны сильные волей, мужественные люди. Трусы и тот, кто хоть чуть колеблется в успехе нашего дела, пусть не идут за нами».

7 июля отряд покинул Верхнеуральск. Ехали конники, шла пехота, громыхали пушки. Вместе с бойцами уходило и население города. По Белорецкому тракту на несколько верст растянулись подводы беженцев с детьми и домашним скарбом. Трудно было оставлять родной город. На фуражках бойцов виднелись красные ленточки с надписью чернилами: «Умрем, но рабами не будем».

17-й Уральский полк и полк имени Степана Разина замыкали обоз. Нещадно палило солнце, густая пыль висела над дорогой. Перегруженные подводы часто ломались, создавая пробки и задерживая движение.

У Извоз-горы и Вятского хутора решили остановиться, отдохнуть и перестроиться по-новому. Отдыхали все, кроме Троицкого отряда. Николай Томин с Кононовым объехали ряды бойцов, привели их в полную боевую готовность.

С Извоз-горы было видно, как по следам отряда двигалось несколько сотен белых казаков. Кононов приказал закатить на гору батарею. Выбрав наиболее удобный момент, артиллеристы открыли огонь. Белая конница смешалась. В это время кавалеристы полка имени Степана Разина вместе с верхнеуральцами вырвались навстречу противнику. Белоказаки отступили. Однако, собрав силы, они вновь двинулись на позиции красных. Пришлось повторить вылазку и вновь оттеснить их.

Когда солнце стало клониться к закату, а жара спадать, отряд двинулся дальше по Белорецкому тракту.

7. Рейд начался

8 июля вступили в Белорецк, едва ли не единственный завод на Южном Урале, где еще держалась Советская власть. Здесь было крепкое большевистское ядро во главе со старейшим коммунистом П. В. Точисским. Однако сил в городе было очень мало: всего две небольшие дружины. Около двух тысяч белорецких металлургов ушли на борьбу с белочехами. Теперь Белорецку суждено было стать колыбелью новой партизанской армии.

С приходом троичан и верхнеуральцев ожил старый Белорецк. На заседании ревкома И. Каширин и Н. Томин договорились с П. Точисским о совместных действиях против врага. Враг же был всюду: и вокруг, и в само́м городе.

В ночь на 10 июля левые эсеры предательски убили П. Точисского и арестовали группу большевиков. Обнаглели и белые атаманы. На рассвете 10 июля Белорецк был разбужен выстрелами: с юго-востока на город наступали белоказаки. Несколько раз бросались они в атаку. Конница белых обошла левый фланг, где сражался батальон 17-го Уральского полка, и атаковала бойцов с тыла. Команду над батальоном взял на себя командир полка Кононов. Несмотря на численное превосходство врага, батальон не дрогнул. Сдерживая атаку, он организованно отошел на новые позиции. У командира полка не оказалось ни одной царапины, зато его лошадь получила несколько сабельных ударов врага.

Перегруппировавшись, 17-й Уральский полк с двумя сотнями разинцев отбросил белоказаков от Белорецка. После этого они уже не предпринимали серьезных попыток к наступлению, нападали лишь небольшими группами на сторожевые охранения.

В Белорецк стекались все новые и новые красные отряды. Со стороны Златоуста пришли остатки Катав-Ивановского, Тирлянского и Симского отрядов, отброшенные от железной дороги Уфа — Златоуст белочешскими войсками. Привели своих бойцов из-под Оренбурга Николай Каширин и Василий Константинович Блюхер. К ним присоединились в пути рудокопы-красногвардейцы с Баймакских золотых приисков и Стерлитамакский отряд. В. К. Блюхер привез с собой большое количество снарядов и патронов — как раз то, чего так не хватало другим отрядам.

За несколько дней население Белорецка увеличилось тысяч на десять. Широкие и прямые улицы поселка были до отказа забиты бойцами, беженцами, лошадьми, телегами, пушками. Лязг оружия, конское ржание, разноязыкий говор не смолкали даже ночью. Много радости принесла встреча с родными и знакомыми, с ветеранами бывшего 17-го Сибирского полка: вместе с Блюхером вернулись из-под Оренбурга Н. П. Гвоздиковский, Я. М. Суворов и другие «сибиряки».

Кононов вскоре забрал Н. П. Гвоздиковского к себе помощником. Николай Павлович еще в старой армии дослужился до штабс-капитана. Боевой опыт у него был немалый, военное дело он знал отлично. Хоть он и не состоял в рядах партии большевиков, но Советской власти был предан всей душой, среди бойцов пользовался большим уважением. В критические минуты боя его часто видели в рукопашной схватке с винтовкой в руках, так же как и командира полка.

16 июля Кононов участвовал в совещании представителей отрядов «для объединения всех сил, действующих в пределах Южного Урала, создания единого штаба и выработки общего плана совместных действий».

Всем было ясно, что нужно прорываться к крупным советским частям. Братья Каширины предлагали двигаться через Верхнеуральск по казачьим районам к Екатеринбургу. В. К. Блюхер был тоже за поход на Екатеринбург, но без захода в Верхнеуральск. Н. Томин настаивал на другом пути — по рабочим районам на запад, к главным силам Красной Армии.

На совещании подсчитали силы отрядов.

О Троицком отряде в протоколе было записано:

«Отряд г. Троицка, Н. Д. Томина. Пехоты — 700, кавалерии — 300, пулеметов — 16, орудий — 6, патронов не очень много. Отряд крепкий. Просят немедленного похода к центру России».

К единому мнению на совещании не пришли. Окончательный выбор маршрута поручили сделать будущему главнокомандующему. Большинством голосов главкомом всех отрядов, собравшихся в Белорецке, избрали Николая Каширина, его заместителем — В. К. Блюхера.

17 июля новый главнокомандующий отдал приказ отрядам двинуться на Верхнеуральск, а оттуда пробиваться через Миасс к Екатеринбургу.

На следующий день партизаны начали наступление. Пятьдесят верст шли десять дней, почти не прекращая схваток с белоказаками. Последний решительный бой противник дал у горы Извоз, сосредоточив на заранее подготовленных позициях несколько тысяч сабель и штыков.

Целый день 28 июля шел штурм горы. К вечеру, усеянная трупами, она была в руках у партизан. Белоказаки спешно оставили Верхнеуральск. Город снова заполнили красные отряды

Но радость победы омрачила тревожная весть: пал Екатеринбург. Идти туда уже не имело смысла. Партизанская армия вернулась в Белорецк.

6 Заказ № 559

Василий Константинович Блюхер — начальник 30-й стрелковой дивизии

Снова Белорецк превратился в военный лагерь. Куда ни кинешь взор — всюду толпы вооруженных людей. Улицы и переулки забиты обозами, на площадях пылают костры.

2 августа на совещании командиров партизанских отрядов, собравшихся в Белорецке, вместо раненного под Извозом Николая Каширина, главнокомандующим единогласно был избран В. К. Блюхер. После горячих споров проголосовали за отход на запад.

Здесь же, на совещании, договорились о формировании 4 основных отрядов: Уральского, Верхнеуральского, Белорецкого и Троицкого. В Троицкий отряд был влит Стерлитамакский отряд, уже обстрелянный в боях с белочехами, и отряд рудокопов с Баймакских золотых приисков. Пехота этих отрядов вошла в 17-й Уральский полк, кавалерия — в 1-й Оренбургский полк имени Степана Разина.

Приказ нового главнокомандующего, подписанный в тот же день, гласил:

«Ввиду того, что вверенная мне Красная Армия не имела связи с базой, которая питала бы ее как огнестрельными припасами, так и всем необходимым для

армии, на совещании делегатов от всех отрядов решено было пробиться и соединиться с базой.

...Оставаться здесь, в Белорецке, мы не можем, так как противник наш отказ сочтет за нашу слабость и, безусловно, поведет против нас активные действия, с тем чтобы нас взять в кольцо, и тогда нам трудно будет прорывать это кольцо.

Николай Дмитриевич Каширин — помощник командира южно-уральской партизанской Красной Армии

Может быть, у многих красноармейцев возникнет сомнение в том, стоит ли идти в новом направлении, не лучше ли остаться здесь и где-нибудь укрыться. Товарищи, такое решение будет весьма гибельным, так как легче всего переловить и придушить нас поодиночке, а когда же мы будем двигаться кулаком — справиться с нами трудно, потому что мы можем бороться и пробивать себе путь сплоченной силой. Итак, вперед! Кто малодушен, оставайся, но помни, что одиночки — не сила и легко могут быть переломлены противником.

Главнокомандующий Блюхер».

3 августа Уральский отряд первым выступил из Белорецка. Легендарный рейд начался. По Стерлитамакскому тракту потянулась необычная армия: с пушками и семьями, в солдатских гимнастерках и рабочих блузах.

Вполне мирно скрипели бесконечные обозы, ревел скот, плакали дети. Но вокруг был враг. И он не бездействовал. Еще 2 августа генерал Ханжин — командующий Уральским корпусом белых — дал приказ «атаковать и преследовать противника» до полного уничтожения. Поэтому с самого начала партизанам пришлось прорываться к цели с боями.

Утром 3 августа белые сделали попытку запереть партизан в Белорецке, но были сломлены ударом Верхнеуральского отряда. Потеряв около двухсот убитыми и ранеными, враг отступил.

Тогда белогвардейцы решили ударить в тыл уходящей армии со стороны Верхнеуральска. Прикрывать отход партизанских войск В. К. Блюхер поручил Троицкому отряду и Белорецкому полку...

Августовское утро началось вполне мирно. Последние обозы уже ушли на запад. 17-й Уральский полк тоже готовился в путь, следом за главными силами Красной Армии.

Но случилось то, чего не ожидали. Один из бойцов вспоминает об этом так:

«...Вдруг батальон, как один человек, повернул головы направо, на восток, где яркое солнце разгоралось над верхушками мохнатых гор. Оттуда доносились выстрелы, затрещал пулемет.

— Казаки! Казаки! — понеслось по рядам. С вечера получили из штаба приказ: на случай атаки белоказаков Троицкая бригада и белоречане должны занять фронт, прикрыть отступающую армию. Вот уже летит к нам вестовой от командира полка.

— Занимайте позиции!

...Повернули роты кругом, быстро идем вниз по улице, за поселок. Там, за гумнами и кладбищем, развертываем цепи и занимаем центральный участок полка.

Справа интернациональный батальон и — у Белой — сотня разинцев, слева — первый батальон, за ним Белорецкий полк, еще левее, у горы над заводским прудом, сотня разинцев, третья сотня их — сзади, в резерве, батарея бригады заняла позицию где-то в поселке, на площади.

Мы идем цепью по овсам, бойцы тихо переговариваются, тревожно поглядывая на лесистые сопки...

...На гребне овсяного поля, над головами заныли пули, зашумели пулеметные очереди. Бойцы дружно уткнулись носом в землю. Лопат у нас мало, мягкую пашню стрелки разрывают штыками и руками, нагребая перед головами земляное укрытие. Пулеметчики повернули тачанки дышлами назад, сбросили «максимок» на землю, увели коней в тыл, в лощину, где разбивал свой бивуак полковой перевязочный пункт...

...Вдруг один из пулеметчиков резко крикнул, другие бросились по местам. Вся цепь интернационалистов разноязычно кричала, поднялась и наша цепь, бойцы повскакали из окопчиков. Вперед мчится казачья лава, она несется в приглушенном вое, в блеске шашек.

Залопотали, захлебываясь, пулеметы, загрохотала залпами пехота. Бойцы кричат и стреляют, стараясь остановить лавину. Сзади, из поселка, торопливо сорвались залпы шрапнели, белые дымки взрывов ее повисли в воздухе.

Я схватил карабин, стреляю, приклад бьет отдачей в плечо, ствол под рукой нагрелся. Прыгающие фигурки казачьей лавы стали близко-грозными, лава несется в молниях шашек. В сердце ударил холод. В ноги — свинцовая тяжесть, в глазах туман, а руки делают свое, трепещущая мушка винтовки ловит лошадиные морды и прыгающие фигурки всадников.

Настало мгновение, провалившееся из памяти навсегда — вплотную наседают косматые бешеные кони, мелькают безумные бледные лица казаков. Всадники почти лежат на шеях лошадей, режут воздух черточками наклоненных пик и серебряными серпами шашек.

— Что же, конец?— вспыхнула молнией мысль.

И вдруг взбесились, завертелись волчком лошади. Лава уперлась, казачьи кони встали на дыбы и повернули назад, обожженные горячим ливнем нашего огня. Кони несутся назад, закусив удила. Лава рассыпалась так же быстро, как и вынеслась в атаку, откатилась назад, растеряв по овсянищу сбитых, срезанных пулеметами и ружейным огнем всадников и лошадей»[1].

Трижды в этот день белоказаки бросались в атаку и трижды, усыпав овсяное поле мертвыми телами людей и лошадей, отходили назад. А когда опустилась ночь, полк снялся с позиций, прошел по пустынным молчаливым улицам Белорецка и вышел на тракт.

★

Уже целую неделю партизаны шли по хребтам Алатау. И целую неделю враг неотступно следовал по пятам. Этот враг — не только белогвардейцы. Иван Недолин — командир роты 17-го Уральского полка — вспоминает:

«За горло вцепилась жестокая усталость и голод. Несколько дней партизанская армия не имеет хлеба, все запасы муки брошены для лазаретов, раненых, детям беженцев.

Каптенармусы отпускают ротам вволю мясо, на коротких привалах партизаны варят его в ведрах, котелках, жарят на угольях. Кушанье получается несуразное,

[1] И. Недолин. Рейд Блюхера. Уфа, 1962.

в отрядах нет хлеба и соли, бойцы мучаются животами, осунулись, подтянув ремни на животах, они бредут по обочинам дорог, заходят на предгорья, в опушки леса, собирают незрелые ягоды.

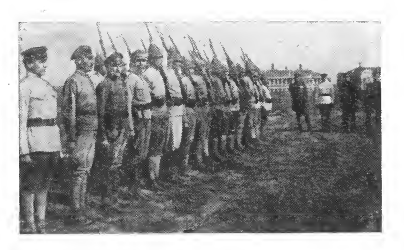
В лазарете сбились с ног сестры: раненые просят хлеба. Армия идет быстро, в пути нет времени выпечь хлеб, сестры поджаривают на угольях костров пресные несоленые лепешки.

Версты растягиваются, как резина. Бойцы и лошади падают от изнеможения... В обозах нет дегтя, у подвод загораются немазаные оси — их засыпают песком, землей, тушат влажной травой, водой».

С боями пробивает дорогу идущий первым Уральский отряд под командованием И. С. Павлищева. Следом движется вся партизанская армия. В деревне Инурусовой, в сорока километрах севернее Стерлитамака, 17-й Уральский полк остановился на несколько дней, привел себя в порядок, частично переформировался в 4-батальонный состав. Одной пулеметной командой остался командовать Н. И. Набоков, начальником другой команды назначили Ф. А. Гордеева из Баймакского отряда, а его помощником — М. П. Бородина.

Перевалив Ала-Тау, армия повернула на север, минуя Стерлитамак. После боя с крупными силами белых у села Покровское партизаны вошли в Богоявленский завод. Здесь в армию В. К. Блюхера влился двухтысячный отряд М. В. Калмыкова. Из Богоявленска стали двигаться по направлению к Уфе.

11 августа 17-й Уральский полк вошел в село Табынское, где простоял четыре дня. Затем снова — двухдневный переход. 17 августа расположились в селе Ирныкши. Село большое, просторное, с крепкими домами. Места хватило всем. А в двух километрах от села, за рекой Белой, в деревне Шареево — притаился враг.



Подразделение 89-го Чонгарского полка. Стоят слева командир роты Шишканов, помощник командира роты Успенский, командир взвода Батраков. Справа (в стороне) первый начальник 30-й дивизии Стучка, четвертый — командир полка Кононов

Утром 18 августа в Ирныкши из Архангельского завода приехал В. К. Блюхер. Вместе с ним прибыли Н. Томин, В. Русяев и другие работники штаба. Шел разговор о дальнейших планах прорыва.

С трех сторон окружены партизаны крупными силами белочехов и белогвардейцев. На востоке они прижаты к Уральскому хребту. Пробиваться решено на север — через многоводный Сим, около Бердиной Поляны, и дальше — через линию железной дороги. Правда, переправляться через Сим. не так-то просто: нет ни мостов, ни паромов — уничтожены белыми. Придется строить временный мост. Чтобы перебросить по нему

многотысячные отряды и громоздкие обозы, нужно немало времени. Для этого следует отвлечь внимание врага ложной переправой на реке Белой. Эта задача ложится на Троицкий отряд.

Обдумав план демонстративной атаки, В. К. Блюхер с Н. Томиным и штабными работниками направились на берег Белой.

Однако не успели они отъехать от села и полверсты, как наскочили на пулеметы белых. Под В. К. Блюхером рухнул его любимый конь, замертво упал рядом ординарец.

Вернулись в село.

А из-за реки уже била по селу артиллерия белых. Несколько снарядов разорвалось на площади, где стояли обозы и орудия. В разных концах села запылали дома. Заметались обезумевшие от испуга лошади. Артиллеристы бросились к орудиям. Со всех сторон к месту боя бежали бойцы. Первым занял позиции на южной окраине села батальон интернационалистов. За ним залегли роты 1-го и 3-го батальонов, примчались пулеметные тачанки.

Между тем противник переправил артиллерию на восточный берег Белой.

В это же время запылали огни пожарищ на юге и на севере от Ирныкши. Звуки боя доносились из соседнего села Зилима, где дрались богоявленцы. Слышался отдаленный гул со стороны Сима, из расположения отряда Ивана Каширина.

Бой под Ирныкши все накалялся. Заговорила Троицкая батарея. Снаряды с воем проносились над головами бойцов. Вместе с командиром полка Кононовым и его помощником Гвоздиковским на поле боя находился и В. К. Блюхер. Рассерженный вначале тем, что разведка прозевала подход белочехов, он постепенно веселел, на-

блюдая, как дружно и организованно бойцы занимали свои боевые места. Убедившись, что враг натолкнулся на крепкую оборону троичан, командующий уехал в главный штаб.

С юга Ирныкши окружал густой кустарник, поэтому белочехи смогли незаметно приблизиться к селу. Но войти в него можно было лишь через луг, шириной в полкилометра: справа и слева от него было болото. На этом лугу и разгорелся основной бой. Несколько раз бросался противник в атаку, но неизменно откатывался назад. Особо отличилась в этом бою группа бойцов из роты Уткина и батальона интернационалистов. Броском вырвавшись вперед, они залегли шагах в сорока от ближайшей цепи белых. До позднего вечера отражали они атаки врага, почти в упор расстреливая белочехов.

Гвоздиковский с двумя ротами 1-го батальона Курченко с седьмой ротой пытались обойти противника с флангов, но застряли в болоте. Поэтому до самой темноты бой был фронтальным — лицом к лицу. Впереди — враг, сзади — пожарище села.

С наступлением темноты противник отступил за Белую. Растеряйся 17-й Уральский полк — и враг, захватив Ирныкши, неизбежно вбил бы клин в партизанскую армию и отрезал часть отрядов от главных сил. Кроме того, угрожая с тыла, враг сорвал бы переправу через Сим.

На следующий день 17-й Уральский полк занял оборону на берегу Белой, но враг больше не делал попыток перейти в наступление.

К этому времени относится строжайший приказ главкома, в котором он требовал от командиров «следить за экономным расходованием патронов и снарядов, обстреливая лишь видимые цели, представляющие груп-

пы или цепи противника, отнюдь не допуская стрельбы по одиночным людям».

Под Ирныкши еще кипел бой, а на берегу бурного Сима уже стучали топоры саперов, наводивших переправу. 1-й Уральский и Архангельский полки, форсировав Сим ранее, оттеснили белочешские части от места работ. Целый день, пока саперы возводили мост, стук топоров перемежался пулеметными и винтовочными выстрелами.

Через сутки работа была закончена. Началась переправа. По шаткому настилу небольшими группами пошла пехота, осторожно перекатывали орудия, переводили лошадей. Вот на правый берег Сима вышли каширинцы, за ними — 3-й батальон 17-го Уральского и две сотни казаков из полка имени Степана Разина...

Около самой переправы в дымящихся развалинах — Бердина Поляна. Еще вчера здесь шел бой. В одной из уцелевших изб разместился штаб В. К. Блюхера. Слева — деревня Родники, за ней — плоская возвышенность, господствующая над местностью. Там засели белочехи и белогвардейцы. Оттуда им очень удобно сбросить переправившихся партизан в бурный Сим. Поэтому В. К. Блюхер сосредоточил на небольшом плацдарме ударную группу из трех пехотных и одного кавалерийского полков.

На рассвете томинцы заняли позиции. Утром В. К. Блюхер дал приказ к наступлению. Кононов повел полк в атаку. К вечеру белочехи были выбиты из Родников и спешно отступили за реку Белую.

Путь к Самаро-Златоустовской железной дороге был открыт...

Штабы главкома и Троицкого отряда расположились в поселке Михайловском. Вторую ночь никто из командиров не спит. Вместе с Н. Томиным над картой сидят

командир разинцев А. Карташов, помощник командира 17-го Уральского полка Н. Гвоздиковский и командир Троицкой батареи Сухов. Подумать есть о чем: предстоит прорыв через Самаро-Златоустовскую железную дорогу. В приказе В. К. Блюхер требовал «приложить все усилия для выполнения поставленной задачи по прорыву, помня, что наша неудача поставит нас в безвыходное положение, успех же сулит нам выход и соединение со своими войсками, обеспеченный тыл, налаженное довольствие и базу снабжения огнестрельными припасами. Командному составу разъяснить боевикам важность предстоящей операции».

Перед операцией 17-й Уральский полк разделили на три части. Батальон интернационалистов и 3-й батальон под общим командованием Кононова были приданы Верхнеуральскому отряду Ивана Каширина для выполнения главной задачи — захвата станции Иглино.

1-й батальон во главе с Н. П. Гвоздиковским прикрывал операцию с юга, на Уфимском направлении.

И, наконец, 4-й батальон Т. С. Корнева держал оборону на юго-западе.

В полдень 29 августа стало известно, что Иван Каширин с Кононовым уже ворвались на станцию Иглино. После сокрушительной атаки партизан белочехи в панике погрузились в эшелоны и отошли в сторону Златоуста.

Но радоваться было рано. Из-под Калтыманово, расположенного в трех верстах от Михайловского, внезапно ударила артиллерия белых, застрекотали пулеметы. Полурота 17-го Уральского полка, находившаяся в Калтыманово, была смята противником. На позиции остались лишь пулеметчик Ефим Кручинин с помощником Леонтием Шестаковым. Кручинин прошел с 17-м Сибирским полком всю первую мировую войну, не раз

бывал в опасных переделках. Не дрогнуло сердце старого солдата и теперь.

Белогвардейская цепь подходила все ближе к расположению пулеметчиков.

— Я останусь у пулемета, а ты — пока не поздно — беги,— обратился Кручинин к Шестакову.

— Я останусь с тобой, Ефим.

Вот белогвардейцы поднялись в атаку. Пулемет Кручинина прижал их к земле. Снова атака, и вновь пулемет не дает врагу продвинуться вперед.

Вставлена последняя лента. Ефим снова крикнул Шестакову:

— Беги! Незачем умирать вдвоем!

— Уйдем вместе! Нам бы только до леса добраться!

Ефим ничего не ответил. Леонтий, поколебавшись, пригнулся к земле и побежал назад.

Белогвардейцы приближались. «Максим» снова заговорил и вдруг замолк: перекосило патрон. Выправить застрявшую ленту не удается — пулемет молчит. Когда враги были уже у самого пулемета. Кручинин, резко отскочив в сторону, размахнулся и бросил гранату. Несколько белогвардейцев рухнуло. Оставшиеся в живых изрешетили тело старого солдата пулями, били его прикладами, топтали ногами.

Захватив Калтыманово, враг повел наступление на Михайловское. Артиллерия белых посылала снаряд за снарядом. Михайловское загорелось. Пришлось выводить обозы из села в поле.

Но навстречу врагу уже двигался 1-й батальон во главе с Гвоздиковским. К нему присоединились бойцы 4-го батальона Корнева. Правый фланг белых обходила сотня казаков-разинцев.

К вечеру Калтыманово снова было в руках у партизан.

Командный состав партизанского отряда В. К. Блюхера и 30-й стрелковой дивизии. В первом ряду: А. П. Кононов, В. К. Блюхер, В. С. Русяев. Во втором ряду: Корольков, Ильиных, Пономарев, Баранов, Глинский

Между тем каширинцы укрепились на железной дороге. Движение поездов было прервано на пять суток. В Уфе началась паника. Намеченное белыми на 1 сентября «Уфимское государственное совещание» было сорвано.

31 августа командующий войсками Уфимской губернии генерал Тимонов приказал «всем войскам, находящимися в районе Покровского — Иглино, с утра спешно

наступать на север... противника во что бы то ни стало догнать и разбить».

...Второй день шли проливные дожди. Дороги развезло. Лошади еле тащились. Стремясь выиграть время, Блюхер поторапливал партизан. 1 сентября сводный Уральский отряд вышел к реке Уфе возле деревни Красный Яр. Форсировав ее вплавь, передовые части Верхнеуральского отряда закрепились на западном берегу. Саперы начали возводить мост для переправы основных сил и обозов.

Троицкий отряд шел в арьергарде. По его пятам неотступно двигались крупные силы белогвардейского полковника Моисеева. Чтобы предупредить внезапность нападения, Томин приказал отряду занять позиции у деревни Немислярово, запретив стрелять без команды. Вскоре белые пошли в атаку. Подпустив противника шагов на 500, 17-й Уральский полк обрушил на него весь свой артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь. Понеся потери, враг отступил. Томин же, опасаясь удара с фланга, отвел отряд в деревню Ново-Кулево и занял новые позиции.

Бойцы 17-го Уральского полка понимали всю сложность и важность начатого ими похода, знали, что идут решающие бои. Столько пройдено, столько пережито, и вот наступает заключительная битва: либо сомнут белые, либо партизаны прорвутся к своим.

Кононов обходит по избам бойцов, беседует, шутит.

— Главное — не терять хорошего настроения и аппетита... Потерял, заскучал — тут тебя и смерть раньше времени подкараулит.

Партизаны, окружив, тянутся к своему командиру. Всем известны его бодрящая веселость и неизменный аппетит.

— Ну, угощайте медком,— говорит Кононов: в Немислярово у кулака бойцы нашли тайник меда пудов на сорок. Раненым отдали, да и себе кое-что осталось.

И вот на столе уже пыхтит самовар, появился свежий хлеб, пахучий мед.

— Давно хочу тебя спросить, Александр Павлович,— обращается к командиру начальник пулеметной команды Михаил Бородин,— сколько тебе лет? Из-за бороды твоей никак не поймешь.

— Да уж... двадцать четыре стукнуло,— улыбается Кононов.— А бороду я завел в честь своего деда. Самая красивая борода на всю нашу деревню Горошино была у моего деда. По всей Тверской губернии славилась. С дедом я до семнадцати лет вместе батрачил. А по зимам в Нижнем Торжке учился. 4 класса городского училища окончил. Летом одиннадцатого года увезли меня родители из деревни в город Бердичев и определили в русско-французский коммерческий банк учеником. Бухгалтера из меня хотели сделать. В пятнадцатом году призвали в армию. В Новгороде служил, учебную команду там закончил. Оттуда с маршевой ротой — на фронт. Повоевал немного и попал в школу прапорщиков, после оказался в 17-м Сибирском полку. Там и бороду начал отращивать. Для солидности.

— Ну, Александр Павлович, с твоей бородой нам не страшно,— шутят бойцы.

— Это хорошо, что не страшно,— уже по-серьезному отвечает командир.— Пугаться нам никак нельзя. Последний удар наносим. Выдержим эти дни — считай, прорвались к Красной Армии.

— Не подведем, Александр Павлович!

Уже за полночь шагая в штаб, Кононов думал о предстоящем бое. С радостью он отмечал, что его бойцы верят в победу. А это очень важно.

Утром 3 сентября Троицкий отряд завязал ожесточенный бой за Ново-Кулево. Противник нес огромные потери. Однако он вновь и вновь контратаковал троичан. Обескровив белогвардейские части, партизаны отошли к соседней деревне Старо-Кулево и заняли оборону.

Ждать нового боя им пришлось недолго.

Получив подкрепление, белогвардейский полковник Моисеев повел наступление на Старо-Кулево. Белые выпустили по деревне несколько зажигательных снарядов. Багровое зарево взметнулось в небо. Блюхер приказал — ни в коем случае не сдавать позиций: через реку Уфу уже началась переправа раненых и обозов. Одновременно Томин передал Кононову строгое распоряжение: патроны экономить, атаки отражать гранатами и штыками.

Стоя на позиции 1-го батальона, Кононов не отрывался от бинокля. Знал: чтобы выиграть бой, нужно следить за каждым шагом врага. А у бойцов — всего несколько патронов на винтовку, жалкие резервы и у пулеметчиков. Поймут белые, что у партизан нет боеприпасов, обнаглеют. Надо, чтобы думали наоборот.

Командир полка подозвал к себе пулеметчика Александра Кинзерского, оглядел его плотную фигуру:

— Будешь со своим «кольтом» при мне. Придется сегодня потрудиться.

Снова вскинул бинокль. Подозрение подтвердилось: белые пошли в наступление на правый фланг батальона.

— Ну, тезка, быстро, вон к тем кустам! — Кононов показал направо.

Взвалив на плечи тяжелый «кольт» с треногой, Кинзерский почти бегом бросился к указанному месту. Установил пулемет, огляделся. Второй и третий номер уже лежали рядом. Не обращая внимания на редкие винтовочные выстрелы, белогвардейцы шли во весь рост.

— Подожди,— сказал Кононов, заметив волнение Кинзерского.— Бить только наверняка, чтобы ни один патрон даром не пропал.

Тянулись тревожные секунды.

— Огонь!

Пулемет резко хлестнул по врагу. Цепи белогвардейцев смешались. Небольшой перерыв — и снова:

— Огонь!

Кинзерский дал еще несколько очередей и увидел спины убегающих.

— Ну, Александр Алексеевич, здесь нам уже делать нечего,— проговорил Кононов.— Пойдем встречать беляков в другом месте. А здесь оставим трещотку,— командир полка хитро улыбнулся: несколько дней назад кто-то из бойцов, чувствуя, что боеприпасы на исходе, смастерил деревянную трещотку. «Строчит» точь-в-точь как пулемет, только пули не мечет. Но для пугливого врага и этого достаточно.

А с настоящим пулеметом Кинзерскому в тот день пришлось набегаться вдоволь. До кровавых ссадин сбил плечи. Зато не напрасно: куда бы ни сунулись белогвардейцы — везде их встречал огонь единственного в 1-м батальоне пулемета.

Несколько атак уже отбито. Кононов приказал готовиться к контратакам. Вот как одну из них описал в своих воспоминаниях В. С. Русяев.

«В одной из контратак А. П. Кононов поручил произвести главный удар кустанайцам, второй роте под командой Ещенко. Когда цепи белых приблизились к нашим окопам на 100—120 шагов, Ещенко стремительно повел свою роту в атаку. Крепко сжимая винтовки в руках, бойцы молча бросились навстречу белым. В минутной тишине, наступившей после ожесточенной пальбы, отчетливо слышались короткие, тупые удары шты-

ков, взрывы ручных гранат, крики и топот бесчисленных ног... Противник был смят и отброшен»[1].

После боя 3 сентября лишь немногим белогвардейцам отдельного Сибирского отряда полковника Моисеева удалось спастись бегством.

А между тем переправа партизан через реку Уфу продолжалась. На рассвете 4 сентября 17-й Уральский полк и сотня разинцев последними покинули восточный берег Уфы. Позади остался враг и подожженный саперами мост.

★

Почти неделю шли форсированным маршем, без боев, если не считать отдельных стычек с кулацкими бандами. 10 сентября подошли к большому селу Аскино. Сотня разинцев выбила из него несколько десятков белогвардейцев. На следующий день здесь разместился штаб главкома Блюхера.

13 сентября высланная Блюхером группа бойцов во главе с Русяевым встретила регулярные части Красной Армии из 1-й Бирской бригады П. И. Деткина. Весть об этом взбудоражила всех. Необыкновенная радость охватила бойцов. Вот он, долгожданный день,— партизанская армия вырвалась из вражеского кольца!

19 сентября Троицкий отряд первым подходил к Кунгуру. Даже нудный, надоедливый дождь не мог омрачить восторженного настроения южноуральцев. Весело чавкает под лаптями, рваными сапогами и ботинками партизан дорожная грязь. Выпрямлены спины, гордо подняты бронзовые от загара и ветра лица. На груди и рукавах пестро одетых бойцов рдеют красные ленты.

[1] Легендарный рейд. Госполитиздат, 1959, стр. 137—138.

Почти все население Кунгура, несмотря на дождь, высыпало на улицу. Полыхают знамена, звучит сборный оркестр.

После торжественного митинга троичане заполнили бани, парикмахерские и фотографии города. Одним из первых вопросов, которые услышали бойцы 3-й армии от партизан, был такой:

— Есть ли патроны и снаряды?

Кунгурцы с удивлением смотрели, как казак-разинец, рысью ехавший по улице, круто осадил коня, соскочил на дорогу и, вытащив из грязи боевой патрон, положил его в сумку. Кто-кто, а блюхеровцы знали цену патронам.

На следующий день, 20 сентября, переодетые в новые шинели, мытые и бритые, собрались троичане на свой митинг. Здесь они приняли приветствие вождю пролетарской революции:

«Товарищ Ленин!

Мы, рабочие, крестьяне и казаки Троицкого отряда Красной Армии, пробившиеся через цепь белогвардейских и чехословацких банд, приветствуем Вас — вождя русской революции — как истинного защитника пролетарских идей и верим, что контрреволюция, созданная удачной подтасовкой международной буржуазии, в самом непродолжительном времени будет ликвидирована в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Красное знамя труда вновь разовьется на сопках Урала.

Да здравствует всемирная революция и ее оплот Красная Армия!

Председатель Томин» [1]

---

[1] Гражданская война на Южном Урале. Сборник документов. Челябинск, 1962.

21 сентября было объявлено в Кунгуре днем чествования партизанских отрядов.

«Сегодняшний день город Кунгур посвящает Красной Армии,— писал специальный номер газеты 3-й Уральской дивизии «Часовой революции».— Все на праздник в честь красных боевых молодцов, в честь цвета Красной Армии — блюхеровских отрядов».

Вместе со всеми партизанами бойцы 17-го Уральского полка почувствовали себя именинниками, частью великой армии революции. Остались за плечами полторы тысячи пройденных верст, валящая с ног усталость, голод и болезни, вражеские засады и бесконечные бои.

С гордостью оглядывались бойцы назад. Исчезли или притупились их страхи и волнения, зато усилилось ощущение собственной силы и превосходства над врагом. Многому научились они во время рейда и, главное,— они научились побеждать. Трудные испытания сделали их лучшей частью новой революционной армии. Они не стали идеальными, не избавились еще от многих пороков и слабостей. Но они созрели в главном: они не только желали, но и могли бороться, могли сокрушать ненавистного врага.

8. И снова в бой

Скупые сентябрьские сводки по 3-й армии с Кунгурского направления были нерадостными:

«3 сентября в районе ст. Сарга противник перешел в наступление. Наши части ответили контрнаступлением, идет ожесточенный встречный бой».

«7 сентября. Разведка и тайная агентура установили присутствие на фронте 5-й и 8-й чешской дивизий, сосредоточенных исключительно для ударных целей. Около

полудня противник повел наступление на наши части, занявшие Уткинский завод. Под давлением превосходящих сил наши части отошли сначала к заводу Шайтанскому, а затем к деревне Мартьяново».

«13 сентября под натиском превосходящих сил противника мы отошли от станции Шаля и Сылвинского завода».

«13 сентября Седор [1] в разговоре по прямому проводу с тов. Лашевичем [2] просит подкреплений. Лашевич делает распоряжение дивизии во что бы то ни стало продержаться еще 2—3 дня, когда подойдет т. Блюхер».

«17 сентября противник перешел в наступление после долгой артиллерийской подготовки на Шамары. Результатом боя было оставление нами станции Шамары».

19 сентября Военный совет 3-й армии вынужден был телеграфировать командующему Восточным фронтом И. И. Вацетису: «3-я армия переживает критические минуты. 4-я дивизия в районе Красноуфимска окончательно разбита... В 3-й дивизии в районе железной дороги Шамары — Кунгур полное разложение... В 1-й дивизии после боев осталось 3 тысячи штыков в районе Алапаевска. Во 2-й дивизии в районе Тагила до 900 надежных штыков. В Перми стоят два полка только что мобилизованных, но элемент самый ненадежный и сырой. Резервов других почти нет... Шлите срочно резервы».

Отдыхать блюхеровцам было некогда. Приказом командующего 3-й армией № 19 от 20 сентября 1918 года сводный Уральский отряд был включен в обессилевшую 4-ю Уральскую дивизию.

Такое объединение не было простой арифметикой. Слияние блюхеровцев с остатками старой дивизии сразу

---

[1] Седор — начальник 3-й дивизии 3-й армии.

[2] Лашевич — член Военного совета 3-й армии.

же сказалось на настроении красноармейцев. Измученные и морально подавленные последними неудачными боями, они воспрянули духом, слушая рассказы партизан о победоносном походе. Недаром корреспондент армейской газеты сообщал, что блюхеровцы обещают научить наших солдат храбрости. И они сделали это. Уверенность в том, что контрреволюционные орды можно победить, распространилась на всех бойцов 3-й армии. Партийные ячейки, созданные к осени не только в полках, но и почти во всех батальонах и ротах, как-то по-новому ожили. Теперь агитаторы могли рассказывать не только о победах Красной Армии где-то под Казанью и Симбирском, но и показывать живых победителей, которые были здесь, рядом.

4-я Уральская дивизия 3-й армии стала одной из сильнейших. Ее командующим был назначен В. К. Блюхер. Н. Томин стал командиром 4-й бригады, в которую вошел 17-й Уральский полк вместе с полком имени Степана Разина и Троицкой батареей.

21 сентября Кононов знакомил бойцов 17-го Уральского полка с первым приказом нового командующего 4-й дивизией:

«Товарищи красноармейцы! После трудного полуторатысячного перехода по горной, лесной и болотистой местности, на значительной части пути в кольце врага, с которым пришлось вести ряд упорных боев, часто доходивших до штыковых ударов, вы имели законное право, прорвавшись на соединение с нашими товарищами по оружию, рассчитывать на отдых, но, к сожалению, к нашему приходу в район города Кунгура обстановка наших войск, действующих в этом районе, сложилась крайне неблагоприятно и городу Кунгуру стала угрожать опасность захвата противником, а с падением этого пункта противник приложит все усилия для захвата города Перми, имею-

Один из бронепоездов, участвовавших в боях на Восточном фронте. Такие бронепоезда сыграли большую роль в борьбе с врагами революции

щего весьма важное военное значение, как ближайшая база снабжения всем необходимым войск, действующих на Восточном фронте.

Взятием Перми противник может нанести смертельный удар нашим войскам, действующим на Северном Урале; вот почему, не считаясь с усталостью, во имя спасения завоеваний революции нам приходится выступать на позиции. Уверен, что вверенные мне войска, не раз разрывавшие железное кольцо врагов, преодолевшие препятствие природы на протяжении полутора тысяч верст и с честью вышедшие из тяжелых испытаний, обогащенные боевым опытом, покажут врагу, что какой бы боевой экзамен ни готовил нам враг, мы выдержим его с честью, ибо каждый из нас знает, за что он борется.

Уверен и в том, что боевые товарищи, вступившие в нашу семью из состава бывшей 4-й дивизии, несколько упавшие духом под неудачами последних дней, забудут

тяжелые дни и в дружном натиске сломят зарвавшегося врага и разобьют наемников буржуазии».

Ночью 17-й Уральский полк спешно погрузился в вагоны и первым выехал в сторону противника. С ходу выбив врага со станции Шумково и подождав, пока прибудут остальные части 4-й бригады, Кононов повел полк дальше — на Тулумбасы, Кордон, Шамары.

За Шамары белочехам удалось зацепиться. Лобовые удары успеха не имели. Тогда Гвоздиковский, отобрав несколько десятков бойцов и вооружившись пулеметами, начал обходить станцию с северо-востока. Бесшумно сняли заставу, вплотную приблизились к расположению врага. Застрекотали пулеметы горстки отважных, заметались по станционным путям белочешские солдаты. Потеряв в бою около батальона, противник покинул станцию.

17-й Уральский полк расположился вначале в Шамарах и на разъезде Кизляр. Бойцы по-хозяйски занимали огневые позиции, готовясь к очередной схватке. Но вышло иначе. Наутро пришел приказ: сдать участок 1-му Пермскому полку и отбыть в бригадный резерв на станцию Шумково. Нежданно-негаданно полк оказался в шестидесяти верстах западнее фронта. Батальоны разместили в окрестностях станции, разбросав их по соседним деревням.

Стоял на редкость мокрый сентябрь. Сыпал бесконечный мелкий дождик. Бойцы с радостью занимали деревенские избы, предвкушая заслуженную передышку. Наконец-то можно выспаться по-настоящему, не думая о том, что тебя каждую минуту могут поднять в атаку. Да и свое солдатское хозяйство давно пора привести в порядок: постирать белье, залатать прорехи. Лишь командиры оставались по-прежнему озабоченными, деловитыми. Они знали: резерв — не просто отдых, а подготовка к новым боям.

Так оно и получилось: ни отдохнуть, как следует, ни переформироваться не пришлось. Ровно через сутки Кононов получил приказ комбрига Томина: срочно бросить полк снова на передовую.

А произошло за эти сутки вот что. Не успел 1-й Пермский полк занять под станцией Шамары оборону, как белочехи пошли в наступление. Необстрелянные красноармейцы, не выдержав натиска, стали отходить. Сопротивлялись только отдельные группы бойцов, остальные испуганно метались под огнем противника. Разрезав полк пополам, белочехи начали его окружение. Часть полка вместе с командирами попала в плен. Остатки были прижаты к реке Сылва. Красноармейцы, на ходу разбирая изгородь, бросились в воду. Разведчики В. Падурин, П. Попов, братья Е. и Н. Лоскутовы, И. Чебанов, красноармейцы Н. Бурдин, П. Бояршинов и другие, наскоро связав поясными ремнями несколько жердей, спустили их в реку. Вместе с подоспевшими пулеметчиками уложили на них «максим» и коробки с лентами. Через несколько минут были на правом берегу Сылвы. Установили пулемет и открыли огонь по белочехам, дав тем самым переправиться через реку другим красноармейцам.

Успела вырваться из окружения и миновзрывная рота С. Д. Истомина с группой стрелков. Перейдя железнодорожный мост, они сразу же залегли за ним, не допуская белочехов.

Однако всем было ясно: достаточно еще одного удара — и остатки полка будут смяты и уничтожены. К счастью, белочехи в этот день не пошли больше в наступление. А когда назавтра они начали переправу через Сылву, дорогу им преградил 17-й Уральский полк. Попытки прорваться через железнодорожный мост также не принесли им успеха.

Прошел еще день. Неожиданным ударом с севера, со стороны села Крюк, противник вклинился в тыл 17-го Уральского полка и, отбросив батальон Трофима Уткина к станции Кордон, захватил разъезд Глухарь. Остатки 1-го Пермского полка и 1-й батальон Ивана Толунева оказались в окружении. Вместе с ними был и командир полка, находившийся в это время на передовой.

Рассерженный Кононов бросил красноармейцев в атаку на разъезд Глухарь. Атака была безуспешной. Кононов понял: идти на пролом — значит, идти на верную смерть. Тогда он срочно собрал командиров. Положение было отчаянным. Отряд находился как бы между молотом и наковальней. Надо было во что бы то ни стало выскользнуть из ловушки, причем не дать главным силам белочехов перейти на правый берег Сылвы, через железнодорожный мост. Посоветовавшись, решили: мост взорвать и уходить на юг лесом и сылвинскими болотами.

Проверили все запасы и наскребли десятка два пироксилиновых шашек. Кононов отобрал из добровольцев человек пятнадцать в группу взрывников. В нее попали разведчики из 1-го Пермского полка и несколько стрелков из батальона Толунева.

До наступления темноты пулеметчики не спускали с моста глаз, не давая ступить на него ни одному белочешскому солдату. А когда пришла густая осенняя ночь, взрывники ползком направились к реке. Тревожная тишина висела над Сылвой. Осторожно, без единого стука приступили взрывники к делу.

Вдруг на другом конце моста послышался топот ног — белочехи пошли в наступление. Словно сговорившись, враз застрочили пулеметы. Стреляли на слух. Целый час летели пули с одного берега на другой. Но вот снова стало тихо. Взрывники продолжали свою работу.

Наконец, все шашки на месте. Вспыхнул бикфордов шнур. Кубарем скатились с насыпи взрывники. Не успели они добежать до первого околка, как от оглушительного взрыва дрогнули лесные дали. На темном горизонте взметнулись клубы огня и дыма, и было видно, как железнодорожные фермы рухнули в реку.

Всю ночь бойцы шли по болоту, по колено в воде, спотыкаясь о кочки, все дальше углубляясь в дремучие уральские леса. К концу второго дня вышли к Верхлекским хуторам. Кононов выслал разведчиков: узнать дорогу к своим. Вечером те доложили, что находятся в 26 верстах от железной дороги, юго-западнее станции Кордон,— там сейчас красноармейцы батальона Трофима Уткина.

На другой день отряд был уже на станции...

До ночи засиделся Кононов с Гвоздиковским.

— Вот так, Николай: век воюй, век учись,— сказал Кононов, заканчивая свой невеселый рассказ о выходе из окружения.

— Бойцов надо успокоить. Тут кто-то пустил слух, что тебя убили. Не увидим, говорят, мы больше нашего командира.

Кононов задумался. Вдруг он озорно подмигнул Гвоздиковскому и крикнул вестовому:

— Мирон, принеси-ка ножницы!

Когда тот появился с ножницами, решительно сказал:

— Стриги клочок бороды... Да покороче!

— Что вы, Александр Павлович, как можно такую красоту портить?

— Стриги, для дела нужно!

Утром во всех ротах и командах полка, вместе с очередным приказом, обнаружили клочок кононовской бороды. Бойцы успокоились: бороду своего командира все знали отлично.

Выйдя из окружения, Кононов распределил остатки 1-го Пермского полка по своим батальонам и занялся организацией прочной обороны. Урок, данный белочехами, пошел впрок. В последних числах сентября и в начале октября все попытки противника занять станцию Кордон успеха не имели. Линия фронта постоянно колебалась то на восток, то на запад, но наступление белочехов на Пермь вдоль железной дороги Екатеринбург — Кунгур окончательно провалилось.

9. Оставляя рубежи...

Новоиспеченный генерал Рудольф Гайда нервничал. Положение на фронте не радовало его.

Но зато Гайда был доволен собой. За несколько месяцев честолюбивый молодой авантюрист сделал головокружительную карьеру. Еще в начале восстания белочешского корпуса он был всего лишь каким-то капитаном. А теперь... За свои «блестящие победы» над сибирским крестьянством получил дивизию и с прибытием на Урал возглавил Екатеринбургскую группу белочешских и белогвардейских войск. Ну и, соответственно, погоны генерал-лейтенанта. Беззастенчивый в выборе средств, лишенный определенных политических убеждений, Гайда чувствовал себя превосходно в мутной воде русской белогвардейщины и англо-французских интриг. У новой русской «власти», так называемой Директории, созданной 23 сентября в Уфе, он на хорошем счету.

С первого же дня появления в Екатеринбурге Гайда стал мечтать о «победоносном наступлении». Он сделает Северо-Уральский фронт главным на востоке России. И это — не иллюзия. Сейчас Гайда уже кое-что понимает

в «высоких планах». Прорыв на юг России идет не так быстро, как хотелось бы. Заинтересован в этом прорыве больше генерал Жанен, хотя и англичане ничего не имеют против. А север — это уже чисто английский интерес. Пробиться к английскому экспедиционному корпусу, что наступает из Мурманска и Архангельска, и закрепиться на северных морях — вот, кажется, суть английских устремлений. Ну что ж, он будет ориентироваться на англичан, поможет им, и они не забудут его.

Пока же он не доволен тем, что делается на фронте. Несмотря на все усилия и грозные приказы, войска не только не продвинулись за последнюю неделю вперед, но даже отступили.

И Гайда забросал главнокомандующего генерала Болдырева телеграммами, требуя дополнительных частей.

«Противник, усиленный отрядом Блюхера и Каширина... теснит Иркутскую дивизию. Срочно необходима ей помощь»,— писал он 1 октября.

Расчет Гайды оказался верным. Екатеринбургская группа была срочно усилена лучшими белогвардейскими и белочешскими дивизиями для наступления «с целью войти в связь с северной группировкой союзников». И русских генералов Гайда получил самых лучших. Один князь Голицын чего стоит!

9 октября Гайда отдал приказ: «Мне поставлена задача взять гор. Пермь. Я решил нанести удар по противнику на Кунгурском направлении, на прочих же — лишь сдерживать противника».

Утром 14 октября Гайда бросил против 4-й дивизии 3-й армии красных части 3-й Иркутской, 7-й Уральской и 2-й белочешской дивизий. Это были самые сильные части Директории. 7-я дивизия Голицына была только что сформирована из сибирских кулаков и отлично осна-

щена вооружением и обмундированием. 2-я белочешская дивизия давно уже считалась у белых лучшей на Восточном фронте. Поэтому в успехе Гайда не сомневался.

★

Всю ночь завывал ветер, пронося над станцией Кордон обрывки осенних туч. Стихло лишь к утру. Обычно веселый Кононов хмурился: день не предвещал ничего хорошего. Вот уже почти неделю белочехи упрямо лезли к станции. 6-й полк воевал умело. Кононов чувствовал, что командует им не новичок: фланговым его ударам с профессиональной точки зрения можно только позавидовать. Хочешь не хочешь, а приходится часто менять позиции. Сегодня, кажется, опять не избежать боя. Разведка, возглавляемая Лобачевым, донесла, что белочехи что-то затевают.

«Жарко будет»,— подумал Кононов, и как бы в подтверждение над головой просвистел первый снаряд. Через несколько секунд уже вся земля содрогалась от орудийных выстрелов. Один из снарядов попал прямо в здание вокзала, взрывом разворотило угол.

Не кончился еще артиллерийский обстрел, как заговорили пулеметы противника. Бой нарастал. Не сгибаясь и, казалось, не обращая никакого внимания на свистящие вокруг пули, Кононов обходил позиции своих бойцов. Он знал, что опять будут ругать его за лихачество. Но знал он и другое: от поведения командира во многом зависит и настроение бойцов, а значит, и результат боя.

Вот под прикрытием пулеметного огня белочехи поднялись в атаку. Кононов спокойно посматривал на их приближение. Он был уверен: бойцы не растеряются, встретят, как надо.

Сергей Гаврилович Немов, командир 3-го батальона 17-го Уральского — 265-го стрелкового полка. Позднее — командир этого полка

— Давай! — махнул он рукой.

Шквал пулеметного и ружейного огня обрушился на наступающих. Пройдя еще с десяток метров, противник не выдержал и повернул назад. Первая атака была отбита...

Почти сутки шел непрерывный бой. Уже потерян счет вражеским атакам, а противник все не унимался. Чувствовалось, что белочехов и белогвардейцев толкали в спины грозные приказы их генералов. 17-й Уральский полк выдыхался.

И вдруг по цепи пронеслась весть: держитесь, товарищи, к нам прибыл Ленин! Бойцы повернули головы на запад: по железнодорожной колее двигался бронепоезд, на свежепокрашенном борту которого сверкала надпись: «Бронепоезд имени В. И. Ленина». Бронепоезд остановился. Открылась дверь броневагона, и оттуда вышли командир бригады Н. Д. Томин, начальник особого отдела бригады С. М. Глинский и командир бронепоезда Околотин. Поздоровавшись с Кононовым, они несколько минут наблюдали за расположением врага. Бойцы видели, как командир полка что-то объяснял комбригу. Затем прибывшие вновь вошли в броневагон, и его узкая дверь захлопнулась. Бронепоезд тронулся с места. Разворачивая на ходу башни, он миновал позиции 17-го

Уральского полка. Никто не стрелял. Даже белые выжидающе замолкли. Бронированный великан меж тем спокойно проскочил цепи противника и остановился у него в тылу.

И вдруг тишина взорвалась. Захлебываясь, раскатились пулеметы, защелкали винтовочные выстрелы. Свинцовый дождь ударил по броне. Но, словно не обращая на них внимания, орудия поезда посылали снаряд за снарядом в скопления белочехов. Его пулеметы отсекали атакующего противника, не давая приблизиться к железнодорожной колее. Выскочивший из-за опушки белогвардейский броневик был отогнан. И как будто не было ни бессонной ночи, ни бесконечно длинного боя. Снова ожил красный полк.

Николай Ильич Набоков — командир полковой пулеметной команды

Вот словно волна подхватила и выбросила из окопа взводного Романа Барабашева.

— Вперед!

Теперь уже никаким огнем нельзя было остановить красноармейцев. Их стремительная волна смела, опрокинула белочехов. Враг дрогнул. Заметались его солдаты. Только часть их успела уйти по железнодорожной колее. Более двухсот вражеских трупов осталось лежать на поле боя. Почти такую же цифру составили пленные.

Победа была полной. 17-й Уральский полк потерял всего 8 убитых и 18 раненых.

Красноармейцы подбирали брошенные врагом винтовки, пулеметы, боеприпасы. Трофеи были богатые.

Но радоваться было рано. Генерал Гайда, не считаясь с потерями, бросал в бой все новые и новые части. Станцию Кордон пришлось оставить. Но за Кордоном красноармейцы оказали врагу упорное сопротивление. За каждую захваченную версту белочехи и белогвардейцы платили дорогой ценой и, так и не сумев прорваться на Кунгур, выдохлись.

Бои во второй половине октября шли с переменным успехом. 17-й Уральский полк несколько раз ходил в наступление, но вернуть Кордон не удалось.

После одного из таких наступлений коммунисты полка решили провести в помещении железнодорожной казармы станции Тулумбасы партийное собрание. Обсуждались последние боевые действия. Кононов был краток:

— Коммунисты должны научиться хорошо воевать. Ведь Ленин говорил, что сейчас военный вопрос —главный вопрос молодой Советской Республики. Всегда ли мы проигрываем бои из-за численного превосходства противника? Часто нам не хватает воинского умения.

Командир полка проанализировал действия батальонов, вскрыл их тактические неудачи и ошибки.

Выступили и другие коммунисты: помощник командира роты А. И. Плеханов, командир третьего батальона Т. Уткин, командир второго батальона А. Кузнецов.

На этом же собрании приняли в ряды партии 17 красноармейцев.

Закрыв собрание, решили спеть «Интернационал». Но закончить гимн не удалось. В казарму ворвался разведчик Егор Лоскутов.

— Белочехи наступают!

Сквозь поднявшийся шум твердо прозвучал голос Кононова:

— Товарищи коммунисты, по своим местам!

Через несколько минут участники собрания были уже среди сражавшихся бойцов.

★

Мокрая осень сменилась первыми зимними холодами. После многодневных боев наступил небольшой перерыв. Красноармейцы 17-го Уральского полка разместились в деревенских избах. Рота Льва Дробышева тоже отдыхала. Бойцы чинили одежду, стирали белье. Вглядываясь в спокойные лица бойцов, командир роты думал:

«Неужели это они еще вчера стояли насмерть, не давая врагу сделать ни шагу вперед? Хорошо дрались, ничего не скажешь. А ведь профессии у многих совсем мирные...»

Размышления прервал агитатор, вошедший с пачкой газет. Его встретили радостными возгласами:

— Ну-ка, почитай, что делается на других фронтах!

Бойцы сгрудились в кружок.

— О наших победах на Волге уже знаете. Казань, Симбирск, Сызрань, Самара — в руках у Красной Армии. Азин со своей дивизией бьет беляков под Ижевском. А вот что «Красный набат» о нашем фронте пишет:

«За последний месяц контрреволюцией были брошены на Уральский фронт все оставшиеся силы белочешских полков. После поражения под Казанью, Симбирском и Самарой сибирская контрреволюция, как смертельно раненный зверь, в ужасе заметалась и сделала отчаянную попытку прорвать наш фронт через Пермь и соединиться около Котласа с англо-французскими империалистическими бандами.

На всех участках фронта нашей армии появились белочешские полки, пытавшиеся вести наступление на

Кунгур, Лысьву и Тагильском направлении. Истекший месяц на этом фронте отмечен жестокими, непрерывными боями. Однако успехов белогвардейцы не добились. Наоборот, в многочисленных боях остатки белочехо-словацких сил растаяли окончательно...»

Пермское направление уже второй месяц было главным в планах белочехов и интервентов. Еще 9 октября «верховный главнокомандующий народной армией» генерал Болдырев издал приказ:

«Войска русской и чехословацкой армий ведут борьбу с противником за выигрыш времени до прибытия союзных войск с востока... Главнокомандующий западным фронтом ген. Сыровой с целью войти в связь с Северной группой союзников подготовляет удар на Пермь, сдерживая наступление противника на Поволжском фронте».

2 ноября генерал Болдырев вновь подтвердил свой октябрьский приказ, требуя усилить наступление на Пермь.

В спешном порядке Сибирская армия Гайды была пополнена шестью однобатальонными полками Среднесибирского корпуса генерала Пепеляева. Неполные полки бросили на фронт, не дожидаясь, пока будут сформированы остальные батальоны. Против 3-й армии красных сражался противник, в полтора раза больший по численности. Однако боеспособность белых падала с каждым днем. Их «боевой пыл» остыл сразу же, как начались упорные кровопролитные бои. Без энтузиазма сражались и сибирские полки Пепеляева. По выражению одного из его офицеров, Сибирская армия была с «душком» и разлагалась при первом же отступлении.

Гайда нервничал: его дивизии за месяц боев не продвинулись и на полсотни километров. Честолюбивые планы авантюриста разбивались о железную стойкость красных полков. Сколько раз уже газеты объявляли о разгро-

ме Среднеуральского, 17-го Уральского и Коммунистического полков, а они опять и опять преграждают дорогу Сибирской армии на Кунгур.

Гайда уже не просил, а требовал от генерала Болдырева все новых и новых пополнений. Требовал ультимативно передать ему в течение 48 часов все части Среднесибирского корпуса. Иначе грозил двинуть свои войска в Омск (местонахождение Директории и ставки главнокомандующего) и «сделать такой порядок, что долго будут помнить». И когда Болдырев направил все же вновь сформированные батальоны сибиряков на Уфу, Гайда перехватил их и повернул на Екатеринбургское направление.

Гайда знал, что́ он делает. Его «бунт» против главнокомандующего был не простой наглостью. Раньше он не посмел бы на подобное. Но 29 октября, вместе с эшелоном войск, в Екатеринбург прибыл генерал Нокс. Английский генерал приехал с широкими задачами и планами.

Нокс прямо сказал, что Северное направление остается основным, и намекнул, что дни Директории сочтены.

Гайда сразу почуял: предстоят перемены. Недаром Нокс все время говорит об адмирале Колчаке, которого привез в своем поезде в Омск. Поэтому Гайда и не церемонился с главнокомандующим.

Надо во что бы то ни стало показать себя перед новым «хозяином» России. И Гайда вновь собирает ударные силы на Кунгурском направлении. Кроме полков Среднесибирского корпуса, сюда были переброшены части 7-й Уральской дивизии Голицына из-под Кушвы и Кына. Над 4-й дивизией красных снова навис грозный кулак.

★

Вдоль окопов бежал красноармеец. Он радостно кричал:

— Гости приехали! Из Перми и Кунгура рабочая делегация. С праздником, с годовщиной революции поздравляют. И подарки привезли!

Окопы оживились. Прямо здесь, на передовой, бойцы получали подарки. Простые, бесхитростные. Отходили от делегатов, прижимая к груди кто осьмушку табаку, кто бритву, кто конверт с карандашом, кто катушку ниток с иголкой... Пожалуй, больше всех радовался гармонист Егор Баборин — получил-таки заветную двухрядку. А пулеметчики просили привезти в следующий раз машинки для набивания пулеметных лент. Уж очень неудобно набивать вручную.

Первую годовщину Октябрьской революции пришлось встречать в окопах. Иначе нельзя: генерал Голицын хвастливо заявил, что к «большевистскому празднику 7/XI — дивизии ставится задача овладеть г. Кунгуром».

...Вечереет. В наступающей темноте растворились очертания гор. В окопах — холодно. Ради праздника командиры разрешили разжечь костры, выставив предварительно усиленные караулы. Вокруг костров сидят люди в шинелях с винтовками в руках. Говорят об Октябрьской революции.

И вдруг — шорох. Это вернулись разведчики: противник перешел в наступление. Праздник окончен. Тушатся костры. 17-й Уральский полк готовится к бою.

Не удалось генералу Голицыну выполнить своего хвастливого обещания. К середине ноября красные части не только задержали белогвардейцев, но и отбросили их 7-ю Уральскую дивизию за реку Сылву. Голицын, потеряв половину своих солдат, вынужден был отвести остатки дивизии в тыл.

Несли немалые потери и красные. Особенно ощутимы были утраты в рядах коммунистов. После каждого боя в строй не возвращалось несколько десятков членов партии.

Но партийные ряды не редели. Место убитых занимали новые. В ноябре партийная организация 17-го Уральского полка увеличилась на одну треть.

Ноябрьское партийное собрание полка обсуждало вопрос о политическом воспитании красноармейцев.

— Нужно, чтобы каждый боец хорошо понимал идеи Советской власти, за которые он борется,— начал свое выступление комиссар полка.— Хорошо сказал политком нашей армии Толмачев: «Штык красноармейца только тогда становится штыком революции, когда он освещен лучами пролетарско-коммунистической идеи полного раскрепощения и освобождения всех угнетенных. Только такой штык опасен врагу трудящихся... Увеличить количество этих штыков в нашей армии — вот задача, над которой трудятся десятки и сотни сознательных пролетариев-красноармейцев, прошедших школу Коммунистической партии большевиков».

Коммунисты говорили о работе агитаторов, о газетах, которые не всегда вовремя приходят, а главное — о настроении своих товарищей, с которыми сражаются бок о бок.

Смуглый Трофим Уткин, комбат, рассказывал:

— Ничего не могу сказать: дерутся ребята отчаянно. Злости в них много. Но не всегда правильно понимают эту злость. Есть у меня в батальоне боец Тюрин. Спрашиваю его как-то:

— За что, Захар, сражаешься?

— За идею,— отвечает.

— А за какую?

— А кто его знает. Буржуев больно ненавижу...

— Конечно, буржуев ему есть за что ненавидеть. Рассказывал он мне о своей жизни. Озвереть от такой жизни можно. Вот я и думаю: надо так в полку агитационную работу поставить, чтобы каждый красноармеец знал не

только против кого, но и за что он свою кровь проливает. Поймет, скажем, Захар это, ничем его тогда с пути не собьешь.

Говорили и о будущих боях.

Собрание закончилось клятвой: «До тех пор мы не сложим оружия, пока ни одного белогвардейского офицера не останется на территории РСФСР...»

★

В морозное утро 18 ноября военный министр «Временного всероссийского правительства» (Директории) адмирал Колчак провозгласил себя «верховным правителем России». Переворот в Омске был проведен нагло и бесцеремонно. При тайной поддержке представителей Антанты кучка офицеров арестовала ночью членов Директории и передала власть в руки военного диктатора.

«Русский Наполеон» развернул бурную деятельность. Золотой запас России, захваченный белочехами в Казани и переданный Колчаку, уплывал за границу. Взамен колчаковская армия получила сотни орудий, тысячи винтовок и пулеметов, миллионы патронов, тысячи пудов продовольствия.

В штабе Колчака обдумывал стратегический план французский генерал Жанен. Направление главного удара оставалось прежним: Пермь — Вятка — Котлас и дальше — Москва.

Гайда, ставший командующим Северо-Уральским фронтом, получил крупное пополнение. Значительная часть ударной группы состояла из штурмовых офицерских батальонов и добровольцев.

29 ноября Колчак обрушился на 3-ю Красную Армию.

Главный удар наносили штурмовики. Надев поверх своих черных мундиров маскировочные халаты, они дрались с фанатичной жестокостью. Недаром на рукаве их

мундиров красовалась эмблема: череп со скрещенными костями. Белое командование требовало от штурмовиков безусловного выполнения всех приказов. Перед каждой атакой их поили лучшим французским коньяком. Только так можно было рассчитывать, что штурмовики не дрогнут во время лобовой атаки. Было у них еще одно «правило»: пленных не брать, расстреливать всех без исключения.

...Стояли суровые декабрьские холода. Глубоким снегом перемело дороги.

Уже несколько дней 17-й Уральский полк дрался у станции Шумково. Всем было ясно, что враг сильнее. Под его яростным натиском полк отходил к Кунгуру. Двухдневный бой у станции Усть-Кишерть — и снова назад. Полк истекал кровью. В селе Филипповка он двое суток сдерживал бешеные атаки белых. Заснеженные кунгурские поля почернели от вражеских трупов.

Кононов чувствовал, что полк сражается на пределе. Но когда он увидел, что красноармейцы соседнего Богоявленского полка попали на кунгурских холмах в тяжелое положение и в упор расстреливаются белыми, он послал им на помощь роту М. Н. Третьякова из 1-го батальона. Ударив во фланг белых со стороны Филипповки, рота заставила их отойти к опушке леса. Богоявленцы благополучно спустились к городу.

17-й Уральский полк отступал через центр Кунгура последним. Левее, рядом, вели жестокий бой богоявленцы. То и дело вспыхивали рукопашные схватки.

К вечеру 22 декабря белые полностью овладели городом. 17-й Уральский, перейдя реку Ирень, остановился в селе Крестовоздвиженском, в пяти верстах от Кунгура.

На следующее утро Гвоздиковский остановил старшего разведчика полка Попова:

— Возьми-ка своих ребят да помоги пулеметчикам затащить «максима» вон на ту колокольню — и Гвоздиковский показал на высокую церковь.

Храм оказался закрытым. Еле удалось разыскать священника и заставить его снять замки. И вдруг — новое затруднение: пулемет не проходил по узкой винтовой лестнице. Пришлось его разобрать и затаскивать на колокольню частями. С высоты открывался такой чудесный вид, что бойцы долго разглядывали окрестности Кунгура и одновременно намечали точки для обстрела противника.

Двое суток сдерживал полк рвавшегося вперед противника, прикрывая отступление частей 30-й дивизии.

И снова полк отходил все дальше на запад. Отступали, сражаясь за каждую деревню. Все реже становились ряды ветеранов, все больше падало в уральских снегах товарищей, сраженных белогвардейскими пулями. Но оставшиеся в живых, смертельно измученные непрерывными боями, голодные и замерзающие, бойцы продолжали вести с врагом упорную борьбу.

24 декабря до 17-го Уральского полка дошла тяжелая весть — пала Пермь. Враг захватил один из важнейших городов Урала, крайне выгодный в стратегическом отношении, взял большие трофеи. Положение 3-й армии стало очень тяжелым.

10. Полк продолжает отходить...

Если судить только по сухим оперативным сводкам красного командования, лаконично и сурово рассказывавших о поражении всего левого крыла Восточного фронта, если прочитать захлебывающиеся от восторга победные реляции противника, то создавалось впечатление, что Колчаку нужно было лишь одно, последнее усилие для полно-

го разгрома 3-й армии и соединения с англичанами. В операциях под Красноуфимском, Суксуном, Кунгуром и Пермью 3-я армия понесла тяжелые потери. 29 декабря 1918 года командарм Лашевич доносил по прямому проводу члену Реввоенсовета фронта Смилге: «Настроение подавленное, части устали, измотались, но не могу сказать, чтобы настроение было безнадежное: маленький отдых и хотя бы какой-нибудь успех — и возродятся. Части дерутся и отступают только после боя. Части Каширина (30-я дивизия) потрепаны, как и 29-я дивизия. Держится он только на своих старых бойцах по походу из Оренбурга».

390 штыков — это все, что осталось от 17-го Уральского полка после жестоких арьергардных боев.

Полку приходилось нелегко. Начало января выдалось на северо-восточном Урале очень холодным. Стояли тридцатиградусные морозы. Восточный ветер доносил до отступающих бойцов дым сожженных деревень, тревожный колокольный звон. Ветер усиливал грохот вражеской артиллерии. В хоре пушек за своей спиной бойцы с горечью узнавали тяжелые, как удар заводского молота, вздохи 29 крепостных орудий, что сдали предатели белым под Пермью.

От села Бизяр до села Рождественского путь не такой уж большой — километров пятьдесят. Но путь этот лежал через глухие прикамские леса, порой через болота, не замерзающие даже в лютые морозы. Хороших дорог здесь нет. Чуть сошел с узкой колеи — сразу ухнешь в снег по пояс.

Отход в этих условиях превращался для бойцов в изнуряющий труд. Повозки с тяжелоранеными и хозяйственной частью, пулеметы и 3-дюймовые пушки — для всего этого нужно было постоянно разгребать и протаптывать дорогу, гатить незамерзающие трясины. И делали

это полуобмороженные, измотанные в боях, засыпающие на ходу люди.

В начале января 1919 года основные силы 17-го Уральского полка сосредоточились в селе Рождественском, в 10 верстах восточнее реки Камы. Село находится у слияния двух речек: Северная и Пизя, на небольшой возвышенности. Место это было стратегически очень важным: в южной части села проходила трактовая дорога Юго-Камский завод — город Оса.

Постепенно к основным силам полка присоединялись другие группы и команды, разметанные по Осинскому уезду вихрем беспощадных арьергардных боев. Подошли подразделения, оторвавшиеся от полка под станцией Ергач. Нашелся и штаб полка с адъютантом М. Поповым. Была установлена связь со штабами бригады и дивизии. Оттуда пришел приказ: за Каму не отступать, оборонять село Рождественское. Разъяснять важность такого приказа бойцам не приходилось, каждому было ясно: держись села, ибо в открытом поле при 30 градусах мороза не усидишь.

Противник пока молчал. Тайными тропами уходили в глубь прикамских лесов разведчики 1-го батальона. Кононов поставил задачу: узнать силы врага, по возможности — взять «языка».

Глухой ночью подошли разведчики к деревушке Вылом. Обошли кругом: свежих, протоптанных дорог не было. Стало быть, крупных частей противника в деревушке нет.

В центре деревни остановились возле большого пятистенного дома. У ворот были привязаны кони. Стучать в дом не пришлось: из темного провала ворот сухо треснул винтовочный выстрел. Затем кто-то, ругаясь, выпустил всю обойму.

Разведчики отпрянули. Один из них швырнул за высо-

кий заплот гранату. После приглушенного взрыва от дома побежали и скрылись в темноте несколько фигур. Разведчики проводили их выстрелами.

Десять минут спустя, возбужденные и злые, разведчики отогревались в хорошо протопленной избе. Уже собирались уходить, когда хозяйка дома вдруг тихо шепнула старшему:

— Вы в соседнем дворе пошарьте. Там их двое вечером было, кажись, они не убегли...

Разведчики, как будто случайно, завернули в подозрительный дом. Но во дворе, кроме перепуганных хозяев с детьми, никого не было. Ничего не спрашивая про колчаковцев, попросили сена, с тем чтобы увезти его на взятых в схватке двух лошадях. Хозяин, недовольно морщась, повел разведчиков во двор. Егор Лоскутов и Василий Антонов полезли на сеновал. Кто-то из них ткнул штыком в промерзшее сено. Тотчас же из него послышался испуганный крик:

— Тише, не шпыняйте! Сдаюсь!

Прямо на штыки вылез, весь в сенной трухе, продрогший солдат. Вылез и сказал:

— Давно к вам собираюсь.

И повернулся в темноту сеновала:

— Ваня, свои!

На свет фонаря вылез второй солдат.

— Мы к вам давно идем, не желаем больше у белых служить.

Забрав пленных и двух лошадей, разведчики возвратились в полк.

Два дня шли под Рождественским тяжелые бои. На второй день вечером Кононов собрал усталых командиров на короткое совещание.

— Два этих дня, товарищи, мы деремся сразу против целой бригады: 2-го Барабинского, Барнаульского и Но-

воииколаевского полков. На левом фланге 3-й батальон Уткина прижал противника к реке Северная, загнал в глубокий снег и перестрелял. На правом фланге, в деревне Казанцы, 2-й батальон ружейным и пулеметным огнем, а кое-где и гранатами отбил несколько лобовых атак Вполне понятно: батальоны Уткина и Кузнецова имеют немалые потери. Завтра дадим им пополнение из тех бойцов, что остались в Среднеуральском полку.

— А ты, Лобачев,— продолжал Кононов, обращаясь к начальнику пешей полковой разведки,— завтра со своими ребятами прикрепляешься к 1-му батальону Толунева. Ручные пулеметы у тебя в порядке?

— В порядке.

— Возьмешь еще два. Разведку одень в белые халаты. Понятно?

— Слушаюсь.

— Вот так.— И вдруг, улыбнувшись, Кононов обвел всех повеселевшими глазами.— А помощь, товарищи, идет. Из дивизии сообщили: на фронте работала комиссия ЦК партии. Она выяснила причины нашего отступления из-под Перми. В комиссии — Сталин и Дзержинский. И еще сообщают, что высылают в полк валенки и полушубки.Силы противника вы знаете, задачи на завтра те же: держать Казанцы и Рождественское. Все. Больше не задерживаю.

Утро третьего дня боев под селом Рождественское для командира 1-го батальона Толунева началось ссорой. Подоспевшие разведчики слышали, как комбат наседал на начхоза:

— Ты что городишь мне, что мыла нет? А знаешь, что из-за этого проклятого мыла сорвешь мне операцию? Что людей из-за него положат?— Толунев потрясал перед носом начхоза плохо стиранным белым халатом.

— А почему халатов только 28 штук? Где остальные?

Пушки, говоришь, бросали, не то что халаты? Нет, вы посмотрите на него,— горестно обратился комбат к разведчикам, разводя руками.

Не известно, чем бы кончилось дело, если бы в это время за селом дружно и раскатисто не затрещали пулеметы. Комбат как-то неожиданно успокоился:

— Вот что, ребята, одевайте халаты, берите еще одно отделение из 3-й роты и тихо, не мне вас учить, в тыл к барабинцам. Лобачев,— обратился он к старшему,— давай карту...

Случилось так, что именно группа разведчиков и решила исход нелегкого боя. Уже к вечеру, когда цепи барабинцев, оттеснив батальон, вплотную подошли к селу, в тылу у белых заговорили пулеметы. Это открыли огонь по врагу бойцы группы Лобачева. Нападение было столь неожиданным, что белогвардейцы, теряя убитых, спешно покидали поле боя. Разбиты были белые и в соседней деревне Казанцы, где сражался 2-й батальон Кузнецова. Были взяты значительные трофеи.

Однако, подтянув 7 января резервы, противник вновь вынудил красных оставить удобные позиции. Главный удар в этот день белые направили на деревню Казанцы, заняли ее и вышли на Осинский тракт, угрожая обойти Рождественское с тыла. Вынужденный оставить село, 17-й Уральский полк отошел на село Сташково, деревни Половинную и Большую Осиновку, расположенные на восточном берегу Камы.

В бою за Рождественское белые захватили в плен семерых красноармейцев. Всех их долго мучили, пытали и, наконец, вывели в сильный мороз на расстрел. Обнявшись, стояли бойцы в одних окровавленных гимнастерках у холодной стены рождественской церкви.

— Коммунисты — выйти вперед!— скомандовал белый офицер, махая перед пленными наганом. Качнув-

шись, шагнули вперед четверо: Илья Семенович Садовников, Яков Петрович Каменев, Гавриил Федорович Болотов и боец-эстонец, фамилия которого осталась неизвестной. Через мгновение вслед за товарищами шагнули вперед и остальные. Имена этих беспартийных товарищей, к сожалению, также до сих пор не установлены. Известно лишь, что один из них гневно бросил в лицо палачам:

— Мы тоже умрем коммунистами!

Семеро отважных, семеро коммунистов пали от вражеских пуль, защищая революцию. Скромный памятник стоит сейчас на их могиле в селе Рождественском...

Вскоре на смену 17-му Уральскому полку пришли части 1-й бригады. 17-й Уральский занял линию обороны на западном берегу Камы, в деревнях Луговая, Камина, Полуденная и в селе Казанка.

19 января, вместе со всей 30-й дивизией, 17-й Уральский полк перешел в наступление. С ходу была занята деревня Большая Елова. Выставив заслон в сторону Юго-Камского завода, полк двигался на село Рождественское. В тот же день были заняты село Сташково, деревни Черная и Половинная.

Однако успешно начатое наступление на другой день приостановилось: белые крупными силами контратаковали. Острые встречные бои продолжались до 29 января. Отойдя на западный берег Камы, полк на восточном берегу держал в своих руках село Сташково. Здесь, под Сташково и деревней Половинной, расположенной несколько восточнее, части полка держали оборону всю первую половину февраля. Бой не утихал ни днем, ни ночью.

Часто на позициях бывали в это время и комбриг Томин, и начальник штаба Русяев. Было от чего тревожиться: по девять атак за день отбивали пулеметчики и красно-

армейцы полка. Деревня Половинная несколько раз переходила из рук в руки.

14 февраля 2-й Барабинский полк белых начал наступление на Сташково. Не добившись в прошлые дни успеха в открытом бою, барабинцы пошли на хитрость. Группа штурмовиков в белых халатах, незаметно просочившись в расположение красных, захватила пулемет, что обстреливал дорогу на деревню Половинная. Это были ключевые позиции полка. В образовавшийся прорыв хлынули белые подразделения. Под артиллерийским и пулеметным огнем бойцы 1-го и 2-го батальонов 17-го Уральского полка отошли за Каму, оставив село Сташково.

Во время отхода в руки врага попал оренбургский доброволец, командир взвода Николай Пищальников. От ненависти и только что пережитого страха белые долго не рассуждали. В кольце штыков подвели они группу пленных красноармейцев вместе с Пищальниковым к реке. Приказали обреченным раздеться, а потом начали озверело колоть их штыками. Погибли все, кроме Пищальникова: крутой обрыв и темная ночь спасли его. Весь исколотый, скатился он в глубокий снежный нанос. А когда белые отошли, Пищальников, в одном белье, босой, истекая кровью, бросился бежать по глубокому снегу к другому берегу, где окапывались, готовясь к бою, его товарищи...

Оставив село Сташково, 17-й Уральский занял оборону на западном берегу Камы в деревнях Турунтай, Селишная и селе Казанка. Всю вторую половину февраля 1919 года он вел беспрерывные бои. Затем командование бригады отвело обескровленный, измотанный полк в резерв, в тыл. Его позиции занял полк имени Малышева.

Однако обстановка была настолько сложной, что уже 26 февраля полк был отозван из резерва и занял оборону в районе деревни Большой Чуран. Бойцы спешно возво-

дили укрепления: рыли вокруг деревни глубокие снежные окопы, поливали водой подходы к ним, сооружали площадки для тяжелых пулеметов. Соседями 17-го Уральского были: на левом фланге (пойма реки Ошап) — малышевцы, на правом фланге (район села Пташки и деревни Саранино) — части 5-й Уральской стрелковой дивизии и кавалерия полка имени Степана Разина.

И Большой Чуран, и Пташки, и Саранино, и другие деревни и села этого участка фронта в конце февраля — начале марта 1919 года не сходили с карт штабных работников белых, были лично изучены их командованием. Хорошо ознакомился с ними и командир Сибирской армии Гайда. Здесь был стык 2-й и 3-й армий красных. Именно в этот стык и упиралась черная стрела на карте Гайды, наметившего на начало марта решающее наступление против красных. Стратегическим направлением предстоящей операции оставались: Вятка, Глазов, Котлас, Архангельск — к англичанам, затем — поворот на Москву...

II. По знакомым местам

4 марта поутру, перейдя во многих местах Каму, Сибирская армия Гайды начала наступление. На позиции красных двинулись штурмовые егерские батальоны 1-го Сибирского корпуса генерала Пепеляева. Одни из них шли в полный рост, густыми цепями, другие незаметно пробирались лесными тропами в обход, просачиваясь к пулеметным гнездам и батареям красных.

На участке 17-го Уральского полка, под деревней Большой Чуран, находились 2-й Барабинский и Новониколаевский полки. Здесь утро 4 марта началось с вражеского огневого налета. Выпустив за два часа около

150 снарядов, белые стали готовиться к атаке. Однако атаки не получилось: прямым ружейным огнем бойцы 3-го батальона сорвали ее. Бой разгорался. Вот густая колонна колчаковцев пошла прямо по дороге на позиции 1-го батальона. Красноармейцы подпустили врага на четыреста шагов и только тогда открыли огонь. Рассыпавшись в цепь, барабинцы пробежали еще метров двести и не выдержали — зарылись в снег.

Полегли в снег вражеские цепи и на правом фланге обороны полка. Здесь в районе деревень Голодай и Комары оборону держал 2-й батальон. Красные вели сосредоточенный артиллерийский огонь из села Андреевка. Били врага пулеметным и ружейным огнем. Несколько раз белые бросались в атаку. Бой не прекращался весь день, не стихал и ночью.

Однако утром следующего дня положение значительно усложнилось. Подтянув свежие резервы, колчаковцы потеснили 2-й и 3-й фланговые батальоны. В это время 1-й батальон, в рядах которого шла группа полковой разведки, перешел в контратаку. Бросок был коротким и успешным: враг побежал. Захватив пулемет, около тридцати пленных, в том числе двух офицеров, разгоряченные бойцы продолжали преследование, когда стало известно, что фланговые батальоны уже оставили Большой Чуран. Увидев, что батальону грозит серьезная опасность, его командир Толунев дал знак к отступлению. Но сделать это организованно и без потерь не удалось. Пулеметная и ружейная стрельба раздавалась уже почти в тылу батальона. Пришлось бросить и трофейный пулемет, и пленных и спешно отходить в деревню. Основная масса красноармейцев 1-го батальона и разведчиков успела проскочить дорогу, что вела из деревень Голодай и Комары, успела уйти из Большого Чурана, уже оставленного 2-м и 3-м батальонами. Однако многие погибли в послед-

нем, штыковом бою в деревне. Отходивших дальше на Мураши и Андреевку вновь на открытом месте встретил огонь колчаковских пулеметов. Смертельную рану здесь получил комбат Толунев. Благополучно удалось отступить только тем красноармейцам, которые держались направления на деревню Черную: их спас лес.

Неутешительные итоги двухдневного боя подвел Кононов в селе Меркуши.

17-й Уральский стрелковый полк потерял убитыми, ранеными и пленными около одной пятой своего состава. Больше всего пострадали 1-й и 3-й батальоны. В бою пал командир 2-го взвода 3-й роты Я. Стамлер, тяжело ранены помощник командира 1-й роты А. Плеханов, командир пешей разведки полка Л. Лобачев и другие.

Соседний полк имени Малышева, находившийся на левом фланге в пойме реки Ошап, также не выдержал яростных атак противника и с боем покинул позиции. Серьезные потери понесли и белые. Они оставили на поле боя много убитых и раненых. 1-й и 2-й батальоны Барабинского полка были почти полностью уничтожены.

Бой у Большого Чурана был серьезнейшим испытанием для 17-го Уральского полка: речь шла о его существовании.

★

Переправившись через Каму, ударная группа белого Сибирского корпуса повела наступление в трех направлениях: на северо-запад — на Оханск, на запад — на Больше-Сосновское и на юг — на Осу. Основная тяжесть удара противника пришлась на полки 30-й дивизии. С боями, упорно обороняясь, дивизия отступала. 7 марта белогвардейцы ворвались в Оханск. На следующий день пала Оса. Тяжелыми были бои и на Больше-Сосновском направлении.

Несмотря на то, что в 17-м Уральском полку оставалось, как когда-то после боев под Кунгуром, не больше 400 штыков, он дрался, словно был полностью укомплектован. Во время трехчасовой схватки 12 марта под селом Петропавловское полк перешел в контратаку. Противник вынужден был отойти, оставив на снегу трупы своих солдат. Были захвачены пленные и 3 станковых пулемета. Так бывало неоднократно.

14 марта, когда выяснилось, что в полку осталось до одной трети его личного состава, Кононов переформировал полк: из трех батальонов было создано два, а запасный батальон Красных коммунаров, пришедший на пополнение, стал 3-м батальоном.

В середине марта части 4-й бригады Томина пытались перейти в наступление и перехватить инициативу. В результате напряженных боев бригаде удалось овладеть рядом населенных пунктов. Были взяты Селиваново, Суходол, Тойкино, Грязное, Зуево, Учкиленское, Козлова, Петропавловское.

Но успех этот был кратковременным. Уже 18 марта адъютант 17-го Уральского полка М. Попов сообщал:

«Фронт еще не установился, обозы, размещенные в районе с. Зура, Глазовского уезда, должны быть готовы к дальнейшему отходу в западном направлении. На линии фронта противник все время наступает».

★

К середине апреля 1919 года колчаковцы захватили огромную территорию Урала и Сибири. Враг торжествовал. На захваченной земле царили разруха и голод, режим кнута и виселицы. Тюрьмы были переполнены, по ночам они сотрясались от залпов: это уничтожали коммунистов и всех, кто им сочувствовал или помогал.

9 Заказ № 559

На помощь Восточному фронту встала вся Советская Республика.

Судьба революции вновь решалась именно здесь. 12 апреля 1919 года были опубликованы «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». Тезисы были написаны В. И. Лениным. На другой день состоялся пленум ЦК. Выступая на пленуме, В. И. Ленин особо отметил необходимость усиления 3-й армии, которая понесла тяжелые потери еще в зимних боях под Пермью и на Каме.

По призыву ЦК партии была проведена новая мобилизация. Во фронтовые части влились 11 тысяч коммунистов и 3 тысячи комсомольцев. На Восточный фронт потоком пошли эшелоны с вооружением и красноармейцами.

К этому времени войска Восточного фронта были разделены на две группы. Северную и Южную. 28 апреля войска Южной группы под командованием М. В. Фрунзе перешли в контрнаступление. Армия Колчака получила ряд сокрушительных ударов под Бугурусланом, Белебеем и Уфой.

Готовилась к предстоящему наступлению и Северная группа войск, где в составе 3-й армии находилась 30-я дивизия. Командование дивизии хорошо использовало наступившее в связи с распутицей относительное затишье на фронте. С 20 по 30 апреля по приказу командарма части 30-й стрелковой переформировались. Были созданы 3 бригады: 88, 89 и 90-я.

89-ю бригаду (комбриг Н. Д. Томин) составили стрелковые полки: 265-й — бывший 17-й Уральский, 266-й — бывший имени Малышева, 267-й — — бывший 2-й Горный.

Кроме того, в составе дивизии был кавалерийский полк, артиллерийский дивизион и батальон инженерных

войск. Начальником 30-й стрелковой по-прежнему оставался Н. Д. Каширин.

Хотя всем полкам были присвоены новые номера, до общего наступления Северной группы войск они сохранили и старые наименования.

С реорганизацией дивизии в 3-бригадный состав в частях ее была улучшена и вся политико-воспитательная работа.

Был укомплектован новый состав политработников, части пополнялись новыми бойцами, было улучшено материальное снабжение,— это отразилось на боеспособности дивизии.

Получил новое пополнение и 265-й (17-й Уральский) полк. В нем были произведены новые назначения на командные должности: командиром 1-го батальона стал Сальников, 2-м командовал Кузнецов, 3-м — Баяндин; начальником пешей полковой разведки стал Каменских.

Бойцы полка напряженно занимались боевой подготовкой, командование усиленно боролось за укрепление воинской дисциплины. В одном из приказов отмечалось, что виновные в нарушении воинского порядка «будут отвечать перед лицом военно-революционного трибунала по всем строгостям военного времени».

Воспитательная работа велась и среди командного состава. Штаб бригады подготовил и разослал по полкам специальную инструкцию, которая касалась прав и обязанностей командира, его личной инициативы и поведения в бою.

В эти дни в полк часто приходили подарки от рабочих промышленных центров страны. 25 мая, получив подарки из Москвы, бойцы вынесли благодарность Московскому комитету РКП(б). Здесь же они просили командование закупить и послать рабочим Москвы хлеб на собранные красноармейцами деньги.

...Проведя некоторое время в бригадном резерве, полк заступил на передовую в район сел Зятцы, Караваево и Калмыки. Из села Рождественское двумя батальонами он повел наступление на позиции врага. Были заняты населенные пункты: Кассишур, Вотчегур, Лозинская, Ивановская и Итча.

Однако в дальнейшем, когда 30-я дивизия вновь была вынуждена отходить на запад, во второй половине мая полк тоже отошел к границе Глазовского и Нолинского уездов. До 5 июня он простоял в районе села Валамаз, деревень Нижний Камсур, Андреевцы и Малая Нырья. Это были конечные пункты, западнее которых полк не отступал.

В майских боях у села Селты был ранен в руку командир полка Кононов, и на его место заступил помощник командира Гвоздиковский.

★

В мае 1919 года управляющего делами Совета министров Колчака Гинса поразили в кабинете штаб-квартиры Гайды две вещи: огромная карта и большое честолюбие хозяина. Гайда то хвастался, что он через десять дней возьмет Вятку, и с полной уверенностью показывал на карте, как он загонит красных в болото, то жаловался на неясность общего плана кампании. «Ставка тянет на юг, на соединение с Деникиным, а он, Гайда, считает, что Москву надо брать с Севера»,— объяснял он Гинсу. Действительно, получилось так, что, выработав на февральском совещании в Челябинске четкий план, белогвардейские стратеги проводили его непоследовательно. И если в мае Гайда не сумел «загнать красных в болота», то это получилось прежде всего потому, что его полкам противостояли такие части, как 265-й Социалисти-

ческий стрелковый полк. Но сам себя Гайда утешал тем, что ему не давали простора: его армии не позволили нанести главного удара. В середине мая в Прикамье 2-я армия красных перешла в наступление. 2 июня ее полки освободили Сарапул, 7 июня — Ижевск. Поражение Западной армии показало белым генералам, что у них нет больше никакой надежды на соединение с Деникиным.

И на Гайду снова обратили внимание. Ему дали полную свободу действий.

3 июня 1919 года армия Гайды захватила Глазов и двинулась дальше на запад — к Вятке. Обеспокоенный положением на Восточном фронте, 6 июня В. И. Ленин телеграфировал Реввоенсовету фронта:

«Считаю величайшей опасностью возможное движение Колчака на Вятку для прорыва к Питеру. Обратите серьезнейшее внимание, извещайте чаще о фронте под Глазовым»[1].

Огромная роль в этих условиях отводилась 3-й армии. Она должна была любыми средствами остановить продвижение Колчака на запад, совместно с другими красными частями отбросить его за Урал. На пути колчаковцев среди многих других красных полков вновь встал 265-й Социалистический.

Начало наступления для 265-го полка было неудачным. Видимо, сказалось то, что в самом конце мая в полк влилось много необстрелянных бойцов нового пополнения. Во время наступления на село Валамаз в 1-м батальоне, встретившемся с конным разъездом противника, вспыхнула паника. Паника возникла по вине 1-й и 3-й рот батальона. Наступление сорвалось. Лишь на другой день село Валамаз было взято.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 342.

В дальнейшем полк стремительно продвигался вперед. 10 июня он с боем занял села Зятцы и Кассишур. Шли знакомыми местами, останавливались у дорогих могил, вспоминали погибших боевых друзей. В районе села Зятцы вышли на Казанский тракт. Противника словно подменили: сопротивление оказывали незначительное, как будто сломался в колчаковской армии какой-то стержень.

Политкомиссар доносил 12 июня 1919 года в политотдел 3-й армии: «Полк продвигается вперед, сопротивление противника слабое, вследствие больших переходов в погоне за противником части утомлены, но чувствуют себя хорошо. Настроение приподнятое...»

Отступая, противник оставлял большое количество оружия. Для сбора его пришлось создать специальную команду.

18 июня полк преодолел реку Пыхту. Упорный бой разгорелся под селом Чепца. Кавалеристы 266-го стрелкового полка во главе с комбригом Томиным, проскочив горящий мост, смяли заставу белых, ворвались в село. Они захватили 8 орудий, обоз и много пленных солдат и офицеров противника.

Вскоре полк вступил на территорию Оханского уезда и 20 июня с боем занял Павловский, а через два дня — Нытвинский заводы. Бойцы больше не жаловались на усталость. Население встречало их со слезами радости на глазах, как долгожданных своих избавителей.

27 июня вслед за другими частями дивизии полк переправился через Каму у деревни Турунтай, Осинского уезда, и сосредоточился в районе сел Рождественское, Сташково и Половинная. Когда-то от Рождественского до Андреевец полк отходил на запад с боями полгода. Сейчас ему потребовалось всего три недели, чтобы вернуться обратно.

И снова — бои, снова — переходы. 5 июля полк остановился на отдых в Курашимском заводе. Разбитая Сибирская армия белых бежала по всему фронту. 1 июля была освобождена Пермь. Красная Армия начала освобождение Урала.

10 июля 265-й полк покинул Курашимский завод. 12 июля он заступил на передовую и левее железной дороги начал наступление в сторону Екатеринбурга. В течение двух дней он занял с боями села Марково, Платошное, Броды, Асово, Выдрянка, Крюки и Шайдуровка. 14 июля, двигаясь по Пермскому тракту, полк вступил в Сылвинский завод. В тот же день вечером части 28-й дивизии Азина вошли в Екатеринбург.

После взятия Перми командование 3-й армии, стремясь не отставать от быстро наступающих частей 2-й армии, создало подвижную кавалерийскую группу в составе двух тысяч сабель. Командовал группой Н. Д. Томин, начальником штаба был назначен В. С. Русяев.

Уже 14 июля кавалерийский отряд Томина громил белых и за 3 дня боевых действий занял Верхне-Тагильский, Невьянский и Висимо-Шайтанский заводы. В результате этого Северная группа войск генерала Пепеляєва была отрезана от частей Сибирской армии Колчака.

Вслед за этим отряд Томина разбил белых под станцией Егоршино, Ирбитом и Камышловом.

В эти дни 265-й полк погрузился на станции Билимбай в эшелоны и 21 июля прибыл в Екатеринбург.

«При входе в город полк встречали рабочие. Было произнесено несколько приветственных речей о значении нашей победы над Колчаком, красноармейцы остались очень довольны и воодушевлены встречей»,— так доносил в политотдел дивизии председатель полкового бюро Филиппов. В батальонах полка были проведены митин-

ги, Вечером в городском театре бойцы смотрели спектакль. В антрактах перед ними выступали с речами ораторы из Реввоенсовета 3-й армии.

12. Путь — на восток

Из Екатеринбурга части 89-й бригады были переброшены в Камышлов. Нужно было окончательно разбить противника, который в результате рейда отряда Томина оказался «разрезанным» на отдельные гарнизоны и группы. Красным полкам предстояло идти на Катайск, Далматово и Шадринск.

В 20-х числах июля в Далматово находился штаб Южной группы белых. В Катайске был расположен тяжелый артиллерийский дивизион. Крупные силы белых сконцентрировались и в Шадринске: здесь стояли части 1-й Сибирской дивизии.

28 июля 265-й полк повел наступление на село Катайск. В этом бою отличился командир 2-го батальона Кузнецов. Обойдя противника с тыла, его батальон энергичным броском прорвался к центру села и в штыковой атаке разгромил врага. После занятия Катайска полк быстро двинулся на Далматово.

В это же время 266-й полк, прикрывая левый фланг бригады, шел на Шадринск по Пышминскому тракту.

267-й полк вел наступление трактом Камышлов — Шадринск и подошел к Далматово с севера.

29 июля разведка полка незаметно проникла в село. Оказалось, что гарнизон и войска, стоявшие здесь, почти ничего не знали о происходящем на фронте. Операция по освобождению села была проведена успешно. Главный удар нанес с северо-востока 267-й полк. Он захватил железнодорожную станцию. 265-й полк стремительно

прорвался к центру с северо-запада и юго-запада. От станции и с запада в село хлынула конница отряда Томина. Победа была полной. Кавалерия Томина, 267-й и 265-й полки захватили в Далматово и его окрестностях штаб 1-й Сибирской стрелковой дивизии, штаб Южной группы белых, всю материальную часть тяжелого артиллерийского дивизиона, обозы с продовольствием и боеприпасами (до 800 подвод). Были разбиты 14, 13 и 16-й Сибирские полки противника, захвачено 1200 пленных, склады с продовольствием и снаряжением.

265-й полк потерял при взятии Далматово всего 7 человек убитыми и 46 ранеными, в том числе комбатов Вшицынского и Струкова.

3 августа 265-й и 266-й полки вплотную подошли к городу Шадринску. Вскоре сюда прибыла и кавалерия Томина. 5 августа на улицах города вспыхнул бой.

По воспоминаниям комроты полка Ф. С. Шишканова, несмотря на перестрелку, население Шадринска горячо встречало наших бойцов. Жители показывали красноармейцам места, где укрывались колчаковцы, откуда били вражеские пулеметы. Шадринцы подползали или просто подбегали к бойцам и набрасывали на винтовки калачи белого хлеба с возгласом: «Возьми, товарищ! Бей паразитов! Гоните убийц!»

В течение нескольких часов Шадринск был взят.

В оперативной сводке штаба 89-й бригады, посланной начальнику 30-й стрелковой дивизии, говорилось:

«5 августа 1919 года, сломив упорное сопротивление противника в 5—6 километрах от города, части 89-й бригады в 17 часов с боем заняли город Шадринск. Причем первыми вступили в город части 265-го стрелкового полка. При отступлении из Шадринска противник сжег мост в южной части города. Уничтожил на станции склады и эшелоны, нагруженные продуктами и боеприпаса-

ми. Противник пытался удержаться на южном берегу Исети, но метким огнем был сбит и в беспорядке отступил по тракту в направлении на восток — на село Каргаполье.

Нач. штаба бригады Русяев».

★

В трудный момент приступил к исполнению своих обязанностей командир полка Кононов. Бледный после перенесенного ранения, он перешагнул порог штабной избы, невесело улыбнулся, глядя на растерявшегося Гвоздиковского.

— Кого я вижу! — шутливо воскликнул Гвоздиковский.— Как это тебя, Александр Павлович, отпустили? Сколько ты пролежал в госпитале? Сейчас подсчитаем: ранили тебя, значит, 18 августа, сегодня — 14 сентября. Маловато же ты пролежал!

— Ладно, хватит,— Кононов досадливо махнул рукой.— Докладывай обстановку.

Гвоздиковский начал рассказ:

— В тот день, когда тебя ранили, полк стоял перед рекой Тоболом. Чтобы помешать нашей переправе, беляки сожгли мосты. Трое суток, под артиллерийским огнем, готовили мы переправу. Хорошо, что река в этом месте неширокая, всего сажен 50—60. 22 августа, тоже под огнем, перебрались через Тобол. С боями заняли несколько деревень на восточном берегу. Особенно упорным был бой под деревней Мелехино, в 50 километрах юго-западнее города Ишима.

— Вслед за нами, — продолжал Гвоздиковский,— переправились 266-й и 267-й полки, одним словом — вся бригада. Полком тогда командовал вместо тебя Вишняков. 24 августа 265-й полк продолжал наступление на во-

сточном берегу реки Ермутлы и с боем занял деревни Чернодырово и Морево. После этого нас отвели в бригадный резерв. Затем снова вышли на линию огня и совместно с малышевским полком взяли деревни Турлаково, Средняя-Чирковская, Изарев и Глинская. Позднее во взаимодействии с полком красных гусар (бывший Каргапольский эскадрон красных гусар) заняли село и вышли на линию Ряжск — Луговая. На левом фланге нашими соседями были части 29-й дивизии, на правом — малышевский полк.

5 сентября полк направился к реке Ишим и занял село Клепиковское. За этим селом встретились мы со старыми «знакомыми» — 1-м Новониколаевским и Барабинским полками белых.

Выглядели они неплохо, так как были укомплектованы свежими силами и насчитывали по 16 рот. Правда, били мы их по-прежнему. Одним словом, за неделю прошли от Тобола верст 180.

Но дальше картина изменилась не в нашу пользу. 7 сентября белые перешли в наступление. За неделю боев мы потеряли убитых 5 человек, раненых — 29, контуженных — двое, без вести пропавших — 13 человек. Оставлено: 17 винтовок, 2 пулемета, 5 повозок. Это убыль. Есть и прибыль: взяли у белых один «кольт», 180 винтовок, 128 пленных.

— Как ведет себя противник? — спросил Кононов.

— Казаки 11-го Оренбургского полка отличаются необыкновенным зверством как во время боев, так и по отношению к раненым, взятым в плен.

— Да, положение довольно сложное. Мне говорили в штабе дивизии, что, видимо, мы несколько недооценили противника. Колчак произвел всеобщую мобилизацию, собрал буквально все силы. Наступление мы повели, плохо подготовившись. Трудно приходится 5-й армии:

противник собирается отсечь ее от Тобола и уничтожить. Наша задача — во что бы то ни стало удержаться на восточном берегу, измотать силы врага. Трудно придется, очень трудно. Ну, да нам не привыкать!

— Удержимся! — уверенно поддержал Гвоздиковский.

★

После этого разговора прошла неделя, потянулась другая. Как ни яростны были атаки врага, чувствовалось, что он выдыхается. 30-я дивизия отходила к Тоболу медленно, ожесточенно сопротивляясь. Плацдарм на восточном берегу Тобола оставался за 3-й армией. Барон Будберг, обосновавшийся в ставке Колчака, записывал 16 сентября в своем дневнике:

«Наступление выдохлось и замерло, кое-где продолжаются небольшие стычки, и мы еще сохраняем свое положение, боюсь, что это продолжится недолго, а тогда вымотанные в конец части покатятся вновь назад».

Так и случилось. 14 октября отошедшая было за Тобол 5-я армия красных начала форсировать реку. Через несколько дней перешла в наступление и 3-я армия.

18 октября 265-й полк занял деревни Морево, Чернодырово и село Ермутлинское. Снова потянулись недели напряженных боев. Полк шел по пятам отступающего врага. Внезапно на бойцов обрушилось несчастье: тиф. От противника полк нес меньше потери, нежели от тифа. В каждом селе оставляли заболевших товарищей. «Буквально все избы заражены»,— доносили политработники полка. Но выбора не было: на дворе стоял мороз, и бойцы вынуждены были, рискуя, заходить в дома. «Несмот-

ря на все, включая и морозы... среди бойцов замечен большой подъем и энтузиазм».

Огромны в это время были трофеи, взятые полком: оружие, боеприпасы, грузовики, рогатый скот и даже... походное церковное имущество...

Красные части подходили к Омску.

Главнокомандующий колчаковской армией генерал Дитерихс, готовясь к обороне города, начал организацию различных добровольческих дружин — «крестоносцев», «зеленого знамени» и т. д. Однако дружины эти Дитерихсу не помогли. Наступление красных продолжалось. 13 ноября пять литерных поездов Колчака покинули Омск. Город был переполнен войсками и беженцами, набит складами с военным снаряжением и продовольствием, но он был уже обречен.

13 ноября 267-й полк перешел по раскрошенному льду реку Омь, с боем занял село Сыропятское и вышел к Омску. Приближался к городу и 265-й полк. Одна часть полка во главе с командиром 3-го батальона С. Г. Немовым захватила сёла Ново-Архангельское и Замиралово, форсировала реку Иртыш и ворвалась в село Красноярка. Другую часть полка вел Гвоздиковский. В тот же день он занял деревни Андреевскую и Прошинскую. Разбитые части противника бежали к Омску. В этих боях части 265-го полка захватили много пленных, 2 орудия, пулеметы, хозяйственные обозы.

Прорвавшись восточнее Омска, кавалерийский отряд бригады Томина зашел белым в тыл, с боем занял 276-й разъезд и взорвал железнодорожный мост, отрезав тем самым путь вражеским эшелонам на восток.

14 ноября части 27-й стрелковой дивизии с юга первыми ворвались в город. В тот же день 265-й полк занял село Кулагинское под Омском. В 12 часов дня 15 ноября полк вступил в город. Красные войска захватили в горо-

де 3 бронепоезда, свыше 40 орудий, огромное количество снарядов, более 200 паровозов, 300 вагонов и много пленных. Победа была полной. Совет Рабочей и Крестьянской обороны наградил за освобождение Омска всех красноармейцев и командиров 3-й и 5-й армий месячным жалованьем. 265-й полк получил сумму около 800 тысяч рублей.

...Четыре дня отдыхали бойцы в освобожденном городе. Приводили себя в порядок, частично несли гарнизонную службу.

13. Дорогами сибирскими

Омск освобожден. Красные захватили огромные трофеи и заняли столицу Колчака. По сути дела, белая армия как организованная военная сила перестала существовать. Над серебристой белой равниной, исполосованной лентами отступающих обозов, день и ночь стоял истошный вой: «Погоняй!» Крик этот стал символом бегущих разбитых белых армий. Тысячные обозы шли голова к голове. При налетающей как шторм панике — известии о приближении красных — творилось что-то невообразимое. Сталкиваясь, ломались оглобли, взлетала снежным облаком морозная пыль, звериный вой толпы мешался с дробью револьверных выстрелов. Стреляли не по красным — дрались между собой. Всеми владело одно желание: вырваться вперед, уйти от неминуемого дальше, в ледяную пустыню. Тиф косил бегущих. Больных сталкивали с саней, здоровые занимали их место.

Как вихрь налетали сибиряки-партизаны. На конях, на лыжах кидались из тайги прямо в гущу отступающих колонн. Алтайские партизаны с рук на руки передали преследуемого зверя партизанам уездов Томской губер-

нии. Последние, прогнав колчаковцев сотни километров, как эстафету, готовились передать их енисейцам. «От Омска до Томска,— писал в декабре 1919 года очевидец,— у железной дороги лежат не менее десяти тысяч трупов, которые никем не убираются».

Так остатки белых армий шли Сибирью многие тысячи километров. Куда шли — это не знали даже их генералы.

265-й полк, преследуя противника, шел по Томской губернии. Шел по 30—50 верст в сутки, несмотря на морозы. Сегодня с утра комполка Кононов был в плохом настроении: уже несколько дней полк шел почти вслепую, в штабе его не было приличной карты, а из дивизии не присылали. Кононов не любил писанины. Но карты были нужны, поэтому и сидел комполка, морщился от табачного дыма, диктовал писарю донесение в штаб дивизии сразу больше чем за полмесяца.

— Пиши: 1 декабря 1919 года. Село Каменевка, Томской губернии. Несмотря на ежедневные переходы в 30—50 верст, мороз и недостаточно хорошее и пригодное обмундирование... Чего остановился?

— Так ведь, товарищ командир, в Омске из колчаковских запасов хорошо оделись?

— Твое дело маленькое, знай пиши. Пусть шлют пимы, в походе изнашиваешь — горит обувь. Пиши дальше: «Настроение красноармейцев весьма хорошее...» «Сухое дело все-таки разные сводки и донесения,— подумал Кононов,— Разве отразишь весь героизм полка в журнале боевых действий?»

И в памяти Кононова всплыла темная лента Сибирского тракта с выбитым до земли снежным песком. Оскаленные морды лошадей передовой сотни, ринувшейся на заставу белых у села Ояшинского. Беспорядочная стрельба ошалевшей от страха заставы белых. Черный

дым и белые облачка снега от взрывов ручных бомб, что мечут всадники прямо с лошадей. Паника в селе. Наши потери — 4 раненых, а взято в плен около 500 человек, пушки, пулеметы, обозы.

Все это сделала сотня смельчаков. А когда подошли основные силы полка, начался штурм соседней станции Ояш. Отчаянная атака красных цепей прямо на брызжущие шквальным огнем пулеметы. На станции мечутся по путям испуганные фигуры. Замерли серые громады эшелонов — они не могут уйти: нет паровозов. Бой короток, сопротивляются только офицеры, солдаты охотно бросают винтовки в снег. Пленных генералов только успевай считать: на станции Ояш взяли четырех, на другой день (17 декабря) на разъезде Чебулинский еще двух.

Тут Кононов понял, что давно уже он сидит, задумавшись, и писарь перестал писать в ожидании. Смущенно потерев лоб, комполка виновато проговорил:

— Ладно, допишешь донесение сам, я подпишу. Отметь только подвиги разведчиков конной сотни. А сейчас пиши приказ по полку: идем, брат, на Томск.

Пока Кононов диктовал приказ, в этот же день, 18 декабря, 3-й батальон полка вел наступление на станцию Болотная. Под самой станцией оборону держала одна из частей 5-й польской дивизии полковника Румше. Белополяки, не в пример белочехам, вдруг решили драться. Они держались железной дороги, а не отступали по тракту, прикрывали вывоз своих эшелонов. Конная сотня полка спешилась, подошла вплотную. Белополяки заметно нервничали, стреляли беспорядочно. Дух их был сломлен.

Когда в наступающих сумерках со стороны красных волной поднялся крик «ура» и они, без выстрела, поднявшись в рост, бросились в атаку, белополяки не выдержали и побежали.

★

Едва забрезжил рассвет 19 декабря, когда конная разведка полка подошла к большому селу Ярское, расположенному на правом берегу реки Томь. Бесшумно сняли передовой пост, отвели в лесок, стали допрашивать. Мокрушин, комиссар команды, не слезая с лошади, внимательно слушает торопливую речь взятого в плен часового. Затем, выпрямившись в седле, озабоченно смотрит на командира команды Жданова. А тот уже тянет из ножен шашку. Зная горячий нрав командира, Мокрушин говорит:

— Надо подождать, когда подойдут наши. Шутка ли: в селе целый полк.

И, глянув на пленного, переспросил:

— Так целый полк, говоришь?

— Да, восьмой, Бийский.

Жданов не выдержал:

— А чего ждать?

И обращаясь к пленному:

— Штаб полка знаешь где?

— Знаю. Наши все сдадутся, давно промеж себя разговор ведем, вот только если офицеры...

— Ладно, веди!

Молча, не стреляя, пронеслись разведчики мимо поста у околицы, проскочили улицы, сплошь забитые повозками, солдатами, дымящимися полевыми кухнями. Вот и центр села. У ворот большого двухэтажного здания штаба произошла заминка.

Увидев бешено мчащихся всадников, часовой без предупреждения открыл стрельбу. Разведчик Виктор Бокшанский сбил часового с ног и прямо с коня швырнул в окно гранату. Не успел рассеяться дым после взрыва, как Жданов ворвался в помещение штаба. Большая ком-

ната первого этажа была полна офицеров. Подняв гранату, Жданов крикнул:

— Сдавайтесь, гады, бросай оружие!

Кто-то из офицеров выстрелил, но промахнулся. Разведчик, пятясь, бросил гранату и, закрыв дверь, рванул из-за спины ручной пулемет. Тех, кто выпрыгивал из окон, настигали меткие пули разведчика.

В соседнем доме сразился с колчаковцами Мокрушин. Выбив ударом ноги широкую «итальянскую» раму, комиссар прыгнул в окно. Но только успел он крикнуть: «Сдавайтесь!», как рухнул от пули. А через минуту, побросав оружие, офицеры выходили на улицу с поднятыми руками.

Между тем привлеченные выстрелами, к штабу бежали густые толпы солдат. Увидев сдающихся офицеров, солдаты бросали винтовки, молча строились под наведенными в упор ручными пулеметами.

На окраину села одновременно ворвалась 2-я рота 1-го батальона 265-го полка. Вел ее Федор Степанович Шишканов.

Помогая разведчикам, рота в коротких штыковых схватках закрепила успех. В полном составе Бийский полк в количестве 1500 человек (30 офицеров) был пленен. В селе наши захватили хозчасть полка, денежный ящик, лазарет, две музкоманды, 18 пулеметов и другие трофеи.

★

Восставший рабочий Томск ждал подхода 89-й стрелковой бригады. Тридцатитысячный гарнизон города, состоявший из частей 1-й Сибирской армии, не хотел больше проливать кровь за Колчака. Томский комитет РКП(б) призвал рабочих и солдат быть готовыми к осво-

бождению города от колчаковских банд, к выступлению против его генералов.

«Революционная армия,— говорилось в обращении,— подходит к Томску с востока и запада, находится в нескольких десятках верст от города и, перерезав пути бегства расстроенного квартета белых воров, на штыках своих принесет в город головы их командиров».

Спасая свою жизнь, командарм 1-й Сибирской армии белых Пепеляев одиночным порядком в санях скрытно бежал из города. 17 декабря 1919 года Томский военно-революционный комитет, созданный подпольным комитетом РКП(б), объявил о взятии им власти в свои руки. Над Томском вновь взвилось Красное знамя Советов.

20 декабря командир 89-й бригады А. И. Захаров вместе с военкомом и начальником штаба В. С. Русяевым, на тройке, сопровождаемые эскадроном кавалерии, въехали на центральную площадь города. Здесь уже собрались толпы народа, выстроились отдельные части гарнизона. Остановив тройку в центре площади, Захаров обратился к собравшимся с речью. Он поздравил рабочих и солдат Томска с долгожданным освобождением, сообщил, что город окружен полками 89-й бригады 30-й стрелковой дивизии. Затем он предложил солдатам и командирам войск разойтись по казармам, привести себя в порядок, а вечером командирам частей явиться для доклада.

В город меж тем входили передовые части 265-го стрелкового полка. Впереди шли Кононов, комиссар полка Звягинцев и Н. С. Куляпин в сопровождении роты пехоты с двумя пулеметами. За 265-м полком в район железнодорожного узла Томска вошел 267-й стрелковый полк. Одновременно с западной стороны, перейдя реку Томь, город занимали малышевцы — 266-й полк.

В ночь на 21 декабря большие зеркальные стекла гостиницы «Европа» отражали свет сотен электрических

ламп. Всю ночь командование 89-й бригады в присутствии командиров полков принимало представителей частей томского гарнизона. На другой день по городу были расклеены газеты «Знамя революции». Томичи читали:

«20 декабря 1919 года, днем, в город Томск вошли долгожданные товарищи: вошел Уральский советский полк. У городской заставы он был торжественно встречен кавалерийским эскадроном томского гарнизона». Далее газета сообщала о полном контакте между вошедшими войсками и солдатами гарнизона. Заканчивалось сообщение такими словами: «Настроение пришедших войск — твердое и спокойное. Настроение местного гарнизона — бодрое и ликующее».

В Томске в бригаду влилось новое пополнение. Это были солдаты и офицеры бывших колчаковских войск, изъявившие желание добровольно служить в Красной Армии.

Командование бригады и полков знало, с каким материалом ему придется работать. В приказе от 26 декабря 1919 года отмечалось:

«Наблюдается отсутствие дисциплины в [бывших] частях противника, вливаемых на пополнение частей и учреждений дивизии, выражающееся в пьянстве, наклонности к мародерству и общей расхлябанности».

Стремясь быстрее ликвидировать последствия колчаковщины, командование дивизии дает приказ установить в частях «спартанскую дисциплину», указывает на необходимость воспитания у красноармейцев уважения к командному составу. От командиров же требовались инициатива и творческий подход в работе с бойцами.

Большие и сложные задачи встали перед командованием и партийной организацией 265-го полка, куда влилось много солдат и офицеров бывшей белой армии.

К чести полка, он хорошо справился с этими задачами. Свидетельство тому — вся дальнейшая славная история полка. Закаленный в боях, сильный революционным духом, костяк полка, состоящий из бойцов Сибири и Урала, помог воспитать новых бойцов умелыми, дисциплинированными воинами.

В конце декабря 1919 года полковой комитет РКП(б) провел в ротах и командах партсобрания, посвященные улучшению всей массово-политической работы. Были избраны делегаты на полковую партконференцию. Она проходила 2 и 3 января 1920 года. Новое полковое бюро (Пырин, Шабанов, Филатов и другие — всего 9 человек) значительно оживило партийную работу. Используя передышку между боями, бойцы жадно слушали лекции и доклады, смотрели спектакли и концерты. Для проведения политбесед были отведены дополнительные часы занятий. Во всех ротах и командах были организованы школы по ликвидации неграмотности, что сыграло большую роль в подъеме культурного уровня красноармейцев. Преподавателями школ ликбеза были лучшие командиры, передовые члены РКП(б) и отдельные грамотные красноармейцы. Был введен дополнительный штат политруков.

★

Около двух месяцев нес полк гарнизонную службу. Многие были недовольны — как же так получается: 267-й и 266-й полки добивают Колчака под Красноярском и Иркутском, а мы улицы подметаем, дрова заготовляем, шпалы да рельсы на станции таскаем. Командиры хмурились, разъясняли: кроме вооруженного противника, есть у Советской власти еще три врага: голод, тиф, разруха. Поэтому нечего ворчать, пролетарская дисциплина — прежде всего. И каждый день отправля-

лись из полка команды для хозяйственных работ: на ремонт лечебных помещений, заготовку дров, санитарную очистку улиц, восстановление железнодорожного транспорта.

В частях гарнизона свирепствовал тиф. В полку была создана чрезвычайная комиссия для борьбы с ним (председатель — командир полка Кононов, члены — помощник военкома Солодов, старший врач Андреев и другие). В результате напряженной работы заболеваемость тифом в городе и частях гарнизона резко снизилась.

Прошел январь нового, 1920, года, потянулся февраль.

22 февраля загремела в центре города музыка: полк отмечал вторую годовщину создания Красной Армии. Мимо восхищенных томичей парадом прошла хорошо обмундированная и вооруженная боевая часть: шел, готовый к новым боям, бывший 17-й Сибирский, затем 17-й Уральский, теперь — 265-й стрелковый полк. Качалось обрамленное штыками, пробитое пулями боевое знамя. Держал руку под козырек на трибуне командир полка Кононов. А в полевой сумке его лежала телеграмма командования бригады от 20 февраля. Полку приказано: передать несение службы в городе частям местного гарнизона и с 25 февраля приступить к погрузке в вагоны. Путь — на Красноярск, Иркутск, на соединение с частями 89-й бригады...

7 эшелонов полка медленно продвигались по великой транссибирской магистрали. Почти на каждой крупной станции полк нес перед железной дорогой своеобразную повинность: чинил железнодорожные мосты, очищал пути от сгоревших и разбитых вагонов, заготавливал для паровозов и отопления вагонов дрова. Эшелоны поэтому растянулись на многие километры.

К 16 марта полк сосредоточился на станции Бошняково и в селе Больше-Уринское. Отсюда двумя колоннами пешим порядком пошли Сибирским трактом. По дороге производили «чистку»: разоружали и брали в плен отдельные мелкие группы белых, скрывавшихся по деревням. На всем пути вдоль тракта валялись разбитые, занесенные снегом повозки, трупы лошадей, орудия, пулеметы, самое разнообразное военное имущество, оставленное бежавшим противником. Полк шел медленно, подбирал брошенное вооружение, чинил взорванные мосты.

Так, где пешком, а где и по железной дороге, полк добрался до Иркутска.

8 апреля 1920 года частям 89-й бригады было приказано передвинуться от станции Иркутск в район восточнее озера Байкал до города Верхне-Удинска. В этом продвижении было что-то символическое: бывший 17-й Сибирский царской армии полк, отправившись летом 1914 года далеко на запад сражаться «за веру, царя и отечество», возвращался через 6 лет в родные места полком революционным, готовым (в который раз!) сразиться за власть Советов с любым врагом!

...Эшелоны шли к Байкалу. Свежий апрельский ветер разносил по тайге паровозный дым, тонкой пеленой стлал его над Ангарой.

В средней теплушке, собравшись в кружок, командный состав полка рассматривал разложенную на столе карту. Непривычно звучали новые названия населенных пунктов. Несколько в стороне от других сидел комбат Немов. Неделю тому назад он вернулся из Новоселенгинска. По заданию командира полка Немов внимательно изучил там обстановку, познакомился с местными условиями. Теперь он должен был сделать доклад.

Открыв совещание, Кононов вкратце обрисовал поло-

жение в Сибири и на Дальнем Востоке. Положение же было сложным: здесь и недобитые белогвардейцы, и японцы, готовые в любой момент нарушить границу. В Чите сидит атаман Семенов, который подобрал остатки разбитого корпуса Каппеля. Масса белогвардейского отребья сконцентрировалась у границ Китая. Надо было срочно занять и укрепить район Новоселенгинска. Наступать мы не можем, так как нельзя сталкиваться с японцами. Для этого и создан «буфер» — Дальневосточная республика.

Докладывает Немов:

— Участок, где должен расположиться полк, протянулся на 80 верст вдоль левого берега реки Селенги. В обороне он очень неудобный. Наш левый берег ниже правого. Местность глухая, гористая. Противник может подойти скрытно. Одно хорошо: Селенга — река горная, и в брод ее не перейдешь. Поэтому, на мой взгляд, лучше всего укрепить отдельные, важные для обороны пункты у переправ. Штаб полка разместится в городе Новоселенгинске. 266-й полк занимает позиции на реке Джида, в районе Енхорское и Ичитойское, а 267-й — участок правее нас.

...Началась суровая будничная жизнь. Всю весну и лето 1920 года 265-й стрелковый полк нес охрану границы в районе Новоселенгинска.

14. На Врангеля!

Подходило к концу богатое событиями лето 1920 года. Август принес новые заботы дипломатам и дельцам Англии, Франции и США. Синий сигарный дым застилал их кабинеты. Забыв про отпускные радости, дипломаты и дельцы напряженно работали.

За два года кое-что изменилось, а кое-что осталось прежним. Английские капиталы изменили маршруты, хмуро пристраиваясь в кильватер к французским кораблям. Но корабли шли теперь не на холодный Север, а к солнечной Таврии.

Разгром Деникина ничему не научил английских хищников капитала. 15 миллионов фунтов стерлингов кредита, предоставленного генералу, так и не успевшему их истратить, были теперь автоматически переведены барону Врангелю.

Французы спешили оказать помощь барону через банк «Кредит Фонсье д'Алтера и де Тунис». Американские дельцы, посылая винтовки, снаряды, бензин, инженерное оборудование, готовились помочь Врангелю не меньше, чем Колчаку.

Врангель начал активные действия, стремясь прорваться на правобережную Украину. В боях с 14 сентября по 3 октября белогвардейцы нанесли поражение 13-й армии красных, действовавшей между Днепром и Азовским морем. Истекая кровью, 13-я и 2-я Конная армии держались из последних сил, ждали помощи. И помощь вскоре пришла.

По предложению В. И. Ленина ЦК партии назначил 21 сентября командующим вновь открытого Южного фронта выдающегося пролетарского полководца М. В. Фрунзе. Для нового фронта были проведены партийные и комсомольские мобилизации, давшие тысячи новых бойцов. В Северную Таврию шли поезда с вооружением, боеприпасами, продовольствием. С Кавказского и Туркестанского фронтов перебрасывались дивизии.

В далеком Забайкалье грузилась в эшелоны знаменитая 30-я Иркутская имени ВЦИК дивизия. Собрался в дорогу и 265-й Уральский полк.

★

Рано утром 9 сентября 265-й стрелковый полк выступил из села Кокорино. Быстро погрузившись в эшелоны на Забайкальской станции Татаурово, полк отправился на запад. В первых числах октября, проехав без задержек всю страну, эшелоны начали прибывать под Полтаву. Выгрузившись из вагонов в 12 километрах южнее города, полк разместился в деревнях Петровка, Гавронцы, Стасовцы и других. Полк прибыл в разгар самых напряженных боев: Врангель рвался на Правобережную Украину, готовил штурм Каховского плацдарма. Но полк не был брошен в бой с ходу. В момент решающих боев за Северную Таврию командование все же нашло возможным ввести в бой полк не сразу, а постепенно, и перед полком ставились иные задачи.

Хотя осенью 1920 года в Северной Таврии скопилось огромное количество войск, сплошного фронта не было. По тылам обеих воюющих сторон часто рейдировали конные части, иногда довольно значительные.

В тылу у красных была еще одна опасность — мелкие кулацкие банды. Краснорожие «камышовые» батьки, в черных куртках, увешанные оружием, появлялись в селах тотчас же, как только линия фронта отодвигалась дальше. Махно был также ненадежен. Хотя его «народная армия» была умело изолирована советским командованием и 6 тысяч махновцев считались теперь союзниками, бандитская натура сказывалась. Отдельные группы махновцев все же тайно шныряли по тылам и бесчинствовали: то коней у красных уведут, то оставшегося бойца-коммуниста уничтожат.

Поэтому и шел 265-й стрелковый полк вслед за нашей наступающей армией, прикрывая ее тылы.

9 октября 265-й полк вышел из места своего расположения под Полтавой и двинулся к линии фронта, направляясь на Екатеринослав (Днепропетровск) — Александровск (Запорожье).

Уничтожая по пути мелкие банды, полк двигался к линии фронта. Красноармейцы шли проселочными дорогами, дивились богатой и щедрой природе здешних мест. Из конца в конец по походным колоннам неслось, переливаясь смехом, оживляясь шутками: «Даешь Крым с легким табаком!» Но знали солдаты и другое — на фронте идут тяжелые бои, Врангель рвется на Правобережную Украину. Шутки смолкали, когда шел полк через многострадальный Екатеринослав, спешно минуя его разбитые артиллерией рабочие пригороды. Ближе к перешейкам, соединяющим лазурную Таврию с материком, становились безлюднее степи.

В безводной степи ни жилья, ни тепла: свищет лишь уныло ветер, стелется прихваченный первыми морозами ковыль. Постепенно степь переходит в бесплодные солончаковые полоски земли, они упираются острыми клиньями в свинцово-тяжелые воды гнилого моря — в Сиваш.

Но прежде чем выйти в эти нерадостные степи, полк с 14 по 18 октября громил кулацкие банды в районе сел Знаменовки, Карабановки, Васильевки, а затем обосновался в селе Песчанки, охраняя тылы наступающих армий красных. Небольшие бои и стычки с мелкими бандами были хорошей школой для той части необстрелянной молодежи, что вступила в полк в Сибири. С 24 октября полк снова в походе: он идет на Мелитополь.

В последних числах октября 1920 года, когда в Северной Таврии начались решающие бои по разгрому Врангеля, полк был наконец брошен в бой.

28 октября советские войска Южного фронта начали решительное наступление. Вскоре Фрунзе сделал вывод, что имеются все условия для полного окружения противника. Два пути ведут в Крым из Северной Таврии: Перекоп и мосты на Чонгарском перешейке. 29 октября на Перекоп вышла 51-я стрелковая дивизия. Хотя дивизия и не ворвалась с ходу в Крым, но одна дверь, ведущая туда, была захлопнута для белых армий в Северной Таврии. Днем раньше Фрунзе отдал приказ командиру 1-й Конной Буденному — изменить первоначально взятое направление и тылами белых выходить на Сальково.

Станция Сальково стоит в самом начале Чонгарского перешейка. 1-я Конная армия выполнила поставленную задачу. Она пошла по тылам врага в юго-восточном направлении. Появление ее частей в районе Сальково и Геническа 30 октября было настолько неожиданным для белых, что генерал Кутепов не хотел ничему верить и приказал арестовать летчиков, принесших это известие, за распространение паники. Обстановка настолько быстро изменилась, что генерал не успел даже отменить свой приказ: бросив конвой, он едва ускакал от сабель конноармейцев.

С севера на Сальково шла 13-я и 4-я армии, в составе последней была и 30-я дивизия. Чтобы не допустить прорыва в Крым основных сил Врангеля в районе Сальково, Фрунзе 30 октября приказал командарму-4: «продолжать энергичное движение вперед, использовав все местные средства», двигаясь «днем и ночью», не считаться с ранее выдвинутыми в приказах сроками и рубежами.

30 же октября, согласно приказу Фрунзе, 265-й полк получил задачу: «Содействовать наступлению 88-й стрелковой бригады в ее продвижении на юг, преследуя и

уничтожая противника, на его плечах ворваться в укрепленный Рыковский район и форсировать Сивашский пролив у Чонгарского моста».

Кононов объяснил своим командирам всю важность быстроты продвижения к ключевым позициям на Чонгарском направлении к станции Сальково и мостам на перешейке. Он собрал командиров во время короткого привала прямо под открытым небом и прочитал приказ о наступлении на Рыково.

После этого «совещания» и стал полк делать переходы, которые позднее Военный Совет Республики называл «беспримерными». За двое суток полк прошел с боями до 140 километров.

★

Бой под станцией Рыково — одна из самых ярких страниц в истории 265-го полка. Все было примерным в этом бою: и четко налаженная взаимосвязь подразделений, и умелое, приобретенное богатым опытом руководство со стороны командиров, и героизм, и высокая революционная стойкость бойцов.

31 октября, выполняя поставленную задачу, 265-й вошел в село Веселое.

Здесь, за селом, неожиданно столкнувшись с большими массами вражеской конницы, бойцы и командиры полка не только показали крепкую закалку и мужество, но и большую выдержку. На помощь полку очень вовремя подошли части кавалерийских полков 2-й Конной армии. Враг был отброшен.

Это был первый наиболее серьезный бой полка на Южном фронте. 1 ноября, действуя совместно с 30-м кавалерийским полком своей 30-й дивизии, 265-й также с боем занимает села Елизаветовку, Екатериновку и

Анновку. На рассвете 2 ноября, оставив в Анновке один батальон с артиллерией, полк движется дальше и освобождает населенный пункт Фишер.

Уже два дня полк идет без привалов, оторвавшись от других частей. Выполняя директиву Фрунзе, он не останавливается: бойцы рвутся вперед — на Чонгар, на Рыково.

Как всегда, впереди батальонов, идущих рассыпным строем, полковая разведка во главе с Каменских. За ними, мерно и тяжело ступая, катят пулеметы бойцы 1-го батальона Яковлева. Следом движется 2-й батальон Куляшова.

В центре наступающих, озабоченно поглядывая на фланги, устало шагает комполка Кононов. Чувствуя, что бой сегодня будет серьезным, он сам вышел в передовые цепи. Хотя фланги прикрыты надежно эскадронами кавалеристов, Кононов неспокоен. Он знает, что такое атака большой конной массы в открытой степи. Не случайно командир держит при себе резервную 3-ю роту Григория Братанова и пулеметный взвод Ивана Каменских...

Как только впереди показались строения станции Рыково, лавина белой конницы набросилась на фланги полка. В жестокой сече, казалось, дрогнули и стали пятиться эскадроны красных кавалеристов. Но Кононов уже послал им на помощь резервные подкрепления. Все свершилось по заранее разработанному, четко продуманному плану. Красные эскадроны отходили, освобождая место для уничтожающего настильного пулеметного огня пехоты.

Операция напоминала знаменитые «заманные» бои запорожской вольницы. Только вместо телег с посаженной на них пехотой, как делали запорожцы, Кононов поставил пулеметные тачанки и выдвинул роту Брата-

нова. Прицельный залповый огонь роты, настильный пулеметный огонь взвода Каменских в течение нескольких минут решили исход боя на флангах: атака белых была отбита с большими для них потерями. Всадники же эскадрона 30-го кавалерийского снова выдвинулись вперед, преследуя бегущего противника. Теперь цепи красных шли прямо на станцию. Сокрушая врага, они проскочили, не задерживаясь, село и двинулись дальше на юг, вдоль железнодорожного полотна. Наступательный порыв был настолько стремителен, ожесточение бойцов настолько сильным, что когда в 5 километрах от станции полк неожиданно наскочил на колонну «свежего» противника, во много раз превосходившего красных по силе, бойцы не остановились. Первая же ударная группа полка атаковала врангелевцев. Она с ходу ворвалась в колонну, как раз туда, где гуськом тянулись орудийные пристяжки белых. Красноармейцы перекололи артиллеристов и стали разворачивать жерла пушек на противника. А с подоспевших тачанок уже хлестали по белым пулеметы. Когда же в степи грянуло «ура» и красноармейцы бросились в штыковую, колонны уже не было. По степи, оставляя оружие, разбегалась в панике неорганизованная толпа людей.

В приказе Высшего Революционного военного совета Республики, отметившего доблесть бойцов 265-го полка, было сказано, что полк захватил, «кроме других трофеев», 12 орудий, массу оружия, боеприпасов и продовольствия. За храбрость и умелое руководство боем в районе станции Рыково командир 1-го батальона Яковлев, командир 3-й роты Братанов и командир пулеметного взвода Каменских были награждены орденами Красного Знамени.

К вечеру 2 ноября, заняв с боем Ново-Алексеевку, 265-й полк остановился здесь на короткий отдых. А в это

время 30-я дивизия получила приказ: во звaимодействии с 6-й кавалерийской дивизией 1-й Конной армии захватить станцию Сальково, овладеть Чонгарским полуостровом и мостами.

В авангарде боевого порядка шла 88-я бригада. Ей было приказано: «...штурмовать в ночь на 3 ноября укрепленные позиции противника в районе ст. Сальково и занять ст. Джимбулук, приданным 265-м стрелковым полком обеспечить свой левый фланг на Геническ, Юзкуя, имея в виду вероятность попыток противника, действующего в районе Юзкуя, прорваться на Ярошек, Чонгар».

Утром 3 ноября в упорном бою частями 88-й бригады и 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии станция Сальково была взята.

Вечером 3 ноября части 89-й и 90-й бригад 30-й дивизии выбили противника со станции Джимбулук. Вскоре пала станция Чонгар. Однако захватить мосты не удалось: противник успел их взорвать и сжечь. Путь в Крым был закрыт.

15. Сиваш — Гнилое море

Вода в ведре никак не хотела закипать. Дневальный и на землю ложился, дул ожесточенно на угли, и бросал под ведро сухую траву — нет, не кипело варево. Группа бойцов угрюмо следила за стараниями своего товарища. А тут еще холод. В последние дни небольшой морозец часто сменялся то леденящим ветром, то едкими туманами, наползающими с моря. Укрыться же негде: белые, отступая, жгли хутора.

Вдруг за спинами бойцов раздался насмешливый голос:

— Чудеса: сидят люди чуть ли не в Крыму, а мерзнут!

Никто не оглянулся. Но вот к огню шагнул человек. Бесцеремонно протиснувшись через стену спин, он наклонился, выхватил из огня уголек. Вкусно запахло махоркой. Прикурив, человек обвел сидящих внимательным взглядом и сказал:

— Вы что, аль онемели? Ни разговору, ни песен. Совсем что-то приуныли. Негоже так, уральцы!

— А че хорошего, — буркнул кто-то в ответ,— третий день на ветру маемся, все объясняют: в резерве, ждите. Тут не до песен: ни обогреться тебе, ни поесть толком. А что тут сидеть?

П. Е. Бояршинов, командир взвода 17-го Уральского полка

— Ишь ты, сидеть? Не все у нас в бригаде сейчас, как вы, сидят: кое-кто ползает, а кое-кто и плавает.

Человек уютно присел на корточки, протянул к огню руки, замолчал.

— Это кто же в степу плавает? — недоуменно спросил голос.

Пришедший спокойно ответил:

— А малышевцы, они переправу через пролив наводят. У нас еще благодать: хоть по очереди, да по избам греемся. 265-му полку повезло: занял три хутора —

Кольцово, Мандычево, Ново-Анновку. А каково остальным полкам? По мосту, что малышевцы наводят, бьет тяжелая. Гниль. Запах несет на всю округу. От осколков хоть в землю влазь. А она, матушка, промерзла — в нее не влезешь. Место же перед проливом открытое. За счастье еще считай, что бросил сюда Фрунзе авиацию со всего фронта, а то дали бы вам костер развести — как же!

Бойцы придвинулись ближе, слушали уже с интересом. Наконец говорившего узнали. Кто-то вскочил, протянул комбату чурбак:

— Садитесь, товарищ Немов. Богатым вам быть, не признали сразу. Темно.

Тот улыбнулся, сел на предложенную чурку, достал из-за голенища ложку. Хитро глянув на дневального, зачерпнул варева. В большой деревянной ложке вместе с хлопьями сажи плавало несколько разварившихся зерен пшеницы. Кто-то из бойцов хмыкнул. Немов подул на воду, глотнул, обжигаясь, весело рассмеялся:

— Эх вы! Вон малышевцы, так те ухитрились на лопатах лепешки испечь. Ел давеча, очень вкусно.

И вдруг серьезно сказал:

— А малышевцы уже в Крыму побывали, на том берегу Сиваша. Надо полагать, нам в бой следом за ними идти.

Бойцы зашумели:

— Как это они вперед нас угодили?

— Они ведь все время за нами шли?

— Шли. А вот теперь их вперед пропустили,— продолжал Немов. — Трудно им там приходится. Был я у них сегодня ночью. Третьи сутки под огнем. 5 ноября протянули нитку бревен через пролив — артиллерия ее уничтожила. В ту же ночь, пятого, побывала на том берегу наша разведка. Сегодня ночью на вражеский берег

ходил уже целый батальон малышевцев. Сначала все было хорошо: пугнули встречную вражескую разведку, захватили пулемет. Но дальше пошло хуже: разбили белые за спиной у батальона наведенный мост. Два часа дрались малышевцы, прижатые к земле настильным огнем. Обратно на свой берег вернулся только каждый третий... Побывали на том берегу и наши полковые разведчики. Особо отличился начальник разведки Каменских. Кажется, Кононов хочет представить его к ордену.

— Так ведь Каменских еще под станцией Рыково был ранен,— прервал кто-то недоуменно.

— Нет, то был его однофамилец Каменских Иван, пулеметчик. Его тоже, кстати, к ордену представляют, а этот — Каменских Павел.

Былой подавленности как не бывало. Бойцы расшевелились, заговорили.

Немов вдруг встал и громко заявил:

— Орденов на всех хватит, впереди — штурм!

— А мы давно готовы.

— Это хорошо. А сейчас зачитаю я вам приказ командира дивизии в честь 3-й годовщины Великого Октября. Ведь сегодня праздник.

Над степью стало торжественно-тихо. Голос Немова звучал отчетливо и внушительно:

«В беспредельно далекой Сибири мы разбили колчаковскую армию. Прибыв на Южный фронт, мы рядом славных боев нанесли врангелевским войскам глубокие раны, но истекающий кровью враг успел уйти из-под дальнейших наших ударов. Наша задача — добить Врангеля, и после этого недалек час, когда мы в мирном труде на строительстве новой жизни используем завоевания Октябрьской революции!»

...Над страной, истерзанной гражданской войной, вставало утро третьей годовщины Великого Октября.

★

Штурмовать Чонгар было приказано 30-й дивизии. Давая указания командиру 30-й И. К. Грязнову, М. В. Фрунзе заметил, что 51-я дивизия еще 9 ноября прорвала вражеские укрепления на Перекопе и штурмом овладела Турецким валом.

В тот же вечер Грязнов поставил перед своими бригадами задачу: в ночь на 11 ноября нанести решительный удар по противнику и начать наступление с целью выхода на Крымский полуостров.

Боевая разведка перед линией фронта дивизии была произведена ранее. Выяснилось, что в обороне противника щели нет, но изъян есть. Укрепления врага на Тюп-Джанкойском полуострове были очень сильными. Они, словно подкова, упирались флангами в воды пролива, перегораживая перешеек. Четыре ряда колючей проволоки тянулись перед этой «подковой». Три ряда отрытых в полный профиль окопов были набиты солдатами, пулеметами, легкими пушками. На бетонированных площадках, в глубине обороны, стояли тяжелые орудия. В этом состояла сила врага. Изъян же был в том, что «подкова» стояла на значительном расстоянии (до 2 верст) от переднего уреза воды, что не позволяло противнику удержать переправу под ружейно-пулеметным огнем.

Штурм укреплений на Тюп-Джанкойском полуострове у Чонгарского моста Грязнов поручил 89-й бригаде. 90-я бригада должна была штурмовать укрепления на Таганашском полуострове у Сивашского железнодорожного моста. 88-я бригада была в резерве. Действия 89-й бригады прикрывались батареями 42-линейных пушек, 48-линейных и 6-дюймовых гаубиц. Разумеется, переправить пушки по той жидкой нитке из двух бревен, которую на-

вели саперы, было невозможно. И невозможно было по этой нитке переправиться сразу всем полком.

Поздно вечером 10 ноября командир 266-го полка В. А. Аронет привел своих малышевцев на переправу. Ледяной ветер валил с ног. Свирепо бросались на тонкий настил переправы волны Сиваша — Гнилого моря. То и дело тяжелые снаряды вздымали ввысь столбы воды и грязи. В полном мраке, поддерживая друг друга, шли бойцы по зыбким бревнам. Вот очередным взрывом разметало переправу. Томятся малышевцы, ждут, когда будут вновь налажены утлые мостки. Наконец — пошли. Идут цепочкой. Тонут от тяжести бревна, и по-прежнему — взрывы, фонтаны огня и воды.

— Вот и берег.

Бойцов встречает командир 3-го батальона Сапегин.

В четыре часа утра батальон Сапегина окопался в версте от пролива. Приготовились нанести удар слева от дороги. Правее подходил 2-й батальон Зыкова. 1-й батальон, который тоже закончил переправу, командир полка Аронет оставил у воды, в резерве.

И снова ждут малышевцы.

Наконец ударили наши тяжелые орудия. Как только огонь ушел в глубь вражеской обороны, молча, без выстрела, поднялись батальоны. Первыми пошли подрывники и гранатометчики — проделывать проходы через проволочные заграждения. Однако остальные не стали дожидаться, когда будет свободен путь. Бойцы рубят проволоку штыками, рвут руками, бросают на нее свои шинели. И вот уже батальоны Сапегина и Зыкова врываются в окопы врага.

В 6.30 утра взята первая линия окопов, следом за ней — вторая. Помогает артиллерия. Малышевцы вводят в бой резервный батальон. К 7.30 утра взяты третья и четвертая линии вражеских укреплений, занята деревня

Андрей Иванович Ковалев — командир взвода 265-го стрелкового полка

Тюп-Джанкой. Полностью разгромлен полк немцев-колонистов и часть сил 42-го Донского пехотного полка...

К 10 часам взят Ауз-Кирк.

Но дальше произошло неожиданное и страшное. В тыл малышевских батальонов прорвались белые эскадроны 2-й Донской дивизии. Главный удар пришелся на батальон Зыкова. Положив батальон в круговую оборону, командир сам лег за пулемет. Кавалеристы ворвались в лежавшие цепи, стали рубить их. Погиб у пулемета и сам Зыков. Казалось, ничто не сможет остановить лавину белогвардейских конников. Но вот на помощь товарищам идет с остатками своего батальона Сапегин.

В ожесточенной схватке положение удалось восстановить. Казаки были отброшены. Однако враг все же оттеснил 266-й полк обратно к хутору Ауз-Кирк...

Вслед за малышевцами через пролив переправился 267-й полк. Он буквально с ходу бросился в бои. Третьим на крымскую землю вступил 265-й полк. Тесня противника, он занял селения Букин, Осман-Букин и Копань.

★

Сменив малышевцев, 265-й дрался весь вечер и всю ночь с 11 на 12 ноября. Под хутором Копань враг еще раз попытался перейти в контрнаступление. 2-й батальон

265-го полка под командованием Н. Г. Кулешова в течение 4 часов упорно отбивал атаки, затем, дождавшись подкреплений, бросился в штыковую, разбил и погнал неприятеля. За умелое руководство этим боем Кулешов и начальник пулеметной команды батальона Набоков были награждены орденами Красного Знамени. Многие красноармейцы были награждены именными часами.

В дальнейшем, действуя совместно с другими частями, 265-й полк преследует разбитого противника и с боем занимает селения Мечетлы-Китай и Дирмень, вблизи железной дороги, идущей на станцию Джанкой.

Утром 12 ноября полки 89-й бригады продолжали наступление на Джанкой. У хутора Аршадор захватили большой обоз противника с продовольствием и боеприпасами и около 300 пленных.

Несколько в стороне от железной дороги действовал 3-й батальон под командованием Немова. После занятия батальоном хутора Тессы разведка предупредила комбата, что на хутор движутся крупные силы противника. Умело организовав оборону, Немов разгромил врага, захватил в плен добровольческую офицерскую роту, боевое снаряжение, пулеметы. За этот бой Немов был также награжден орденом Красного Знамени.

13 ноября, после того как части бригады заняли Джанкой, 265-й полк двинулся на Феодосию. В приказе по дивизии от 14 ноября говорилось:

«Противник окончательно вышел из-под удара и, беспорядочно оттянув жалкие остатки разбитых армий к побережью, производит лихорадочную погрузку на суда в Феодосийском и Керченском портах».

15 ноября полк вошел в Феодосию. Война в Крыму заканчивалась, части Красной Армии вышли на побережье по всему полуострову, сбрасывая в море разрозненные группы врангелевцев.

После разгрома Врангеля 265-й полк, как и вся 30-я дивизия, был выведен из Крыма. В это время здесь была проведена некоторая перестановка командного состава.

Командир 265-го А. П. Кононов, прошедший с полком весь его славный боевой путь, был назначен командиром 89-й бригады. Помощник командира полка Н. П. Гвоздиковский становится командиром 268-го стрелкового полка. Во главе 265-го был поставлен А. Н. Кузнецов. С. Г. Немов стал его помощником.

16. Приказ революции выполнен

На берегу моря еще трещали выстрелы, еще не скрылись на горизонте дымки кораблей, увозящих остатки врангелевских войск, как снова начали свои бесчинства махновцы. Разбросанные по всему Крыму банды анархистов срывали новое английское обмундирование с пленных солдат, разбивали склады, магазины, тащили все, что попадалось под руку. М. В. Фрунзе с самого начала предвидел, что сентябрьское соглашение с Махно будет в конце концов расторгнуто. 20 ноября он отдает приказ Махно о переброске его частей на Кавказский фронт. Махно отмалчивается. 24 ноября новым приказом М. В. Фрунзе предлагает «Революционному совету повстанческой армии» Махно ввести все его части в состав 4-й армии красных. Это был ультиматум. Красное командование соглашается ждать до 26 ноября, после чего (в случае отказа подчиниться) последует разоружение махновской «армии». Согласия не последовало. В Крыму начались новые бои.

Еще 17 ноября 265-й полк из Феодосии выступил на Керченский полуостров. Затем он побывал в Симферополе, а впоследствии вошел в город Саки.

С 23 ноября полк, выполняя приказ командования, начал разоружать мелкие банды махновцев. Преследуя их, он прошел по Черноморскому побережью через Евпаторию до сел Ак-Мечеть и Каражда. Здесь полк был расквартирован.

Одновременно с 265-м полком в боях с махновскими бандами в Крыму участвовали и другие части 30-й дивизии. В конце ноября — начале декабря 1920 года Крым был полностью очищен от махновцев. Вырваться удалось лишь небольшой кучке бандитов, сумевшей проскользнуть через посты у Перекопа. Дальнейшие операции против махновских банд велись уже в основном на территории Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний.

16 декабря из селения Ак-Мечеть и Каражда 265-й полк был направлен под город Мелитополь. Разместился он в 60 километрах западнее города в селе Ивановка.

В это время командование воинских частей обращает особое внимание на политическую работу среди населения. Каждый боец превращается в политического организатора. Специально созданные оргруппы в своих недельных сводках тщательно анализируют настроение крестьянства. Так, в сводке от 7 января 1921 года говорится: «Общее настроение крестьянства: бедноты — революционное, зажиточные крестьяне молчат и открытых выступлений не производят. Отношение к Советской власти хорошее. Культурный уровень — средний, политический — слабый. Экономическое положение: чувствуется недостаток в предметах первой необходимости, а также крестьянско-транспортных материалах».

В этой же сводке отражены самые разнообразные формы работы, которые проводились полком: здесь и митинги под лозунгами: «Бандитизм и борьба с ним», «Сущность Советской власти», и укрепление партячеек

в близлежащих деревнях и селах, и борьба с самогоноварением, и ликвидация неграмотности, и многие другие.

Однако главной задачей полка на протяжении всей первой половины 1921 года по-прежнему оставалась борьба с махновщиной. И в этой борьбе он занимал не последнее место.

17 января полк вышел из Ивановки и направился на Бердянск. 2 февраля из Бердянска он перешел в Ново-Константиновку, а 12 февраля передвинулся в село Федоровку. Здесь, под Федоровкой, произошло одно из самых тяжелых для полка столкновений с махновцами.

★

...Все тревожило с утра 14 февраля помощника командира полка Немова: и то, что полк так растянулся в походе, и какие-то бестолковые распоряжения командира полка Грамаковского, бывшего полковника царской службы, недавно сменившего Кузнецова.

Немов подозвал к себе командира батальона Каменских. Вместе отошли в сторону, закурили.

— Что-то вырвалась слишком вперед рота Братанова,— заметил Немов,— как бы не было беды!

Каменских, не отвечая, напряженно всматривался туда, где уже светлела полоска рассвета. Вдруг в серой пелене, вправо от дороги, выросло несколько десятков всадников. Они на рысях подъезжали к пешей колонне бойцов. Немов и Каменских несколько секунд подождали, затем решительно двинулись навстречу неизвестным. Кавалеристы меж тем как-то неторопливо растекались вдоль колонны Вот двое всадников направились в сторону Немова. Тот остановился: бандиты это или свои? Всадники не доехали метров пять, когда Немов остановил их окриком:

— Стой! Кто такие?

— Свои, свои. Сам кто будешь? Мы из 7-й кавалерийской.

Подъехавшие были в красноармейской форме. Но Немов заподозрил неладное.

— Стой, говорю! Кто у вас комиссаром в дивизии?

— А ты не пытай нас, браток,— всадник вдруг резко и широко раскинул руки в стороны,— говорю тебе: мы — наши!

«Знак своим»,— молниеносно понял Немов и, видя, как второй махновец замахнулся на него саблей, мгновенно выхватил наган. Один за другим прозвучало несколько выстрелов. Оба всадника рухнули. И вот уже по всей колонне гремела стрельба. Так начался бой, который длился в течение всей первой половины дня 14 февраля 1921 года.

Махновская конница окружила полк почти сплошным кольцом. Нападение было неожиданным. Кое-кто растерялся. К счастью, это продолжалось недолго. Кольцо окружения было разорвано, и полк стал с боем отходить к городу Гуляй-Поле. В бою полк понес значительные потери, бросил часть своего обоза и несколько пулеметов. Махновцы захватили около 150 человек пленных, главным образом из роты Братанова. Правда, позднее все пленные ушли от махновцев и вернулись в полк. Не меньшие потери понесли и махновцы.

В Гуляй-Поле полк привел себя в порядок. 4 марта он прибыл в село Петропавловку, имея задачу вести непрерывную разведку на линии сел Вербовая — Очеретовая.

7 марта 1921 года командование полком принял, вместо смещенного Грамаковского, Немов. Вскоре ему удалось сполна рассчитаться с махновцами за тяжелый бой под Федоровкой.

Поздней мартовской ночью из агентурных сведений Немов узнал, что в село Николаевку, которую только что занял 265-й полк, утром должны войти значительные силы махновцев. Возможно, во главе с самим «батькой». Весь остаток ночи полк не спал, готовился к встрече. На крышах установили, замаскировав, пулеметы. Все выходы из Николаевки были перекрыты. На рассвете передовые посты пропустили в село махновскую разведку. В центре села разведчики постучали в окно кулацкой хаты. Их впустили, но в темных сенях повязали руки. Село превратилось в огромную мышеловку. Зная любовь Махно к выступлениям перед селянами, Немов позаботился и о «толпе народа», которая будет встречать «батьку». Рано утром эта «толпа» собралась у околицы. Большинство из «встречавших» были сельскими активистами, люто ненавидящими бандитов.

★

...Колонна махновцев подходила к околице. Вот ее передовая сотня уже в середине села. Вразнобой грянула махновская музыка. С шалой песней втягивались в село махновские тачанки. Толпа «встречающих» загадочно молчала.

И вдруг в центре села поднялась стрельба. Густо застрочили пулеметы. Толпа, встречавшая «батьку», словно повинуясь приказу, моментально исчезла. Конское ржание, взрыв гранат, крики раненых — все смешалось в отчаянный многоголосый рев. Поняв происшедшее слишком поздно, Махно прыгнул с тачанки и, пригибаясь под пулями, пешком бросился в степь.

Передовая сотня махновцев, проникшая в центр села, была уничтожена полностью. До трехсот трупов оставили бандиты на окраине...

Бывшие бойцы 17-го Уральского — 265-го стрелкового полка. В первом ряду (справа налево): Поздняков, Н. Ф. Минеев, П. Г. Горюнов. Во втором ряду: П. П. Попов, М. П. Бородин, И. В. Осипов, Г. В. Хорошилов

★

С середины марта по 10 мая 1921 года 265-й полк стоял в селе Ново-Спасовка. Пробуждалась от зимней спячки земля, начиналась весенняя страда. Никогда еще не было у бойцов столь разнообразных забот. Они громили бандитские шайки и пахали землю, учились в ликбезе и устраивали концерты, строили дома и осваивали

тактику боя. Так, держа в одной руке винтовку, а другой управляя плугом, и прожили красноармейцы весну 1921 года. В июле полк перебросили к селу Михайловка, чтобы преградить дорогу Махно, уходившему с остатками банды на север. Но сразиться с махновцами 265-му на этот раз не удалось: его опередили другие части 30-й дивизии, полностью разгромившие отряды «батьки».

Осенью 1921 года полк был расквартирован в селах Бердянского уезда. Все реже слышались выстрелы на украинской земле. Закончилась многотрудная боевая страда. Остались позади четыре года жестокой, кровопролитной борьбы. Через горечь поражений и радость побед прошел полк из конца в конец огромной территории России, взбудораженной гражданской войной.

20 сентября 1921 года приказом Реввоенсовета Республики 265-й стрелковый полк «за отличия в боях с врагами социалистического отечества» был награжден Почетным революционным Красным знаменем.

Осенью 1921 года 30-я дивизия начала демобилизацию бойцов первого призыва. Разъехались в разные концы страны и ветераны 17-го Сибирского — 17-го Уральского, 265-го стрелкового полка. Из оставшихся в 89-й Чонгарской бригаде был сформирован один полк, которому присвоили наименование 89-го Чонгарского полка.

...Прошли годы. Немало событий произошло на земле, немало подвигов совершил советский народ. Но попрежнему жива легендарная слава 17-го Уральского. Она живет в замечательных революционных и боевых традициях уральцев, живет в их горячей любви к родной стране, в беззаветной верности тому делу, за которое боролись и гибли бойцы краснознаменного полка.

★

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АВТОРАМИ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ НАД КНИГОЙ

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 50; Ленинский сборник, т. XI.

В. И. Ленин. Военная переписка 1917—1920 гг. Госполитиздат, 1943.

Декреты Советской власти. Т. 1, 1957.

История гражданской войны в СССР. Т. 5.

В. К. Блюхер. Статьи и речи. Воениздат, 1963.

Гражданская война на Южном Урале. Сборник документов. Челябинск, 1962.

П. С. Лучевников. Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1958.

Легендарный рейд. Госполитиздат, 1959.

В. Душенькин. От солдата до маршала. Госполитиздат, 1964.

Борьба за Советскую власть на Южном Урале. Челябинск, 1957.

И. Недолин. Перевал. Уфа, 1959.

В. А. Карамышев. Боец, комиссар, журналист. Воениздат, 1960.

«Зауральский край». 1918, 31 апреля.

«Красный набат». 1918, 21 сентября и 30 октября.

Борьба за Советскую власть в Томской губернии. Сборник документов. Томск, 1957.

М. Л. Стишов. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири. МГУ, 1962.

А. Спасский. Третья армия. Пермь, 1958.

Г. Эйхе. Уфимская авантюра Колчака. М., 1960.

Борьба за власть Советов в Вологодской губернии. Вологда, 1957.

Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Киров, 1957.

Архив Свердловского краеведческого музея. Воспоминания И. Карпухина, В. Курьянова, Я. Суворова и других.

Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии, 1957.

Сергей Павлов — герой Октября и гражданской войны. Чебоксары, 1963.

На Южном Урале. Воспоминания участников гражданской войны. М., Воениздат, 1958.

В боях и походах. Свердловск, 1959.

Л. И. Спирин. Разгром армии Колчака. Госполитиздат, 1957.
В пороховом дыму. Пермь, 1961.
Под Красным знаменем. Пермь, 1957.
И. Недолин. Рейд Блюхера. Уфа, 1962.
А. Медведев. По долинам и по взгорьям. Свердловск, 1964.
В огне революционных битв. Новосибирск, 1964.
ЦГАСА (Центральный государственный архив Советской Армии), ф. 1346, 3573.
СПА (Свердловский партийный архив), ф. 41.
ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив), ф. 3351.
«Красный набат». Сборник песен, стихов и рассказов. Пермь, 1957.
Н. Ф. Плотников. Десять тысяч героев. М., «Наука», 1967.
Ягузов и Юдкевич. Сквозь огненное кольцо. Казань, 1968.
В. А. Плющев. Николай Томин. Воениздат, 1966.
Н. Кондратьев. Маршал Блюхер. Воениздат, 1965.
Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.

★

Попов Павел Павлович, Буранов Юрий Алексеевич, Шакинко Игорь Михайлович. *ПО ПРИКАЗУ РЕВОЛЮЦИИ*. Редактор В. Лошак. Художники М. Кошелева, А. Лебедев. Художественный редактор Б. Тюфяков. Технический редактор Т. Меньщикова. Корректоры Н. Давыдова и А. Богородская.

Сдано в набор 14/X 1969 г. Подписано в печать 11/XII 1969 г. НС 30638. Бумага типографская № 1. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Уч.-изд. л. 7,44. Усл. печ. л. 7,4. Тираж 10000. Заказ 559. Цена 31 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

РИГА
ПЕТРОГРАД
ВОЛОГДА
ВЯТКА
ГЛАЗОВ
ПЕРМЬ
КУНГУР
БИЛИМБАЙ
МОСКВА
ЯРОСЛАВЛЬ
ПАВЛОВСК
ДЕБЕСЫ
ВАЛАМАЗ
с. СЕПТЫ
ЧЕРНОВСКОЕ
ОСА
ТЮЙНО-ОЗЕРСКОЕ
КР. ЯР
КАТАЙСК
ИГЛИНО
АРХАНГЕЛЬСКИЙ
ТЕМИР-БАЕВО
УФА
ИРНЫКШИ
ЗИЛИМ
БОГОЯВЛЕНСКИЙ
ПОЛТАВА
ЗАПОРОЖЬЕ
ДНЕПРОПЕТРОВСК
с. ВЕСЕЛОЕ
НОВ. АЛЕКСЕЕВКА
ГЕНИЧЕСК
ГУЛЯЙ ПОЛЕ
ВАСИЛЬЕВКА
РАЙОН БОРЬБЫ С БАНДАМИ МАХНО И ДРУГИМИ 1921г.
АНДРЕЕВКА
МЕЛИТОПОЛЬ
БЕРДЯНСК
ДЖАНКОЙ
ЕВПАТОРИЯ
СИМФЕРОПОЛЬ
ФЕОДОСИЯ
КЕРЧЬ

• Боевой путь 265/17 Уральского социалистического/ стр. полка 30 стрелковой дивизии • 1917–1922

ст. Тайга
Томск
Красноярск
Иркутск
ст. Татаурова
Улан-Удэ
оз. Байкал
Селенгинск
Омск
Болотная
Оёш
Петропавловск
Ялуторовск
Камышлов
Курган
Челябинск
Троицк
Белорецк
Верхне-Уральск

Условные обозначения •

- Путь движения Северного летучего отряда •
- Боевой путь движения 265/17 Уральского соц./ стр. полка
- Путь движения на юг — на Врангеля •
- Путь движения полка без сильных боев •
- Атаки белочехов и банд Дутова •
- Районы сильных боев и атак полка •
- Бои с выходом из окружения •

31 коп.

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО,
СВЕРДЛОВСК, 1970